

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ

ИСКАТЕЛЬ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ЭМИАС ЛЭЙ

Классика приключенческого романа

Чарльз Кингсли

Искатель приключений Эмиас Лэй

«Public Domain»

1855

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Кингсли Ч.

Искатель приключений Эмиас Лэй / Ч. Кингсли — «Public Domain», 1855 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03399-5

Чарлз Кингсли (1819–1875) – англиканский священник, писатель, историк; один из основателей английского христианского социализма. Его творческое наследие состоит из романов, философских сочинений, проповедей, публицистики, лекций и т. д. Славу пастору как христианскому социалисту и писателю создали два социальных романа – «Дрожжи» и «Элтон Локк, портной и поэт», где ему удалось отобразить кризисные явления в традиционно консервативном сельском обществе и показать бедствия обитателей городских трущоб. В этом томе публикуется роман «Искатель приключений Эмиас Лэй», в котором судьба приготовила его герою множество испытаний: здесь и встреча с красавицей Розы Солтерн, и жестокое сражение с испанцами за золото... Все это случилось после того, как отчаянный сорвиголова Эмиас Лэй отправился в плавание на корабле знаменитого пирата Фрэнсиса Дрейка.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03399-5

© Кингсли Ч., 1855
© Public Domain, 1855

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	35
Глава VI	45
Глава VII	48
Глава VIII	59
Глава IX	64
Глава X	74
Глава XI	77
Глава XII	84
Глава XIII	88
Глава XIV	92
Глава XV	96
Глава XVI	98
Глава XVII	101
Глава XVIII	111
Глава XIX	119
Глава XX	125
Глава XXI	127
Глава XXII	133
Глава XXIII	136
Глава XXIV	140
Глава XXV	150
Глава XXVI	155
Глава XXVII	160
Глава XXVIII	167
Глава XXIX	176

Чарлз Кингсли
Искатель приключений Эмиас Лэй

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Глава I

Как Эмиас Лэй захотел быть храбрым искателем приключений

Каждому, кто путешествовал по восхитительным местам северного Девона, знаком маленький белый городок Байдфорд¹, расположенный у верховья широкой полноводной реки Торридж с желтым песчаным дном. К городу примыкает ряд холмов, покрытых густыми дубовыми лесами. Холмы понемногу переходят в чуть заметную возвышенность, а дальше расстилается обширное пространство солончаков и сыпучих песков; там Торридж сливается со своей сестрой Тэо, и вместе плавно они струятся навстречу безбрежному простору и вечному шуму волн Атлантического океана.

Радостно стоит старый город под ласковым, словно итальянским небом. День и ночь овеивает его свежий морской ветер, смягчающий и лютый зимний холод, и жестокую летнюю жару. Стоит он, быть может, восемь сотен лет, с тех пор как первый Гренвайль, двоюродный брат Вильгельма Завоевателя, вернувшись после победы над Южным Уэльсом, собрал вокруг себя верных саксонцев, златокудрых северных витязей и темноволосых бриттов с берегов Лебединого озера.

В то время, о котором я пишу, Байдфорд не был просто милым провинциальным городом, чья набережная вынуждена довольствоваться небольшими парусными судами малого каботажа. Байдфорд был одним из важнейших портов Англии. Он выставил семь кораблей для борьбы с Непобедимой армадой, и еще столетие спустя, как говорят летописцы, он посылал больше судов для торговли с Севером, чем какой-либо другой порт Англии, за исключением (странное сопоставление) Лондона и Топшэма.

В 1575 году в ясный летний полдень высокий красивый мальчик в одежде школьника, с сумкой и грифельной доской в руках, медленно брел по набережной Байдфорда, с любопытством осматривая недавно прибывшие корабли и встречных матросов. Миновав Главную улицу, он оказался против одной из многочисленных таверн, стоящих над рекой. У открытых окон сидели купцы и дворяне, утоляя глинтвейном послеобеденную жажду. Перед выходом в таверну собралась группа матросов, внимательно слушающая кого-то, кто находился в центре. Живо интересующийся всякой новостью с моря, мальчик подошел и занял место среди ребят, которые переглядывались и перешептывались, путаясь под ногами у взрослых. Он услышал следующую речь, произнесенную громким, бодрым голосом с сильным девонширским акцентом, щедро пересыпанную проклятиями:

– Если вы не верите мне, ступайте и убедитесь сами или оставайтесь здесь и обрастайте плесенью. Я говорю вам, – а это так же верно, как то, что я джентльмен, – я видел это собственными глазами; я и Сальвейшин Иео – тоже через окно подвала. Мы измерили груды – в ней было семьдесят футов длины, десять футов ширины и двенадцать футов вышины – все серебряные слитки, и каждый слиток весом от тридцати до сорока фунтов. Капитан Дрейк² сказал: «Мои девонширские молодцы, я привел вас к утробе мировой сокровищницы, и будет ваша вина, если вы не оставите ее тощей, как сушеная треска!»

– Так почему же вы ничего не привезли оттуда, мистер Оксенхэм?

---

¹ Городок на юго-западе Англии, до XVIII в. – один из важных полоторговых-полупиратских портов. До 1573 г. был в феодальном подчинении семейству Гренвайль.

² Фрэнсис Дрейк (1540–1596) – английский мореплаватель, прославившийся рядом головокружительно смелых налетов на испанские владения в Южной и Средней Америке, принесших неслыханные барыши и сопровождавшихся такими зверствами, что в Вест-Индии еще в начале XIX в. испанцы пугали детей: «Вот Дрейк тебя возьмет».

– Почему вас не было там, чтобы помочь нам? Мы бы вынесли слитки наверх вполне благополучно; молодой Дрейк и я уже взломали наружную дверь, но капитан Дрейк вышел оттуда полумертвый, и, когда мы приблизились, мы увидели, что у него на ноге рана, в которую можно засунуть три пальца, и его сапоги полны крови. Прошел уже час, как он был ранен, но крепость духа в нем такая, что он не чувствует раны, пока не свалится. Тогда мы с его братом понесли его в лодку, причем он брыкался и отбивался и приказывал нам спустить его, хотя каждый его шаг оставлял на песке лужу крови. И мы ушли. Скажите мне вы, высохшие сельди, что скорее стоило спасать – его или подлое серебро? Серебро храбрецы всегда могут добыть снова. Как в море больше рыбы, чем можно выловить, так в Номбре-де-Диос³ больше серебра, чем нужно, чтобы вымостить все улицы Запада; а такого капитана, как Фрэнк Дрейк, жизнь никогда не создает больше одного сразу. Так говорю я, а кто не согласен, пусть выбирает оружие – я к его услугам!

Говорил это высокий, крепкий человек, с цветущим лицом, окаймленным черной бородой, и смелыми живыми темными глазами. В небрежной позе, подбоченясь, стоял он, прислонившись к стене дома. В глазах школьника он был великолепен. Одет он был, вопреки всем законам того времени, направленным против роскоши, в костюм малинового бархата, слегка потрепанный; на боку у него висели длинная испанская рапира и пара кинжалов с блестящими рукоятками; на пальцах искрились кольца, шею обвивали две или три золотых цепи, а в ушах висели большие серьги, причем за одно ухо в глянцеvitые черные кудри была воткнута большая красная роза. Голову украшала широкополая бархатная испанская шляпа, на которой вместо пера торчала целая райская птица, прикрепленная большой золотой пряжкой. Великолепное зеленое с золотом оперение сверкало, как драгоценный камень. Окончив речь, Оксенхэм снял шляпу и заговорил, глядя на птицу:

– Смотрите сюда, ребята, вряд ли вы видели когда-нибудь таких птиц раньше. Это птица, которую носят старые индейские короли Мексики и не позволяют носить никому другому. Тем не менее я ношу ее, я, Джон Оксенхэм из Южного Таутона. Пусть знают это храбрецы Девона.

И он вновь надел свою шляпу.

Послышались рукоплескания, но кто-то намекнул, что он сомневается в успехе, так как испанцев слишком много.

– Слишком много?! Сколько человек, черт возьми, мы взяли с собой в Номбре-де-Диос? Нас было семьдесят три, когда мы отплыли из Плимута, а прежде чем мы увидели Испанское море⁴, половина была «гастадос», как говорят испанцы – истощена цингой. В порту Фазанов с нами встретился капитан Раус из Кью, и это дало нам еще тридцать человек. С этой горсточкой ребят – нас было всего пятьдесят три человека – мы расчистили путь в Новый Свет! А кого мы потеряли?! Только одного трубача, который стоял и ревел, как осел, посреди площади, вместо того чтобы позаботиться о своей шкуре.

– Подходите, подходите же, слушайте, слушайте, кто хочет разбогатеть!

Кто хочет плыть с нами,
Веселыми моряками!
Кто хочет быть с нами!
Наполнить карманы золотыми деньгами,
Плавая по морю, о!

---

³ Город и округ Центральной Мексики (имя Господне).

⁴ Тогдашнее название морей, омывающих треугольник, образуемый южным побережьем Северной Америки, Центральной Америкой и северным побережьем Южной.

– Слушайте, – закричал высокий худой малый, который до сих пор молча стоял рядом с ним, – пришло ваше время! Сорок человек из Плимута будут наготове к нашему возвращению. Нам нужна еще дюжина из вас, жителей Байдфорда, из них один или два подростка.

– Не допустите же вы, – продолжал Оксенхэм, – чтобы люди Плимута сказали, что жители Байдфорда не осмелились последовать их примеру? Здесь северный Девон стоит против южного. Кто с нами, кто с нами?! Страшен первый шаг. И плавание станет спокойным, словно в рыбьем садке, как только мы обогнем мыс Финистере. Я найму в Кловелли рыболовное судно и бьюсь об заклад на двадцать фунтов – оно не зачерпнет ведра за всю дорогу. Не думайте, что вы покупаете поросенка в мешке. Я знаю дорогу, и Сальвейшин Иео – вот он – тоже знает. Он был помощником канонира и изучил море так же хорошо, как и я, и даже лучше. Попросите его показать вам морскую карту, и вы увидите – он расскажет вам весь путь не хуже самого Дрейка.

После этого худой человек вытащил из рукава большой белый буйволоный рог, покрытый грубыми изображениями суши и моря, и показал его удивленным слушателям.

– Смотрите сюда, ребята, смотрите все, и вы увидите картину места, изображенную так точно, что лучше уж никак нельзя. Я получил его от одного портингэльца на пути к Азорским островам – он умел вырезать рисунки и вырезывал их везде, где бы он ни плавал и что бы он ни видел. Возьми теперь рог в свои руки, Симон Эванс, возьми рог в свои руки, посмотри на него, и, ручаюсь, ты в пять минут будешь знать дорогу не хуже, чем любая акула в море.

И рог стал переходить из рук в руки. Тогда Оксенхэм, увидев, что его слушатели задеты за живое, потребовал через открытое окно большой кубок глинтвейна и пустил его по рукам вслед за рогом.

Школьник, который жадно слушал, сумел тем временем втереться внутрь круга и теперь стоял лицом к лицу с героем изумрудного пера и смотрел во все глаза на чудесный рог. Но вот он увидел, что матросы, повертев рог, один за другим стали подходить к Оксенхэму и пожимать ему руку в знак своего согласия идти с ним. Воображение школьника воспламенилось; чудесный рог действовал столь же магически, как рог Тристана⁵ или волшебников Ариосто.

Когда группа рассеялась и Оксенхэм ушел в таверну со своими новыми товарищами, мальчик снова попросил разрешения ближе взглянуть на чудо, и ему тотчас разрешили.

Его восхищенному взору представились города и гавани, драконы и слоны, киты, сражающиеся с акулами, плоские испанские лодки, острова с обезьянами и пальмовыми деревьями. И над каждым рисунком сверху было помещено его название. Там и сям были надписи: «Здесь есть золото» и снова «Много золота и серебра», по-видимому, сделанные рукой самого Оксенхэма, так как слова были на английском языке.

Медленно и страстно мальчик вертел рог и думал, что владелец его богат. О, если б только он мог обладать этим рогом, ему нечего было бы больше желать для полного счастья!

– Послушайте, хотите вы продать это? – спросил школьник.

– Даже мою собственную душу, если мне за нее заплатят!

– Я хочу рог, мне не нужна ваша душа – она похожа на старую камбалу, а там в гавани есть достаточно свежих.

С этими словами мальчик после долгих колебаний вытащил тестер⁶, единственный, который у него был, и спросил, может ли «это» купить рог.

– Это? Нет, ни даже двадцать таких.

Мальчик подумал, что бы сделал настоящий странствующий рыцарь в подобном случае, и затем сказал:

– Вот что, я буду сражаться с вами за него.

---

⁵ Герой знаменитого рыцарского романа, посвященного трагической его любви к неверной королеве Изольде Белокурой.

⁶ Старинная монета.

– Благодарю вас!

– Разбей голову этому нахалу, Иео! – сказал Оксенхэм.

– Назовите меня еще раз нахалом, и я разобью вашу! – И мальчик яростно занес кулак. Оксенхэм с минуту смотрел на него улыбаясь.

– Ну, ну, друг мой, дерись с теми, кто одного возраста с тобой, и пощади маленьких людей вроде меня.

– Я – мальчик по возрасту, сэр, но у меня мужской кулак. Мне в этом месяце исполнится пятнадцать лет, и я знаю, как ответить каждому, кто оскорбит меня.

– Пятнадцать, мой юный петушок? Ты выглядишь двадцатилетним, – сказал Оксенхэм, бросая восхищенный взгляд на крепкие члены юноши, на его зоркие голубые глаза, вьющиеся золотистые волосы и круглое честное лицо. – Пятнадцать! Если бы у меня было полдюжины таких, как ты, я сделал бы из них рыцарей, прежде чем умереть. А, Иео?

– Из него выйдет, – заявил Иео. – Он станет славным боевым петухом через год или два, раз он уже осмеливается ссориться с таким суровым старым птичником, как капитан.

Раздался общий смех, в котором Оксенхэм принял участие столь же громко, как все остальные, а затем спросил мальчика, почему он так жаждет получить рог.

– Потому, – воскликнул тот, смело глядя на него, – что я хочу пойти в море! Я хочу видеть Индии⁷, хочу сражаться! Я отдал бы полжизни, чтобы стать юнгой на борту вашего корабля.

С горячностью высказав все это, мальчик вновь опустил голову.

– И ты будешь, – воскликнул Оксенхэм с крепким проклятием, – и захватишь галеон! Чей ты сын, доблестное создание?

– Мистера Лэя из Бэруффского поместья.

– Я знаю его не хуже, чем подводные камни, и его кухню. Кто ужинает с ним сегодня вечером?

– Сэр Ричард Гренвайль.

– Дик Гренвайль! Я не знал, что он в городе. Ступай домой и скажи отцу, что Джон Оксенхэм придет составить ему компанию. Больше от тебя ничего не требуется. Я сам все улажу с почтенным джентльменом, и ты отправишься со мной на поиски счастья. А что касается рога, отдай ему рог, Иео, я дам тебе золотой за него.

– Ни одного пенни, капитан. Если молодой господин примет подарок от бедного матроса – вот он, ради его любви к своему призванию, и да будет с ним удача на этом пути!

Добрый малый с импульсивным великодушием настоящего моряка сунул рог мальчику в руки и пошел прочь, чтобы избежать благодарности.

– А теперь, – заговорил Оксенхэм, – мои веселые молодцы, прежде чем вы получите жалованье, решайте, хорошо ли вы намереваетесь себя вести. Я не советую никому из вас вести двойную игру, как это делают те ползучие гады, которые берут пять фунтов у одного капитана, десять у другого, а затем предоставляют ему ехать, а сами остаются, спрятавшись под женским покрывалом или в погребе таверны. Если у кого-либо есть такое намерение, пусть он лучше сам себя зарежет и засолит в бочке из-под свинины, прежде чем снова встретится со мной. Клянусь белым светом, если такой негодяй попадется мне даже через семь лет, я тут же пере-режу ему глотку! Но если кто будет мне верным братом – верным братом тому буду и я. Ждет нас крушение или богатство, буря или покой, соленая вода или пресная, будет у нас провиант или нет – доля и еда для нас всех одинаковы... Вот моя рука в этом каждому и всем. Итак:

Вперед, на запад,
И «ура» за Испанское море!

---

⁷ По представлению того времени, существовали две Индии – западная и восточная. Открыв остров Куба, Колумб считал, что он открыл западную (Вест-Индию).

После этой речи Оксенхэм с шумом вошел в таверну в сопровождении своих новых матросов, а мальчик направился к дому со своим драгоценным рогом, колеблясь между надеждой и страхом и краснея, как девушка, от стыда, что так сразу открыл чужому человеку свое сокровенное желание, которое с девятилетнего возраста держал в тайне от отца и матери.

Этот юный джентльмен, Эмиас Лэй, хотя прожил всю свою жизнь, как мы бы выразились теперь, в лучшем обществе и избран мною (за доблесть, учтивость и подлинно благородные качества, которые он выкажет далее в своей полной приключений жизни) в герои этого романа, не был, за исключением своей приятной внешности, ни в каком отношении тем, что называют в наши дни «интересным юношей». Еще менее можно было бы назвать его юношей «высокообразованным». Он знал немного латынь – вот и все. Но и латынь эта была вколочена в него таким количеством ударов, как будто она была гвоздем, а он – стеной. Его учили, как древних персов, «говорить правду и стрелять из лука». Обе эти добродетели он постиг в совершенстве, как и две других: легко переносить боль и верить в то, что лучшая вещь на свете – быть благородным. Под этим он подразумевал стремление не причинять напрасных страданий ни одному человеческому существу. Он гордился умением жертвовать собственным удовольствием ради тех, кто слабее его. Сверх того, за последний год, когда ему было поручено объезжать жеребят и заботиться о партии молодых соколов, полученных его отцом с острова Лэнди, он сумел развить в себе настойчивость, внимание и привычку к сдержанности.

Эмиас знал названия и обычаи всех птиц, рыб и насекомых и мог так же искусно, как самый старый моряк, прочесть значение всякого облака, несущегося по небу. Вот он идет, наш герой, прижимая к себе свой рог, идет рассказать обо всем, что произошло, матери, от которой он никогда в своей жизни не скрыл ничего, за исключением только этой «морской лихорадки», и то лишь потому, что заранее знал, какую боль ей это причинит. Сверх того, будучи благоразумным и чувствительным мальчиком, он знал, что еще слишком молод для путешествий, и поэтому, как он объяснил ей, «незачем делить шкуру убитого медведя».

Оксенхэм, как обещал, пришел в тот же вечер к ужину. Но ввиду того, что люди ужинали в те дни таким же образом, как они это делают сейчас, мы можем прервать нить рассказа на несколько часов и возобновить его по окончании ужина.

– Теперь, Дик Гренвайль, ступай беседовать с хозяином, а я разрешу себе поболтать с хозяйской.

Лицо, к которому Оксенхэм обратился столь фамильярно, ответило несколько насмешливой улыбкой и замечанием, намекающим на излишнюю вольность обращения.

– Оксенхэм слишком охотно предоставляет Дику Гренвайлю внимание мужей. Внимание красивых дам к самому Оксенхэму не вызывает сомнений. Друг Лэй, вернулся ли домой большой корабль Харда из проливов?

Говоривший, хорошо известный в те времена Ричард Гренвайль, был одной из подлинно героических личностей эпохи, стоящей на грани между средневековым и новым миром.

Люди говорили, что он горд, но он не мог оглянуться вокруг, чтобы не увидеть чего-либо, чем он мог гордиться; что он груб и жесток с матросами, но это бывало только тогда, когда он замечал в них трусость и двуличие; что он поддается минутами ужасным приступам гнева, но это случалось лишь тогда, когда его негодование было возбуждено рассказами о жестокости или притеснениях и больше всего о злодеяниях испанцев в Вест-Индии.

Последнее Оксенхэму было хорошо известно; поэтому он почувствовал некоторое недоумение и раздражение, когда после того как он попросил у мистера Лэя разрешения взять с собой юного Эмиаса, он увидел, что сэр Ричард ничуть не желает помочь ему и поддержать его просьбу.

– Вот как, сэра Ричард, не перешли ли вы на сторону тех жеманных созданий (все они – переодетые испанские иезуиты), которые задирают нос перед Фрэнсисом Дрейком, называя его пиратом? Чтоб им провалиться!

– Друг мой, Оксенхэм, – ответил Гренвайль в сентенциозном и размеренном стиле своего времени, – я всегда считал, как вам должно быть известно, что добыча мистера Дрейка и моего друга капитана Хаукинса⁸ – вполне законный приз, так как захвачена у папистов-испанцев, которые не имели никакого права владеть ею, потому что отняли ее с помощью мучений и крайних беззаконий у бедных индейцев, за что и заслуживают жестокой мести.

– Слушайте, – воскликнул Оксенхэм, – кто может говорить решительнее его?! И все-таки он не хочет помочь этому юноше в таком благородном предприятии.

– Вы спрашивали его отца и мать. Каков ответ?

– Мой таков, – сказал мистер Лэй, – если мой мальчик станет впоследствии таким мореплавателем, как Ричард Гренвайль, пусть идет, но прежде пусть он побудет дома и выучится быть таким джентльменом, как сэра Ричард Гренвайль.

Сэра Ричард низко поклонился, и последнее слово получила миссис Лэй.

– Против этого, мистер Оксенхэм, вы не можете возражать, если не хотите быть невежливым. Что же касается меня, то хоть это только слабый женский довод, все же это довод матери: он – мое единственное дитя, его старший брат далеко отсюда, и я не знаю, увижу ли его когда-нибудь! О, мистер Оксенхэм, у вас нет ребенка, иначе вы не просили бы у меня моего!

– А откуда вы это знаете, милостивая государыня? – спросил искатель приключений, ставший сначала смертельно бледным, а затем огненно-красным.

Ее последние слова больно задели в нем какую-то неожиданную струну. Затем он поднялся, вежливо поднес ее руку к своим губам и сказал:

– Я умолкаю. Прощайте, милостивая государыня, и пусть у всех мужей будут такие же жены, как вы.

– А у всех жен, – добавила она улыбаясь, – такие мужья, как мой.

– Нет, этого я не хочу сказать, – ответил он с полунасмешливой улыбкой, а затем: – Прощай, друг Лэй, прощай, доблестный Дик Гренвайль. Думаю, что еще увижу тебя, лорд главный адмирал, когда вернусь домой. Впрочем, быть может, я и не вернусь!

– Ну, ну, молодец, что за речи? – сказал Лэй. – Выпьем за нашу веселую встречу, прежде чем ты уйдешь! – Он встал, поднес бокал с мальвазией к губам, отпил немного и передал его сэру Ричарду, который поднял и со словами: «За здоровье храброго и благородного мореплавателя» выпил и сунул чашу в руки Оксенхэму.

Лицо искателя приключений горело, а глаза стали дикими. От напитков ли, которые он пил в течение дня, или от последних слов миссис Лэй, но он несколько минут не владел собой и, по-видимому, не сознавал, ни где он, ни кто с ним.

Все смотрели друг на друга, но Лэй, который умел быстро найтись, тотчас насильственно рассмеялся и воскликнул:

– Храбрый Джон Оксенхэм, миссис Лэй ждет твоего тоста!

Но Оксенхэм уже пришел в себя, произнес тост за всех присутствующих, причем пил долго и жадно, и после сердечных прощаний удалился, не намекнув больше о своем странном состоянии.

После того как он ушел и пока Лэй провожал его до дверей, миссис Лэй и Гренвайль несколько минут хранили мертвое молчание.

– Мистер Лэй, – нарушил молчание Гренвайль, – вы поступили мудро сегодня вечером. Бедный Оксенхэм не должен, отправляясь в путешествие, чувствовать себя одиноким. Мне

---

⁸ Один из знаменитейших английских морских разбойников.

пришлось говорить о нем с Дрейком и Хаукинсом, и я догадываюсь, почему миссис Лэй его так взволновала, когда сказала, что у него нет ребенка.

– Разве у него есть ребенок там, в Вест-Индии? – воскликнула добрая леди.

– Кто его знает! Мы не услышим о стыде и печали, обрушившихся на древний и уважаемый дом Девона. А теперь иди сюда, мой ищущий приключений крестник, и не смотри так печально. Я слышал: ты сегодня разбил голову всем мальчикам.

– Почти всем, – ответил с должной скромностью юный Эмиас. – Но разве я не пойду в море?

– Все в свое время, мой мальчик, и тогда ни я, ни твои достойные родители не станут удерживать тебя от благородного порыва. Но не желаешь же ты жить и умереть хозяином рыболовного судна?

– Я хочу быть храбрым искателем приключений, как мистер Оксенхэм.

– Будем думать, что ты станешь еще более храбрым, чем он, так как быть смелым в борьбе с врагами свойственно и животным, но лишь человеку дано быть смелым в борьбе с самим собой. Теперь я хочу дать тебе обещание: если ты спокойно останешься дома и научишься от своих родителей всему, что необходимо настоящему моряку, придет день, когда ты пойдешь в плавание с самим Ричардом Гренвайлем или с лучшим человеком, чем он, и с более благородной задачей, чем охота за золотом на Испанском море.

– О, мой мальчик, мой мальчик! Слушай, что обещает тебе добрый сэр Ричард, – сказала миссис Лэй. – Много юношей были бы рады быть на твоём месте.

– И много юношей будут рады быть на его месте через несколько лет, если только он научится тому, что вы оба можете ему дать. А теперь, мои дорогие хозяева, я должен позвать слугу с фонарем – и домой в Байдфорд, в постель.

Так Эмиас Лэй вернулся в школу, а мистер Оксенхэм отправился своей дорогой снова в Плимут и отплыл в Испанское море.

Глава II

Как Эмиас вернулся домой в первый раз

Прошло пять лет. Спокойный ясный ноябрьский день. Девять часов утра, но колокола байдфордских церквей все еще звонят к заутрене – на два часа позже обычного времени. Улицы Байдфорда, словно сад, наполненный цветами всех оттенков, кишат празднично разодетой толпой моряков и горожан с женами и дочерьми. Через улицы протянуты гирлянды, а из всех окон свисают пестрые ткани. Корабли в порту разукрашены флагами и шумно выражают свои чувства пушечными залпами. Все конюшни переполнены лошадьми, а дом сэра Ричарда Гренвайля напоминает гостиницу. Там пьют и едят, стоят расседланные кони и мечутся взад и вперед грумы и слуги. Вдоль маленького церковного двора, облепленного женщинами, прогуливается вся знать Северного Девона.

Но что же наполнило старый Байдфорд таким безудержным весельем? Почему все глаза с таким жадным любопытством устремлены на этих четырех моряков, потрепанных непогодой, но убранных бантами и лентами, и особенно на эту гигантскую фигуру, идущую впереди, – на безбородого юношу с золотыми кудрями, ниспадающими на плечи, с телосложением и ростом Геркулеса? Почему, когда появились эти пятеро, все взоры обратились на миссис Лэй из Бэрuffа, чей капор вздрагивал от радостных рыданий?

Потому что в старину в веселой Англии умели чувствовать, а эти пятеро были уроженцами Девона, жителями Байдфорда; их имена – Эмиас Лэй из Бэрuffа, Джон Стэйвелл, Микаэль Хард, Ионас Маршалл из Байдфорда и Томас Броун из Кловелли. Они первые из всех английских моряков совершили плавание вокруг света с Фрэнком Дрейком и благополучно возвратились домой.

Чтобы объяснить, как все это произошло, нам придется вернуться назад.

Приблизительно в течение целого года после отъезда мистера Оксенхэма юный Эмиас жил довольно спокойно, как обещал, не считая случайных взрывов ярости, свойственных всем молодым животным мужского пола и особенно мальчикам с сильным характером. Его школьные занятия подвигались вперед, разумеется, не лучше, чем раньше, но его домашнее воспитание шло достаточно успешно, и скоро он, несмотря на молодость, стал действительно хорошим стрелком из лука, наездником и фехтовальщиком. В это время его отец заразился от заключенных (что было довольно обычно в то время) тюремной лихорадкой, заболел в самом суде и скончался в одну неделю.

Миссис Лэй пришлось одной укрощать и подготавливать к жизни этого молодого львенка на привязи.

Она осталась вдовой немногим старше сорока лет, еще прекрасная лицом и фигурой и более всего прекрасная спокойствием, которое сквозило в каждом ее взгляде, в каждом слове и жесте. Не удивительно, что сэр Ричард и леди Гренвайль любили ее; не удивительно, что ее дети почитали; не удивительно, что юный Эмиас, лишь только миновал первый взрыв горя и он вновь ощутил почву под ногами, почувствовал, что для него началась новая жизнь, и впредь не только мать будет думать и заботиться о нем, но и он должен начать думать и заботиться о своей матери.

И в тот же самый день, после похорон отца, когда окончились занятия в школе, он, вместо того чтобы пойти прямо домой, смело направился к дому сэра Ричарда Гренвайля и попросил свидания со своим крестным отцом.

– Вы должны быть моим отцом теперь, – сказал он твердо.

Сэр Ричард посмотрел на открытое смелое лицо мальчика и поклялся «дубом, тисом и терновником», что он будет отцом ему, братом его матери. А леди Гренвайль взяла мальчика

за руку и повела его домой в Беруфф, где обе дамы дали торжественное обещание всегда быть друг другу сестрами и это обещание сдержали.

После того в Бэруффе все пошло по-старому. Эмиас скакал верхом, стрелял из лука, дрался на кулачках и бродил по набережной вместе с сэром Ричардом. Миссис Лэй была слишком умной женщиной, чтобы хоть немного изменить систему обучения, которую ее муж признавал наилучшей для младшего сына. Довольно было и того, что ее старший сын по собственному влечению избрал другой образ жизни. Фрэнк – ее старший сын – сам достиг почета и уважения на родине и на чужбине сперва в школе в Байдфорде, затем в Экстер-колледже, где стал другом сэра Филиппа Сидни⁹ и других многообещающих молодых людей. Летом 1572 года по дороге в Гейдельбергский университет Фрэнк попал в Париж с рекомендательными письмами к Уольсингхэму в английское посольство. Благодаря этим письмам он не только встретился вторично с Филиппом Сидни, но и спас свою жизнь (как и Сидни) в Варфоломеевскую ночь. В Гельдельберге Фрэнк пробыл два года. Не желая обременять родителей, Фрэнк поступил воспитателем к двум молодым немецким принцам. Прожив с ними в доме их отца около года, Фрэнк наконец, к своему большому удовольствию, повез своих питомцев в Падую¹⁰, где нашел множество друзей благодаря дипломам и рекомендательным письмам бесчисленного количества вельмож и ученых. И прежде чем Фрэнк вернулся в Германию, он насытил свою душу всеми чудесами Италии. Он беседовал о поэзии с Тассо¹¹ и об истории с Сарпи¹². Он прислушивался полублагоговейно-полунедоверчиво к дерзновенным теориям Галилея. Он видел дворцы палладиума и купцов на Риальто; видел большие торговые суда Рагузы и все чудеса этого места встречи Востока с Западом. В результате особого ходатайства он был допущен в ту обитель, где с длинной серебряной бородой и блестящими глазами, среди пантеона собственных творений, еще томился на земле дряхлый Тициан, патриарх искусства, и рассказывал старинные истории о Беллини, Рафаэле и Микеланджело, о пожаре в Венеции, об осаде Рима и о поэтах, давно ушедших к праотцам. Фрэнк был в Риме и видел папу и фрески Ватикана; он слышал Палестрину¹³, дирижирующего исполнением собственных произведений под куполом храма Петра. Фрэнк почти влюбился в эти сладостные звуки и пробудился от грез, лишь вспомнив, что к этому самому куполу возносились хвала Богу и небесам за те залитые кровью улицы, рыдающих женщин и груды поруганных тел, что он видел в Париже в ночь святого Варфоломея.

Наконец, за несколько месяцев до того, как умер его отец, Фрэнк привез своих воспитанников домой, в Германию, и был отпущен, как он писал, с подарками. Сердце миссис Лэй сильно забилось при мысли, что странствующий вернется. Но, увы! Приблизительно через месяц после смерти мистера Лэя пришло длинное письмо, в котором Фрэнк сообщал со многими извинениями, что по специальной просьбе знаменитого ученого – светила эпохи, Стефана Парминиуса, обычно называемого по месту его рождения Будаусом¹⁴, – он собирается плыть вместе с ним по Дунаю до Будапешта, для того чтобы прежде, чем окончится его пребывание за границей, ознакомиться на месте с достижениями науки, которыми венгерцы знамениты во всех концах Европы.

После этого Фрэнк не получал ни одного письма из дому в продолжение почти двух лет. Тогда, опасаясь несчастья, он вернулся и нашел свою мать вдовой, а брата Эмиаса – ушедшим в Южные моря с капитаном Дрейком из Плимута. Но даже теперь, после долгих лет отсутствия,

⁹ Английский поэт и беллетрист.

¹⁰ В Падуе был знаменитый со Средних веков университет.

¹¹ Торквато Тассо (1544–1595) – знаменитый итальянский поэт.

¹² Сарпи фра (брат) Паоло (1552–1623) – историк.

¹³ Палестрина Джованни Пьерлуиджи (1524–1594) – замечательный композитор, реформировавший церковную музыку.

¹⁴ Речь, очевидно, идет о французском ученом Гильоме Бюде (по-латыни Будаус), одном из первых исследователей греческих и латинских древностей (1467–1540).

Фрэнку не суждено было остаться дома. Не прошло и шести месяцев, как сэр Ричард потребовал, чтоб он снова принялся за работу, и послал его ко двору лорда Хэндсона.

Но почему Эмиас отправился в Южные моря? По двум причинам, каждая из которых до наших дней продолжает посылать юношей в гораздо худшие места: во-первых, из-за старого учителя, во-вторых, из-за юной красавицы.

Виндекс Браймблекомб – некогда студент Экстер-колледжа в Оксфорде, по моде того времени называемый сэр Виндекс, – был преподавателем классической гимназии в Байдфорде. По природе это был набожный, довольно добродушный педант, но, как большинство школьных учителей в те дни господства розг, он весьма основательно ожесточил свое сердце благодаря длительной пагубной возможности причинять по своему произволу страдания тем, кто слабее его.

После смерти мистера Лэя старый Виндекс почувствовал, что должен уделить особую заботу лишившемуся отца мальчику...

Но единственным результатом этого усилившегося чувства ответственности было внезапное увеличение количества розог, получаемых Эмиасом. В течение почти двух недель оно росло со дня на день не без последствий для самого педагога.

За описанное время Эмиас ни на секунду не забывал своего заветного стремления к морю. В часы занятий, когда он не мог странствовать по набережной, рассматривая корабли, и не мог спуститься к каменным рифам Норшэма и там сидеть, пожирая голодным взглядом безбрежное пространство океана, Эмиас обыкновенно утешался тем, что рисовал на аспидной доске корабли и морские карты.

Итак, «это» случилось около полудня, когда Эмиас был очень занят одной географической картой – видом с птичьего полета на остров, на котором стоит большой замок; у ворот замка сидит страшный дракон; на переднем плане появляется то, что должно означать храбрый корабль с большим флагом сверху, но что из-за леса копий, наполняющих этот корабль, гораздо больше похоже на дикобраза; у основания копий красуется множество маленьких круглых «о». Они изображают головы Эмиаса и его сотоварищей, которые собираются убить дракона и освободить красавицу, обитающую в заколдованной башне.

Чтобы рассмотреть это чудо искусства, все мальчики склонили головы над пюпитром. Они чувствовали себя в полной безопасности, так как Виндекс по привычке откинулся на спинку кресла и спал сном праведным. Но когда Эмиас по специальному наущению злого духа, преследующего всех выдающихся художников, умудрился, пренебрегая перспективой, примостить на рисунок утес, на котором стоял живой портрет Виндекса – нос, очки, халат, – держащий в руке занесенный хлыст, с вылетающей изо рта пчелой, кричащей вслед беглецам: «Вернитесь обратно», в то время как такая же пчела отвечает ей с лодки: «Прощай, учитель», – толкотня и хихиканье настолько усилились, что цербер проснулся и сурово спросил:

– Что за шум вокруг?

Ответа, разумеется, не последовало.

– Вы, конечно, Лэй! Встаньте, сэр, и покажите мне ваше упражнение.

Но Эмиас не написал ни слова из своего упражнения. Он как раз собирался нанести последний штрих на портрет мистера Браймблекомба. А посему, к удивлению всех присутствующих, Эмиас ответил:

– Все в свое время, сэр! – и продолжал рисовать.

– В свое время, дерзкий мальчишка?

Но Эмиас продолжал рисовать.

– Подойди сюда, бездельник, или я спущу с тебя шкуру!

– Подождите немного, – ответил Эмиас.

Старик вскочил с линейкой в руках, устремился через класс и узрел самого себя на роковой доске.

– Что у тебя тут, негодный? – И, ринувшись на жертву, он поднял палку.

Тогда с веселым и невозмутимым видом поднялась с парты огромная фигура Эмиаса Лэя, который был на голову выше своего учителя, и та же доска опустилась на плешивую макушку сэра Виндекса Браймблекомба с таким сокрушительным ударом, что и доска и башка треснули одновременно. Бедный педагог свалился наземь и лежал замертво. Эмиас вышел из школы и спокойно пошел домой. Поразмыслив немного, он пришел к матери и заявил:

– Мама, я разбил голову учителю.

– Разбил голову, злой мальчик! – воскликнула бедная вдова. – Зачем ты это сделал?!

– Не знаю, – сокрушенно ответил Эмиас. – Я не мог удержаться. Она была такая гладкая, плешивая и круглая, – вы понимаете...

– Я понимаю. О, злой мальчик! Ты, может быть, убил его, негодный? Умер он?

– Не думаю, чтобы он умер; его макушка издала слишком сухой звук. Но не лучше ли мне пойти и рассказать все сэру Ричарду?

Бедная мать, невзирая на весь страх, с трудом могла удержаться от смеха при виде совершенного хладнокровия Эмиаса (что было не из последних способов проявления его нахальства) и, чувствуя, что не в силах с ним справиться, по обыкновению, послала его к крестному. Эмиас повторил свой рассказ. Затем сэр Ричард спросил:

– Что же он собирался сделать с тобой, молодчик?

– Ударить меня, потому что я не написал своего упражнения, а вместо того нарисовал его портрет.

– Так твое искусство испугалось побоев?

– Ничуть – я слишком привык к ним, но я был занят, а он так отчаянно торопил меня. И если бы вы только видели его плешивую голову, вы бы и сами ее разбили!

Сэр Ричард двадцать лет тому назад на том же месте – почти при тех же обстоятельствах – разбил голову отцу Виндекса Браймблекомба, своему школьному учителю. Следовательно, он мог руководствоваться собственным опытом.

– Послушай, Эмиас, кто не умеет слушаться, никогда не сумеет управлять. Если ты сам не можешь подчиниться дисциплине сейчас, ты не сможешь заставить подчиняться ей полк или экипаж, когда вырастешь. Согласен ли ты со мной, молодчик?

– Да, – сказал Эмиас.

– Тогда возвращайся сейчас же в школу, и пусть тебя высекут.

– Прекрасно, – согласился Эмиас, считая, что дешево отделался.

Между тем лишь только мальчик вышел из комнаты, сэр Ричард откинулся на спинку кресла и стал смеяться до слез.

Эмиас вернулся в школу и сообщил, что согласен быть высеченным. Старый учитель, чья макушка уже была залеплена пластырем, заплакал слезами радости над возвращением блудного сына, а затем так отхлестал его, что Эмиас целые сутки не мог об этом забыть.

Но в тот же вечер Ричард послал за старым Виндексом, который вошел к нему дрожа, со шляпой в руках. Протянув старику кружку глинтвейна, Ричард сказал:

– Итак, господин учитель, мой крестник отличился сегодня больше, чем следует. Вот пара золотых, чтобы оплатить врача.

– О, сэр, «благодарю тебя и Господа», но мальчик ударил слишком сильно. Тем не менее я отплатил ему добром и в наказание засадил его выучить одну из басен Федра¹⁵. Сэр Ричард, вы считаете, что это слишком много?

– Какую? Не ту ли о человеке, который, играя, ударил львенка и в конце концов был съеден им?

---

¹⁵ Римский баснописец.

– О, сэр, вы все шутите. Но, в самом деле, мальчик – хороший мальчик, живой мальчик, но более забывчив, чем Лета¹⁶, и было бы лучше, если бы он ушел из школы, потому что я никогда не смогу его видеть без головной боли. Кроме того, в прошлую пятницу он сунул моего сына, как вы бы сунули мяч, в печку, хотя тот годом старше его, потому что, сказал он, мой Джек похож на жареного поросенка. И больше того, ваша милость, он – хвостун и забияка. Он скоро доведет до смерти кого-нибудь, если его вовремя не обуздать. Только месяц тому назад я слышал, как он оплакивал себя подобно Александру, когда ему некого было больше завоевывать. Он говорил, что жаль, что он так силен, потому что он уже переколотил всех байдфордских мальчиков и ему больше не с кем меряться силами. Поэтому, как рассказал мне мой Джек, в четверг на прошлой неделе он напал на молодого человека из Барнстэпля, торговца чулками, человека совершенно взрослого и такого крупного, как любой из нас (Виндекс был ростом пять футов четыре дюйма в башмаках на высоких каблуках), и сбросил его с набережной прямо в грязь за то, что тот сказал, что в Барнстэпле есть девушки красивее (простите, что я говорю о таких пустяках: меня побуждает к этому моя преданность), чем в Байдфорде. Он предложил сделать то же со всяким, кто осмелится сказать, что Розы Солтерн, дочь мэра, не самая прекрасная девица во всем Девоне.

– Эге! Повторите-ка это еще раз, мой дорогой сэр, – произнес сэр Ричард, который таким путем подошел ко второму пункту обвинительного акта. – Я спрашиваю, дорогой сэр, откуда вы слышали все эти милые истории?

– От моего сына Джека, сэр Ричард.

– Послушайте-ка, господин учитель, ведь не удивительно, что ваш сын попал в огонь, раз вы пользуетесь им как собирателем сплетен. Но это – система всех педагогов и их сыновей, с помощью которой они воспитывают из детей шпионов и подлиз и готовят их – сударь, вы слышите? – к гораздо более жгучему пламени, чем спалившее нижнюю часть вашего сына Джека. Поняли вы меня, сэр?

Бедный педагог, так ловко пойманный в свою собственную ловушку, дрожа, стоял перед своим патроном, который, как наследственный глава «Мостового объединения»¹⁷, снабжавшего средствами школы и прочие благотворительные учреждения Байдфорда, мог одним движением пальца вышвырнуть его вон и разорить дотла. Он тяжело дышал от страха, пока сэр Ричард продолжал:

– Поэтому помните, господин учитель, если вы не обещаете мне никогда не проронить ни слова о том, что произошло между нами, если вы не обещаете, что ни вы, ни ваши родные не станут впредь распространять сплетен о моем крестнике и произносить его имя на расстоянии дня пути от миссис Солтерн, то берегитесь, сэр!

После того как Виндекс удалился, Ричард снова стал хохотать громовым смехом, что заставило его супругу войти. Она, вероятно, все слышала, так как ее первые слова были:

– Я думаю, жизнь моя, нам следовало бы отправиться в Бэруфф.

Они поехали в Бэруфф, и после долгих разговоров и многих слез дело кончилось тем, что Эмиас весело скакал по направлению к Плимуту рядом с Ричардом и, переданный из рук в руки капитану Дрейку, исчез на три года из славного города Байдфорда.

И вот теперь он возвратился с триумфом, и все взоры обращены на него. Эмиас смотрит вокруг и видит лица всех тех, кого он ждал, за исключением одного – того единственного, которого он, пожалуй, больше хотел бы видеть, чем лицо своей матери.

По окончании молитвы ректор взошел на кафедру и начал проповедь на текст: «Небеса и небеса небес принадлежат Богу, а всю землю Он отдал сынам человеческим».

---

¹⁶ Река забвения в классической мифологии.

¹⁷ В средневековой Англии школы содержались за счет объединений дворянства и буржуазии.

Ректор ловко выводил отсюда, к чрезвычайному удовольствию своих слушателей, несправедливость испанцев, лишивших индейцев их владений и захвативших власть над тропическими морями, тщеславие римского папы, присвоившего себе право жаловать испанцам новые земли в Америке, и справедливость, доблесть и славу мистера Дрейка и его экспедиции, подтвержденные чудесным покровительством, оказанным Богом ему и его команде в Магеллановом проливе, в битве с испанским галеоном и в случае у острова Целебеса¹⁸, когда «Пеликан» пролежал несколько часов, прочно пригвожденный к скале, и точно чудом был невредимо унесен внезапным порывом ветра.

Лишь только проповедь кончилась, толпа вновь устремила по направлению к «Мостовому объединению», куда Ричард Гренвайль, Джон Чистер и мэр Солтерн повели пятерых героев дня в ожидании торжества, устраиваемого в их честь. Когда они пришли туда, мало нашлось в толпе таких, кто не спешил бы позвать им руку и не только им, но и их родным и родственникам, идущим сзади. Миссис Лэй, совершенно разбитая своей радостью, могла только отвечать между всхлипываниями:

– Проходите, добрые люди, проходите, и да пошлет вам Бог таких сыновей.

– Пусть Бог вернет мне моего! – закричала из толпы старая дама в красном плаще. Затем, охваченная внезапным порывом, она устремила вперед и схватила молодого Эмиаса за рукав: – Добрый сэр, дорогой сэр! Ради всего, ответьте бедной вдове.

– В чем дело, сударыня? – учтиво спросил молодой Эмиас.

– Видели ли вы моего сына в Индии, моего сына Сальвейшин.

– Сальвейшин, – повторил он с видом человека, вспоминающего имя.

– Да, конечно, Сальвейшин Иео из Кловелли. Он высокий, черный и отчаянно ругается, когда говорит.

Эмиас вспомнил теперь. Это было имя матроса, который подарил ему чудесный рог пять лет тому назад.

– Индия велика, – сказал он, – и ваш сын, может быть, вполне здоров и невредим, хотя я и не видел его. Я знал одного Сальвейшин Иео. Но он должен был вернуться с... Кстати, интересно: вернулся ли Оксенхэм?

На мгновение вокруг воцарилось гробовое молчание, а затем Ричард тихо и торжественно сказал, отвернувшись от старой дамы:

– Эмиас, Оксенхэм не вернулся, и со дня его отплытия ни слова не было слышно ни о нем, ни о его команде.

– И никаких вестей о них?

– Никаких, только через год после его отплытия корабль, принадлежащий Эндрью Баркеру из Бристоля, отнял у испанской каравеллы где-то у Гондураса¹⁹ две ее медные пушки. Но откуда эти пушки, испанцы не знали.

– Да! – воскликнула старая женщина. – Они привезли домой пушки, но не подумали о моем сыне.

– Они не видели вашего сына, матушка, – сказал Ричард.

– Но я его видела! Я видела его во сне четыре года тому назад на Троицу так же ясно, как я вижу сейчас вас, господа. Он лежал на скале и умолял дать ему каплю воды, чтобы смочить язык. О, горе мне! – И старушка горько заплакала. – О, молодой человек, молодой человек! Дайте мне обещание привезти мне моего мальчика, если вы найдете его, плавая по морям! Привезите его, и старая вдова будет благодарна вам навек!

Эмиас обещал. Разве мог он поступить иначе? И компания заторопилась дальше.

¹⁸ Остров Целебес входит в группу Малайских островов.

¹⁹ Гондурас – тогда испанская колония в Центральной Америке, открытая Колумбом в 1502 г. Близость к острову Ямайке делала Гондурас одной из любимых мишеней для пиратских набегов.

Но юноша был грустен среди общего веселья. Он был полон мыслей о Джоне Оксенхэме. Как бы там ни было, теперь он из вежливости обязан был обратить внимание на зрелище, приготовленное в его честь. А зрелище в самом деле стоило посмотреть и послушать. Первой вдоль моста по направлению к ратуше, предшествуемая музыкантами, двигалась «аллегория», хитро задуманная добрым ректором. Последний взволнованно объяснял близстоящим ее значение. Далее, вызывая общее одобрение, ковыляли две больших рыбы из фольги – лосось и форель, символизирующие благосостояние Торриджа. Они двигались на двух человеческих ногах и с помощью палки, просунутой через рыбий живот. Рыбы везли (или делали вид, что везут, так как половина городских подмастерьев подталкивала их сзади, насмехаясь над одышкой властителей моря) колесницу, где сидели среди камыша и речных водорослей три или четыре хорошенькие девушки в серо-голубых мантиях, усеянных золотыми блестками; их головы были увенчаны: у одной – короной из нежной болотной мирты, у другой – хмелем и белым вьюнком, у третьей – бледным вереском и золотым папоротником. Колесница остановилась против Эмиаса. Девушка, увенчанная миртой, поднялась и, кланяясь ему и всей компании, мило краснея, пропела длинную песню. Окончив ее, она сняла с головы душистый венок и, нагнувшись, надела его на голову Эмиаса. Юноша сказал в ответ:

– Не существует места более родного, чем дом, и даже на всех, полных пряностей островах, мимо которых я плывал, нет аромата, который был бы мне более по вкусу, чем этот старый домашний аромат.

– Ее песнь была недурна, – сказал Ричард, обращаясь к леди Бэзс.

– И, за исключением некоторой деревенской простоты и односложной безжизненности, отзывается скорее Кастальскими лесами²⁰, чем Торриджскими, – ответила леди Бэзс, которой сэр Ричард мудро не возражал, так как она была ученым членом коллегии критиков и всегда оспаривала у сестры Сиднея власть вождя юфуистов²¹.

Итак, сэр Ричард не ответил, но ответ был дан за него.

– С тех пор как весь хор муз, сударыня, перебрался ко двору Уайтхолля, неудивительно, если некоторые из парнасских богов оплодотворят со временем даже наши Дивонские болота.

Это сказал высокий, гибкий, молодой человек лет двадцати пяти. Лоб его был очень высок и гладок, брови тонки и сильно изогнуты. Лицо было несколько длинным и узким, нос орлиный, а рот открывал (быть может, слишком) верхние зубы цвета слоновой кости. Но самым поражающим в его наружности был ослепительный цвет лица, затмевавший своей белизной всех прекрасных дам. Только яркие красные пятна на каждой щеке да длинная тонкая шея и восковые руки напоминали о грустной возможности, быть может, уже недалекой, которую с сожалением предвидели все, за исключением той, чьи нежные взгляды и сходство с красивой юношей сразу обличали его мать – самой миссис Лэй.

Фрэнк – это был он – был одет изысканно не столько из тщеславия, сколько из того чувства, которое побуждает некоторых людей долгие годы сохранять опрятность и аккуратность даже на необитаемом острове.

Фрэнк отошел, чтобы в качестве распорядителя празднества руководить шествием подмастерьев, хотя из-за него нимфы Торриджа были на время забыты всеми молодыми дамами и большинством молодых джентльменов.

Скоро раздался его серебристый голос:

– Посторонитесь, добрые люди, пропустите храбрых юных подмастерьев.

Показалась процессия подмастерьев, возглавляемая гигантскими доспехами из клееного холста и картона. Посреди этих доспехов торчало, как часы на колокольне, человеческое лицо,

---

²⁰ Леса Древней Греции, где, по поверью, скитались поэты.

²¹ Литературная школа той эпохи, стремившаяся к наибольшей изысканности стиля даже за счет его удобопонятности.

приветствуемое со всех сторон, как то было в моде, градом двусмысленностей и язвительных насмешек.

Затем появилась новая группа, а именно: не кто иной, как Виндекс Браймблекомб, бывший учитель, в сопровождении сорока пяти мальчиков. Остановившись перед Эмиасом, старый Виндекс вытащил очки, надел их на нос и низко поклонился, давая понять, что простил нанесенные ему некогда побои.

Лишь только исчез педагог со своими учениками, зашумел по улице папаша Нептун в короне из морских трав, с трезубцем в одной руке и живым тюленем в другой.

Его окружало несколько высоких моряков-телохранителей, а за ними несли большое знамя, на котором был нарисован глобус с кораблем Дрейка, плывущим кверху дном.

– Эй, ребята! Эй! Дуй сюда, тритон, и выноси сюда свободу морей.

Тритон, ревуший в рог, вытащил большую раковину, полную соленой воды, и торжественно вручил ее Эмиасу, который опустил в нее золотой и вернул ее лишь после того, как Гренвайль сделал то же.

– Эй, адмирал Дик! – закричал Нептун, который был уже порядком под хмельком. – Видно, в тебе настоящее английское сердце, не то, что вон в тех, которые стоят рядом и ухмыляются, словно испанская обезьяна, проглотившая шпагу.

– Спасибо. Стань-ка подальше, малый: от тебя отвратительно пахнет рыбой.

– Все хорошо пахнет на своем месте. Я отправляюсь домой.

– Я думал, ты был там все время, ведь тебе уж море по колено, – заметил Карри.

– Я – настоящий морской волк, не то, что ты, сухопутная крыса! Ты зачем строишь глазки миссис Солтерн, в то время как моя голубка из Бэрuffа играет в орлянку испанскими дублонами?

– Ступай к черту, бездельник! – закричал в бешенстве Карри, так как Нептун затронул его больное место. И не только щеки Эмиаса Лэя покраснели при этом намеке.

«Владыка морей» покотился дальше, и шествие кончилось.

Лишь только представился удобный случай, Эмиас, нахмуясь, спросил своего брата Фрэнка, где находится Роза Солтерн.

– Кто? Дочь мэра? Я полагаю, у своего дяди в Килькхэмптоне.

Лукавый мистер Фрэнк сказал Эмиасу правду, но в то же время, опасаясь непредвиденных случайностей, умудрился сказать как можно меньше правды. Фрэнк не рассказал своему брату, как он два дня тому назад умолял Розу Солтерн появиться в роли нимфы Торриджа. Она бы охотно приняла эту честь, не имея ничего против того, чтобы показать свое личико, ни против прочтения стихов, ни против репутации магнита Северного Девона. Но ее отец помешал веселой затее решительным запрещением и, невзирая на слезы, отправил дочку к дяде на Атлантическое побережье. Затем старик приехал в Бэрuff и вместе с миссис Лэй смеялся над всей историей.

– Я слишком горд, чтобы позволить кому-нибудь сказать, что горожанин Симон Солтерн посадил свою дочь на шею сыну знатной леди.

– И по правде сказать, мистер Солтерн, наши юноши достаточно ссорятся ежедневно из-за ее милого личика и без того, чтобы делать ее королевой турнира.

Последнее было совершенно правильно, так как за три года отсутствия Эмиаса Роза Солтерн превратилась в восемнадцатилетнюю девушку такой красоты, что половина Северного Девона была без ума от «розы Торриджа», как ее прозвали.

Бедный мистер Билл Карри, который всегда говорил правду не подумавши, однажды, когда старый Солтерн раздраженно спросил его на байдфордском рынке, «какого черта он строит глазки его дочери», ляпнул перед всеми окружающими:

– А какого черта вы, старина, суете такое яблоко раздора в нашу веселую компанию? Раз вы выбрали себе такую дочь, вы должны терпеть связанные с этим последствия.

На это мистер Солтерн довольно резко ответил:

– Ни я не выбирал ее, ни вы, мистер Карри.

Однако война за «розу Торриджа» продолжалась. Не проходило недели, чтоб в комнату Розы не был доставлен таинственной рукой какой-нибудь знак внимания. Все это она прятала с простодушием провинциальной девушки, получающей от подношений большое удовольствие, и спокойно принимала все комплименты, вероятно, потому, что под влиянием своего зеркала видела в них не более, как заслуженную дань.

И вот теперь, в довершение общего смятения, вернулся домой молодой Эмиас Лэй, влюбленный более, чем когда-либо. Это чувство в нем было особенно сильно, потому что, кроме матери, ему не о ком было думать, и он был чист душой, как новорожденный младенец.

Глава III

О двух джентльменах из долины, о том, как они охотились с собакой и как упустили красного зверя

Эмиас спал в эту ночь глубоким, но беспокойным сном. Его мать и Фрэнк, склонившись над его изголовьем, видели, что его мозг полон множеством видений.

И неудивительно – в довершение ко всему возбуждению сегодняшнего дня Эмиасом странно овладело воспоминание о Джоне Оксенхэме. Весь вечер, сидя в комнате с низкими окнами, где видел его в последний раз, Эмиас, сам себе удивляясь, вспоминал каждый взгляд и каждое движение исчезнувшего искателя приключений. Затем он пошел спать, но работа воображения возобновилась во сне. В конце концов Эмиас увидел, что неизвестно почему плывет на запад, на заходящее солнце. Он гонится за крошечным парусом – и это парус судна Оксенхэма. Эмиас испытывал давящее чувство, что, если он не подойдет вовремя, произойдет нечто ужасное, но его корабль не двигался с места, а он все старался плыть и старался представить себе, что плывет. Солнце село, и все кругом погрузилось во мрак, а затем поднялась луна, и неожиданно корабль Джона Оксенхэма оказался рядом с кораблем Эмиаса. Паруса на судне Оксенхэма были разорваны, а борта сгнили, и из них сочилась смола. Но что значит эта темная полоса вдоль грот-рей?²² Ряд повешенных! О ужас! С нока близко над ним висит труп Джона Оксенхэма. Он смотрит вниз мертвыми глазами и манит и указывает, как будто показывая Эмиасу дорогу, стараясь что-то сказать, не может и вновь указывает назад, туда, откуда плывет Эмиас. И когда Эмиас оглянулся назад, всюду над ним была снежная цепь Андов, залитая лунным светом, и он знал, что снова находится в Южных морях и что вся Америка лежит между ним и его домом. А труп снова указывал ему назад и смотрел на него страдальческими глазами, и его губы старались поведать какую-то ужасную тайну. Эмиас с криком вскочил, проснулся и увидел, что лежит в маленькой сводчатой комнате в дорогом старом Бэрүффе и уже брезжит серое осеннее утро.

Лихорадочно возбужденный, Эмиас напрасно старался вновь заснуть. После часа метания он встал, оделся и отправился купаться к своему излюбленному старому каменному рифу.

Вбирая в себя крепкий соленый воздух, Эмиас разделся и бросился в волны. Он нырял и кувыркался и сильными руками разбрасывал пену, пока не услышал, как кто-то зовет его с берега. Взглянув вверх, он увидел стоящую на краю плотины высокую фигуру своего кузена Евстафия. Эмиас был наполовину разочарован этим появлением. Влюбленный по уши, он всю дорогу сюда мечтал о Розе Солтерн и не нуждался в спутнике, который помешает ему мечтать о ней по дороге обратно. Однако Эмиас не видел Евстафия три года, и из простой вежливости следовало вылезть и одеться, пока его кузен гуляет взад и вперед.

Евстафий Лэй был сыном младшего брата мистера Лэя из Бэрүффа. Этот брат был более или менее оторван от своей семьи и своих соотечественников, так как он был папистом. Он жил в стороне от большой дороги в громадном шатающемся темном доме, называемом Чепл, в приходе Мурвинстоу, недалеко от дома Ричарда Гренвайля в Стоу.

Когда ревностный пастор из Мурвинстоу, открыв, что в Чепле происходят папистские обеды и идолопоклонничество, принес жалобу сэру Ричарду Гренвайлю как ближайшему

---

²² Грот-рея (вернее, грота-рея) – поперечная перекладина для привязывания парусов на мачте. В дальнейшем встречаются еще морские термины: нок – конец реи, фок-мачта – первая из трех вертикальных корабельных мачт, за ней грот-мачта и задняя бизань; бушприт – косая мачта на самом носу корабля; шпринтов – шест, прикрепляемый одним концом к низу мачты и другим – к верхнему внешнему углу паруса и служащий для того, чтобы удержать парус в натянутом виде.

мировому судье и предложил ему прибегнуть к акту Елизаветы четырнадцатого года²³, Ричард только основательно выбранил его за фанатическую нетерпимость и приказал ему заниматься собственными делами, если он не хочет, чтобы стало слишком жарко на его месте. Этому предписанию (в те времена светские власти крепко держали в руках власти духовные) достойный пастор сразу подчинился – ведь, в общем, мистер Томас Лэй исправно платил свою десятину.

И пастор спокойно продолжал поедать обеды миссис Лэй и делал вид, что ему известно призвание старого отца Франциска, которой сидел против него в одежде мирянина и называл себя преподавателем молодого Лэя.

Но эта зловещая птица имела власть над совестью бедного Лэя – отца Евстафия. Власть дала патеру земли, прежде принадлежавшие аббатству Хартланда²⁴. Многие вместе с Томасом Лэем чувствовали, что рента аббатов отягощает их кошелек. И, как Джон Булль²⁵ обычно поступает в затруднительных случаях, шли на компромисс и делали вторую глупость – баловали чужеземных священников и потворствовали или притворялись, что потворствуют их заговорам и интригам или отдавали своих сыновей в виде искупительной жертвы на воспитание в духовные семинарии в Дуэ, Реймс или Рим²⁶. Евстафий Лэй, которого отец послал в Реймс, чтобы из него сделали лжеца, и был этой искупительной жертвой. Евстафий стал великолепным лжецом. От природы он был неплохой мальчик, но им рано овладел этот порок: попы подметили в нем смутный истерический страх перед невидимым и одновременно склонность к лицемерию, которое всегда свойственно суеверным людям, и ловко использовали эти свойства для воспитания в нем лживости.

Евстафий был высокий, красивый, хорошо сложенный юноша, с громадным прямым лбом, очень маленьким ртом и сухим и решительным выражением лица. Это лицо старалось быть искренним или, вернее, казаться искренним посредством улыбок и ямочек на щеках. Доброму католику полагается питать в своем сердце христианскую любовь к ближнему. Обладающий ею должен быть весел, а когда человек весел, он улыбается. Поэтому Евстафий хотел и заставлял себя улыбаться.

Евстафий вернулся в Англию приблизительно с месяц тому назад, подчиняясь указу о том, чтобы «все, кто имеет детей в заморских странах, сообщили их имена епископу и в течение четырех месяцев призвали их на родину». Теперь Евстафий жил с отцом в Чепле, занимаясь делами «достойного» общества, в котором был воспитан. Одно из таких дел и привело его накануне ночью в Байдфорд.

Евстафий сел на камни рядом с Эмиасом, украдкой поглядывая на него, как бы боясь потревожить. Эмиас с улыбкой посмотрел прямо в глаза кузену и протянул свою львиную лапу, которую Евстафий радостно схватил. Последовало крепкое рукопожатие. Рука Эмиаса была округлена и слегка дрожала, как бы говоря:

– Я рад тебя видеть.

Евстафий жал руку жестко вытянутыми пальцами, как будто желая сказать:

– Разве ты не замечаешь, как я рад тебя видеть? Два совершенно разных приветствия!

– Осторожно, старина, ты сломаешь мне руку, – сказал Эмиас. – Откуда ты?

– Гулял по миру взад и вперед, вверх и вниз, – ответил тот с легкой улыбкой и оттенком загадочности.

– Словно дьявол. Что ж, всяк молодец на свой образец. Как поживает дядя?

Если существовал на свете человек, которого боялся Евстафий Лэй, – это был его кузен Эмиас. Прежде всего Евстафий знал, что Эмиас может убить его одним ударом, а есть натуры,

---

²³ После воцарения Елизаветы католическая религия была объявлена вне закона.

²⁴ Речь идет о перешедших в частные руки землях католических аббатов.

²⁵ Старинное прозвище англичан.

²⁶ Католические семинарии вне Англии.

которые, вместо того чтобы с радостью смотреть на более сильных и доблестных, смотрят на них с раздражением, страхом и завистью. Затем ему казалось, что Эмиас пренебрегает им. Они не встречались уже три года, но до отъезда Эмиаса Евстафий никогда не мог спорить с ним просто потому, что Эмиас не снисходил до спора с ним. Несомненно, Эмиас часто бывал с ним невежлив и несправедлив. Для Эмиаса все вопросы, касающиеся невидимого мира, которыми попы начинили ум его кузена, были просто, как он выражался, вздором и летошним снегом. Он обращался со своим кузеном, как с безвредным помешанным и, как говорили в Девоне, «полуиспеченным». Евстафий знал это и считал, что его кузен несправедлив к нему. «Он привык недооценивать меня, – говорил он себе. – Посмотрим, найдет ли он меня равным себе теперь».

– О, мой дорогой кузен, – заговорил Евстафий, – в каком я был отчаянии сегодня утром, когда узнал, что ровно на день опоздал к вашему торжеству. Лишь только смог, я поспешил в ваш дом и, узнав от вашей матери, что могу найти вас здесь, бросился сюда.

– Ладно, старина, так естественно желание друг друга видеть. Я часто думал о вас, гуляя ночью по палубе. Дядя и девочки здоровы, а старый пони умер и так далее. А как Дик – кузнец? А Нанси? Должно быть, стала прелестной девушкой? Кажется, полжизни прошло с тех пор, как я уехал.

– Вы действительно вспоминали о своем бедном кузене? Будьте уверены, что он тоже думал о вас и по ночам воссылал свои недостойные молитвы за ваше благополучие.

– Хм, – пробурчал Эмиас, который не знал, что ответить.

На его счастье, в эту минуту к ним приблизился Фрэнк. После обычных приветствий последний обратился к Евстафию:

– Идем с нами в Аппельдор, а затем домой завтракать.

Но Евстафий отклонил приглашение. По его словам, у него срочное дело в Норшэме, а затем в Байдфорде. Он оставил братьев и зашагал по гладкой, устланной дерном дорожке к маленькой рыбацкой деревушке, стоявшей у слияния Торриджа с Тэо. Евстафий Лэй сказал своим кузенам, что идет в Норшэм, но не сказал им, что конечной целью его пути был тот же Аппельдор. Он успокоил свою совесть, дойдя до первых домов деревушки Норшэма, и быстро свернул налево через поля, всю дорогу бормоча что-то о Святой Деве.

Его кузены, весело шагая, как подобает юным людям, по прямой дороге через торф подошли к Аппельдору со стороны гостиницы «Привал моряков» как раз вовремя, чтобы увидеть, почему Евстафий так старался скрыться от них. У дверей гостиницы стояли четыре лошади мистера Томаса Лэя, нагруженные мешками и чемоданами. Грум мистера Лэя держал лошадей, в то время как Евстафий Лэй и двое иностранных джентльменов садились на них.

– Соврал-таки, – проворчал Эмиас, – он сказал нам, что идет в Норшэм.

– Мы не знаем, не был ли он там, – возразил Фрэнк.

– Что? Да ты такой же гадкий иезуит, как и он, если хочешь оправдать его с помощью подобной увертки.

– Он мог изменить свое намерение.

– Да благословит Бог чистоту твоего воображения, мой ласковый мальчик! – сказал Эмиас, кладя свою большую руку на голову Фрэнка, как делала это их мать. – Дорогой Фрэнк, войдем в эту лавочку купить бечевку.

– Зачем тебе бечевка, дружище?

– Чтобы пустить волчок, разумеется.

– Волчок? С каких пор у тебя завелся волчок?

– Я куплю его в этой лавчонке и... пойми, я должен видеть, чем кончится эта игра.

Почему бы и мне не иметь заранее заготовленный предлог, как сделал бы Евстафий?

С этими словами Эмиас втокнул Фрэнка в маленькую лавчонку, которая не была видна стоявшим у дверей гостиницы.

– Что за диковинных зверей привез он! Посмотри на это трехногое существо, которое пытается взобраться на лошадь не с той стороны. Как он смешно карабкается, словно кошка на дерево.

Трехногий человек оказался высокой, смиренного вида личностью, наряженной в пышные одежды, с большим пером и с таким длинным и широким мечом, что он мало отличался по размеру от очень тонких и сухих голеней, между которыми болтался.

– Юный Давид с мечом Саула, – сказал Фрэнк.

– Лучше бы он и не нацеплял меча. Он, наверное, никогда его в руках не держал.

– Почему кто-нибудь из милосердия не тащит за ним эту штуку?

Меч, три или четыре раза отброшенный пинком со своего неудобного места между ногами, немедленно возвращался туда обратно, и, когда рукоятка оказалась немного слишком назади, оружие из-за чрезмерной длины перевязи под смех конюхов и шутки матросов стало дыбом, острием в воздухе – совершеннейший хвост.

Наконец бедняга с помощью стула влез на лошадь. Тем временем его товарищ – иностранец, дюжий топорный мужчина, столь же нарядный и вряд ли более ловкий – сделал такой стремительный прыжок в седло, что свалился бы с другой стороны, если бы его не подхватил конюх, державший стремя. Зато от этого толчка упала его шляпа с пером.

– Черт возьми, тот – с лицом бульдога – побывал в сражении. Видишь, Фрэнк, у него пробита голова.

– Этот шрам, мой сын, всего только след самых что ни на есть католических и апостолических ножниц. Мой милый глупыш, это тонзура патера²⁷.

– Чертова собака! Если бы только мои матросы видели это, они бы сунули его головой в воду. Я почти готов пойти и сделать это сам.

– Дорогой Эмиас, – произнес Фрэнк, кладя два пальца ему на руку, – эти люди, кто бы они ни были, гости нашего дяди и, следовательно, гости всей нашей семьи. Через день-два мы явимся к ним с визитом в «Чепл» и посмотрим, нельзя ли обойтись с этими лисицами, как поступает барсук с лисой, когда застаёт ее в своей норе и не может выгнать ее скверным запахом.

– Как так?

– Сует в отверстие букет душистых трав – лисицу от него тошнит.

– Ладно. Идем завтракать. Этих каналов больше не видно.

Тем не менее Эмиас не мог устоять против искушения подойти к дверям гостиницы и спросить, кто были джентльмены, уехавшие с молодым Лэем.

– Джентльмены – из Уэльса, – ответил конюх. – Они прибыли прошлой ночью на лодке из Милфордской гавани. Их зовут мистер Морган Эванс и мистер Эванс Морган.

«Мистер Иуда Искариот и мистер Искариот Иуда», – подумал Эмиас, а вслух заметил:

– Эти джентльмены из Уэльса – неважные наездники.

– Я так и сказал груму мистера Лэя, но он объяснил мне, что бедные джентльмены живут в такой гористой стране, где даже охотиться приходится пешком. Им было не так легко выучиться ездить, как здешним молодым джентльменам вроде вас, ваша милость.

– У тебя, парень, слишком бойкий язык, – сказал Эмиас, который был очень не в духе. – Уверен, что ты тоже папист.

– Что ж из этого? Королевских законов я этим не нарушаю. Я не хожу в норшэмскую церковь, но я каждый месяц плачу шиллинг в пользу бедных, как предписывает закон. Большого ни вы, ни кто другой не может от меня требовать.

– Может! Закон предписывает! А откуда такой бедный конюх, как ты, берет свои шиллинги, чтобы платить десятину? Отвечай!

---

²⁷ Католические патеры выстригали себе кружок на макушке, который назывался тонзурой.

По-видимому, ответить было трудно, потому что вопрошаемого внезапно поразила глухота.

– Слышишь? – рычал Эмиас, хватая его своей громадной лапой.

– Да, миссис, нет, миссис, – лепетал конюх, обращаясь к воображаемой хозяйке, и, выскользнув, как угорь, из-под руки Эмиаса, удрал в дом. Фрэнк схватил горячего юношу.

– Какого черта ты мне мешаешь? Этот парень – папистский шпион.

– Наверное, – согласился Фрэнк. – Но что же делать, если все графство полно ими.

– Не изображать из себя дурака перед ними, а предоставить им оставаться в дураках. Все это очень тонко. Ну, ладно. Я вспомню эту рожу, если увижу ее еще раз.

– Он никому не причиняет вреда, – сказал Фрэнк.

– Рад, что ты так думаешь.

– Ну, теперь домой. А то мои внутренности вопят, требуя питья.

Тем временем господина Морган и Эванс скакали прочь со всей скоростью, какую допускала вязкая почва. Они ехали вдоль пустынного и прохладного берега залива, по одну сторону которого лежал город Норшэм, а по другую – Портлэдж. Хорошо, что ни Эмиас Лэй, никто другой не были при том, как они въехали в скором времени в уединенный лес, который тянется вдоль южной стороны залива. Евстафий Лэй тотчас остановился. Он и его грум соскочили с лошадей, смиренно опустили на колени на мокрую траву и попросили благословения джентльменов из Уэльса. Последние благосклонно выполнили просьбу, и с той минуты Морган Эванс и Эванс Морган из Уэльса превратились в иезуитов: отца Парсона и отца Кампиана.

Через несколько минут путники двинулись дальше. Спокойной и осторожной иноходью они трусили по высокому плоскогорью, направляясь на запад, к Мурвинстоу.

Но им не суждено было мирно достичь цели своего путешествия. Не успели они доехать до громадного древнего римского лагеря, который стоял почти посреди их пути, напротив Коловелли Дайк, как услышали из долины, внизу, громкий окрик, которому ответил более слабый далеко впереди.

Отец Кампиан и отец Парсон переглянулись, и оба с ужасом посмотрели на открытое дикое безлюдное пространство с одной стороны и на громадную темную, поросшую вереском насыпь над их головами – с другой. Встревоженный Кампиан тихо заметил Парсону, что это очень мрачное место, как раз подходящее для разбойников.

– Еще более подходящее для нас, – двусмысленно произнес Евстафий. – Старые римляне знали, что делали, когда поместили свои легионы здесь, наверху. Отсюда можно наблюдать и берег и море на расстоянии многих миль. Когда-нибудь мы будем благодарны им за эти развалины. Вал совершенно не поврежден, а внутри сколько угодно хорошей воды, и, – добавил он по-латыни, – в случае, если наши испанские друзья – вы понимаете...

– Тише, сын мой, – ответил Кампиан.

Не успел он кончить, как изо рва, скрытого позади него, словно из-под земли, выскочил, ломая вереск, вооруженный всадник.

– Простите, джентльмены! – крикнул он, когда иезуит со своей лошастью отпрянул назад. – Стойте, если жизнь вам дорога.

– Мать Небесная! – простонал Кампиан, в то время как Парсон, который, как известно всему миру, был большим забиякой (по крайней мере на словах), спросил:

– Какое, черт побери, право вы имеете останавливать честных людей на большой дороге?

Но всадник, не обращая внимания на внушение Парсона, проскочил под самым носом лошади Евстафия Лэя с возгласом:

– Эй, старина, куда едешь так рано? – внимательно посмотрел одно мгновение вниз на выбоину узкой колеи и вонзил шпоры в бока своей лошади с криком: – Свежий след! Прямо на Хартланд. Вперед! Следуйте за мной, следуйте, следуйте!

– Кто этот щенок? – надменно спросил Парсон.

– Билл Карри, отчаянный еретик. Вот и другие за ним.

При этих словах из огромного рва выехали еще четверо или пятеро конных рыцарей. Позади наших путников загремели копыта. Тут их лошади, прекрасно поняв, какое предстоит им развлечение, пустились галопом.

Через минуту злосчастные иезуиты мчались по мхам и болотам в погоне за «жирным оленем».

Парсон, хоть и пошлый хвастун, не был трусом и довольно хорошо играл роль мистера Эванса Моргана, но он очень боялся, что его драгоценные мешки сорвутся и упадут на землю, бросив под копыта еретических коней и обнаружив взгляду еретических глаз собрание папских грамот, разрешений, тайной переписки и мятежных сочинений. При одной мысли об этой возможности бедняга чувствовал, как его голова слетает с плеч.

Но будущий мученик, мистер Морган Эванс, сразу предался гнусному отчаянию и тщетно пытался найти утешение в восклицаниях на латинском языке:

– Ох, какое колючее седло! Варвары островитяне!

Между тем недалеко от него ехал храбрый рыцарь, которого мы уже хорошо знаем, Ричард Грейнварль. Накануне он пригласил Карри и других провести у него ночь, а затем выехал с ними в пять часов утра, чтобы после здоровой ранней прогулки поднять оленя в долинах Букиша с помощью гончих мистера Коффина из Портлэджа. Будучи таким же хорошим латинистом, как сам Кампиан, он разобрал и отрывки псалмов и «варваров островитян», после чего пустил свою лошадь рядом с лошадью мистера Евстафия Лэя и при первой же остановке сказал, отвесив низкий поклон в сторону иностранцев.

– Я надеюсь, мистер Лэй окажет мне честь представить меня своим гостям. Я был бы очень огорчен и мистер Карри также, если бы чужестранцы пробыли хоть день нашими соседями и не дали нам возможности самолично отблагодарить их за их присутствие и узнать, кто они, почтившие своим посещением наш западный Туле²⁸.

Единственно, что мог после этого сделать бедный Евстафий, – это представить в должной форме мистера Эванса Моргана и мистера Моргана Эванса. Бедняги, услышав страшное имя и, еще хуже того, увидев страшное лицо со спокойными проницательными глазами, почувствовали себя как пара куропаток во ржи при виде ястреба, парящего над их головами.

– Джентльмены, – ласково обратился к ним сэр Ричард со шляпой в руках, – я опасаюсь, что ваша поклажа обременяет вас при этом неожиданном галопе. Если вы разрешите моему груму – он находится сзади – избавить вас от заботы о ней и доставить ваши вещи в Чепл, вы оба окажете мне честь, а сами получите удовольствие наблюдать охоту вблизи.

Искорки смеха, несмотря на все усилия сдерживать их, зажглись в глазах сэра Ричарда при этом испытующем намеке. Оба джентльмена из Уэльса рассыпались в неуклюжих благодарностях, но, жалуясь на большую спешку и усталость от долгого путешествия, остались в тылу «и исчезли со своим проводником, лишь только след зверя был найден.

– Билл! – воскликнул сэр Ричард, подъезжая к молодому Карри. – Иезуиты, Билл.

– Подлый лгун может удрать с ними через ближайшие скалы.

– Они этого не сделают, пока идут ирландские волнения. Эти молодцы явились устраивать делишки Саундерса и Десмонда²⁹.

– Быть может, они везут с собой освященное знамя! Нельзя ли мне и молодому Коффину нагнать их? Обидно, когда честные люди не смеют раз в жизни ограбить воров.

– Не нужно. Дай дьяволу веревку, и он сам повесится. Держи язык за зубами и гляди в оба, Билл.

– Как так?

---

²⁸ В представлении древних римлян отдаленный остров где-то на северо-западе.

²⁹ Вожди ирландских католиков.

– Пусть стерегут день и ночь побережье Кловелли, как мышиную нору. Никто не сможет обогнуть мыс Харти при этих юго-восточных ветрах. Останавливайте всякого, у кого есть хоть намек на ирландское произношение – и приезжающих и уезжающих, – и направляйте их ко мне.

– Кто-нибудь должен охранять гавань Буд, сэр!

– Предоставь это мне. Вперед, джентльмены. Не то олень переплывет озеро Аввей!

Прокладывая себе дорогу через дубовую поросль и кусты папоротника, всадники с треском и грохотом помчались к Хартландской долине. Лай охотничьих собак и звуки рога удалялись, слабели и замирали вдали. В это время успокоившиеся заговорщики, прищипывая лошадей, проезжали мимо Бурдсона.

Но у Евстафия Лэя были другие мысли и другие заботы, помимо безопасности двух таинственных гостей его отца, как ни были они значительны в его глазах. Он был одним из многих, кто испил сладкого яду (хотя вряд ли в данном случае его можно было назвать сладким) магических чар Розы Торриджа. Он увидел ее в Лондоне и в первый раз в жизни влюбился. В любви Евстафия было очень мало, вернее, даже совсем не было рыцарства или чистоты. Эти добродетели в Реймсе не преподавались. Он стремился жениться на Розе Солтерн с эгоистической страстью, лишь для того, чтобы иметь возможность назвать ее своей собственностью и отстранить от нее всех других. Но пока что сватовство Евстафия было в самом зародыше. Он не мог сказать, знает ли Роза о его любви, и проводил отчаянные часы, думая о вещах, сводящих его с ума; всю ночь он ворочался на своей жесткой постели, наутро вставал сумрачный и бледный и начинал изыскивать все новые предлоги, чтобы пройти мимо дома ее дяди.

Глава IV

Две манеры быть влюбленным

А что происходило в это время с прекрасной Розой Торриджа?

Она сидела в маленьком загородном домике за мельницей, потонувшем в зеленой глубине долины Камбо, на полдороге между Стоу и Чеплом, и злилась на свое изгнание из Байдфорда. Она была так одинока, что хотя и относилась к Евстафию Лэю почти с отвращением, не могла удержаться от того, чтобы не поболтать с ним всякий раз, когда он проходил мимо, направляясь на ферму или на мельницу. А он это делал под любым предлогом чуть ли не каждый день. Ее дядя и тетка вначале смотрели довольно неодобрительно на его визиты, и тетка всегда старалась присутствовать при их беседах. Но все-таки мистер Лэй был сыном джентльмена; и не следовало быть неучтивым с соседним сквайром – постоянным хорошим покупателем. А Роза была дочерью богатого человека, они же были бедными родственниками; поэтому и с ней не следовало ссориться. К тому же хорошенькая девушка то упрямым, то милыми уловками обычно добивалась всего, чего хотела. И она сама была достаточно умна, чтобы просить тетку никогда не оставлять их наедине, так как она не может выносить взгляда мистера Евстафия.

Тем временем Евстафий, который хорошо знал, что разница исповеданий была, пожалуй, самым сильным препятствием на пути его любви, тщательно скрывал свои замыслы. Вместо того чтобы заниматься обращением населения мельницы, он ежедневно покупал молоко или цветы и дарил их старой женщине в Мурвинстоу (она находила, что он хотя и папист, а славный молодой человек). Наконец, посоветовавшись с Кампианом и Парсоном, он решил первым делом отправиться вместе с ними в церковь.

Господа Эванс Морган и Морган Эванс, напичкав себя заранее правилами протестантского богослужения, держались в церкви совсем как полагается и ничем не выделялись. То же делал и бедный Евстафий, к большому удивлению всего честного народа.

Оба иезуита, хотя считали нужным внешне подчиняться существующей власти, были усиленно заняты созданием тайных заговоров с целью ее свержения. С апреля прошлого года они играли в прятки то там, то здесь по всей Англии. Теперь они спокойно ждали, когда вести из Ирландии подадут им знак, что Великое восстание Запада готово сбросить с трона «упрямую, надоевшую, нечестивую, незаконную, распутную, отлученную от церкви узурпаторшу, именующую себя королевой Англии».

Вскоре после приезда Кампиан сказал Парсону:

– В воздухе пахнет женщиной. Клянусь жизнью! Я видел вчера, как малый покраснел до слез, когда мать спросила его, вернулась ли уже некая Роза Солтерн или кто-то там еще.

В результате этой беседы через день или два отец Кампиан попросил отца Франциска, домашнего капеллана, в виде особой любезности разрешить ему выслушать обычную исповедь Евстафия в следующую пятницу.

Бедный отец Франциск не осмелился отказать такому важному лицу и согласился с внутренним вздохом. Ему было ясно намерение Кампиана выпытать какую-то семейную тайну, и он понимал, что благодаря этому его влияние уменьшится, а влияние иезуита возрастет.

Во всяком случае, Кампиан выслушал исповедь Евстафия и, поставив ему ряд вопросов, открыл, что тот влюблен. Кампиан улыбнулся и еще усиленнее принялся за работу, чтобы узнать, кто «она».

Каждый вопрос – замужем ли она или девушка, католичка или еретичка, англичанка или иностранка – приближал его к цели. Наконец Кампиан увидел, что дело не так уж плохо, и прямо спросил Евстафия, какими мирскими благами она располагает.

– Даже если бы она была еретичкой, она остается наследницей одного из богатейших девонских купцов.

– Ага! – задумчиво произнес Кампиан. – И вы говорите, ей всего восемнадцать лет?

– Всего восемнадцать.

– Ага! Хорошо, сын мой, у нас есть еще время. Она сможет присоединиться к святой церкви, или вы сможете переменить веру.

– Я скорее умру.

– Ах, бедный мальчик! Хорошо, она сможет присоединиться, а ее состояние может быть использовано для дела церкви.

– И оно будет использовано. Только дайте мне отпущение и дайте мне покой. Позвольте мне лишь иметь ее! – воскликнул Евстафий жалобно. – Я не хочу ее состояния! Дайте мне только ее! Все остальное, не только деньги – слава, талант, сама моя жизнь, если понадобится, будут к услугам святой церкви. Я буду счастлив доказать мою преданность какой-нибудь особой жертвой, каким-нибудь отчаянным поступком. Испытайте меня и посмотрите, существует ли что-либо, чего бы я не совершил.

– Все это прекрасно, сын мой, – сказал Кампиан. – Есть одна вещь, которая должна быть сделана, но, быть может, с риском для жизни.

– Испытайте меня! – нетерпеливо крикнул Евстафий.

– Вот письмо, которое было мне доставлено прошлой ночью – неважно откуда. Вы можете понять его лучше, чем я, и я мечтал показать его вам, но я опасался, что вы не согласитесь.

– В таком случае вы напрасно опасались, мой дорогой отец Кампиан.

Кампиан прочитал ему зашифрованное письмо.

«Эвансу Моргану,
живущему в доме мистера Лэя
в Мурвинстоу, Девоншир.

Новости могут быть получены тем, кто пойдет на берег в любой вечер после 25 ноября во время отлива, там подождет лодки, управляемой человеком с рыжей бородой и португальским произношением. Если его спросят “сколько”, он ответит “восемьсот один”. Возьмите у него письма и прочтите их. Если берег охраняется, пусть тот, кто придет, трижды зажжет свет в безопасном месте под скалой над городом: внизу опасно высаживаться. Прощайте и ждите больших событий».

– Я пойду, – сказал Евстафий. – Завтра двадцать пятое ноября, и я знаю верное и безопасное место. По-видимому, ваши друзья хорошо знают эти берега.

– О, разве существует что-либо, чего мы не знаем? – ответил Кампиан с таинственной улыбкой. – А теперь?..

– А теперь, чтобы доказать, насколько я вам доверяю, вы пойдете со мной и увидите ту, кем полны мои мысли, хотя я не должен был бы думать о ней, так как она – протестантка и дочь горожанина.

– О, сын мой, разве я не дал вам отпущения? Тем не менее я пойду и для того, чтобы доказать, что я доверяю вам, и для того, чтобы, возможно, помочь обращению еретички и спасению погибшей души – кто знает?

Итак, они отправились вместе и как раз достигли вершины холма между Чеплом и мельницей Стоу, когда из переулочка вышла сама Роза Солтерн.

Она быстро шла крошечными шажками, высокая, гибкая, грациозная, настоящая западная девушка. Когда она присела с милым румянцем и прошла, даже Кампиан посмотрел вслед прелестному невинному созданию, чьи длинные темные локоны, по местной моде, вились из-под капора, ниспадая до самой талии.

– Вы позволите мне вернуться на один момент? Я догоню вас, отпустите меня!

Кампиан видел, что говорить «нет» бесполезно, и утвердительно кивнул.

Евстафий бросился в сторону и, перебежав через поле, встретил Розу у следующего поворота дороги.

Она остановилась и испустила легкий крик.

– Мистер Лэй, я думала, вы ушли вперед.

– Я вернулся поговорить с вами, Роза... мисс Солтерн, хотел я сказать.

– Со мной?

– Я должен говорить с вами! Не гневайтесь, не уходите, умоляю вас! Роза, послушайте меня только! – И, страстно схватив ее руку, он излил всю историю своей любви, осыпая девушку самыми фантастическими эпитетами.

Вероятно, во всех его словах было мало такого, чего бы Роза уже много раз не слышала прежде, но в его голосе был трепет, а в глазах огонь, которых она инстинктивно ужаснулась.

– Уйдите прочь! – ответила она, вырываясь и разразившись слезами. – Вы слишком дерзки. Оставьте меня, уходите, или я позову на помощь!

Евстафий где-то слышал или читал, что подобные выражения в устах женщины чаще всего только притворство, и решил, что она собирается звать на помощь. Но ее сопротивление было серьезным, и громкий крик показал ему, что, если он желает спасти свое доброе имя, он должен уйти.

Она вырвалась от него, пробежала мимо и бросилась вниз, в переулок.

– Запомните это! – крикнул он ей вслед. – Вы пожалеете о дне, когда пренебрегли Евстафием Лэем!

И он вернулся, чтобы присоединиться к Кампиану, который стоял в раздумье.

– Не обидели ли вы девушку, сын мой? Мне показалось, я слышал крик.

– Обидел ее! Нет. Однако лучше бы она умерла и я вместе с ней! Не говорите со мной больше, отец. Мы пойдем домой.

Даже Кампиан имел достаточно жизненного опыта, чтобы понять, что произошло. И оба молча поспешили домой.

Так Евстафий Лэй сыграл свою игру и проиграл. Роза, добежав почти до Чепла, остановилась, горя от стыда, потом тихо пошла к домикам на окраине и вышла на дорожку, ведущую в деревню Мурвинстоу. Но она была такая красная и возбужденная, что побоялась войти в деревню из опасения (как она себе сказала) дать повод к людским толкам. Поэтому она свернула на боковую тропинку и пошла по направлению к прибрежным скалам, чтобы освежить пылающее лицо дуновением морского ветра. Там, найдя спокойный, поросший травой уголок под утесом, она уселась на дерн и погрузилась в глубокие размышления. Роза не только прекрасно знала, что за ней ухаживали, но находила это ухаживание чрезвычайно приятным. Не то чтобы ей особенно хотелось разбивать сердца: она бы не разбила своего сердца ни для кого из всех поклонников – так почему должны они разбивать свои сердца для нее? Они все были очень милы – каждый по-своему, но ни одного из них она не считала лучше других.

Бедная маленькая Роза! Если б у нее была мать! Но ей пришлось брать уроки жизни в другой школе. Она была слишком стыдлива (слишком горда, быть может), чтобы рассказать тетке о своем великом смятении. Но совет ей был необходим. Она просидела, сжав голову руками, более получаса; затем стремительно встала и пошла вдоль скал по направлению к Марслэнду. Она решила повидать Люси Пассимор – «белую колдунью»³⁰. Люси все знает и скажет ей, что делать, возможно, даже – за кого выйти замуж.

---

³⁰ Белая колдунья в чарах пользуется исключительно белой магией, т. е. «тайными» силами природы, и не прибегает к содействию Сатаны (черная магия).

Люси была тучной веселой женщиной пятидесяти лет, с маленькими лисьими, сверкающими, как огонь, глазами. Ее достоинствами в профессии «белой колдуньи» были бесконечная хитрость и столь же бесконечное добродушие, замечательное знание людских слабостей, некоторая гипнотическая сила, некоторое умение лечить, твердая вера в силу своих собственных чар и умение держать язык за зубами. Благодаря всему этому она зарабатывала большие деньги и достигла власти над простым человеком на много миль вокруг.

Рози приблизилась к жилищу колдуньи. Та сидела у очага и гнала водку из порея. Но лишь только гостья появилась в дверях, перегонный куб был брошен на произвол судьбы, и, накинув чистый передник, Люси приветствовала Рози с бесконечной любезностью.

– Господи благослови, кто бы мог подумать, что Роза Торриджа посетит мое бедное жилище!

Рози села. А дальше? Она не знала, как начать. Она просидела молча целых пять минут, сосредоточенно уставившись на носок своей туфли, пока многоопытная Люси не нашла лучшим сразу приступить к делу и избавить Рози от сложной задачи самой начать распутывать клубок. Со своей обычной манерой, полураболепной, полуфамильярной, она заговорила:

– Ну, моя дорогая юная леди, что я могу сделать для вас? Я догадываюсь, вам нужна небольшая помощь старой Люси, а? Хотя я очень смущена, что вижу вас у себя: я думала, что это хорошенькое личико может само управиться с такого рода делами, а?

Столь внезапно атакованная, Рози исповедалась и, краснея и смущаясь, скоро дала понять Люси, что хотела бы выслушать предсказание своей судьбы.

– А? О, я вижу. Хорошенькое личико уж натворило бед, а? Слишком много «их»? Бедные создания! Это не так-то легко. Один хорош для одного, другой для другого, а? У одного происхождение, у другого деньги.

И ловкая женщина, обращаясь наполовину к себе самой, перебрала все имена, чьи владельцы, по ее предположению, засматривались на Рози. При этом она искоса поглядывала своими блестящими лисьими глазками, между тем как Рози упорно помешивала торфяную золу носком своей маленькой туфли, разгневанная, пристыженная, испуганная тем, что эта женщина так хорошо отгадывала имена ее воздыхателей и ее мысли о них. Рози старалась сохранить беспечный вид, кого бы Люси ни называла.

– Хорошо, хорошо, – говорила Люси, которая ничего не узнала из ее движений, – думайте, думайте, жизнь моя, и когда вы остановите на ком-нибудь свое внимание, ну, тогда, может быть, я смогу помочь вам увидеть его.

– Увидеть его?

– Его дух, жизнь моя, я говорю только о духе. Я не стала бы устраивать в своем доме свидания ни за какие деньги, но я могу вызвать его дух, чтобы увидеть, верен ли он. Ведь вы хотели бы это знать, разве не хотели бы, дорогая?

Рози вздохнула и сердито отодвинула золу.

– Я должна сначала знать, кто он. Если бы вы могли мне показать его сейчас!

– О, я могу показать вам это тоже, могу. Есть способ, верный способ. Но так смертельно холодно в это время года.

– Ну так что же? – спросила Рози, в глубине души мечтавшая о чем-нибудь именно в этом роде и почти готовая просить Люси прибегнуть к колдовству.

– Ну а вы не побойтесь войти на минутку в море ночью, нет? Завтрашняя ночь может пригодиться. Как раз завтра будет отлив.

– Если вы пойдете со мной, может быть...

– Пойду, пойду, постерегу вас, будьте спокойны. Только помните, душенька, никому ни словечка, ни за что на свете, не то ничего не увидите! Ну, попробуем немного колдовства. Хотите?

Рози не могла устоять против искушения. Они столкнулись, и на следующую ночь было назначено колдовство за небольшую плату (Люси жила своей торговлей.) Опустив заслуженный золотой в руку почтенной дамы, Рози ушла.

Тем временем, в тот самый час, когда Евстафий преследовал свою избранницу в Мурвинстоу, совсем другая сцена разыгралась в комнате миссис Лэй в Бэрэффе.

Накануне ночью, отправляясь спать, Эмиас услышал, как его брат Фрэнк в соседней комнате настраивает лютню и начинает петь. Оба окна были открыты; комнаты разделялись лишь тонкой перегородкой, и восхищенный слух Эмиаса улавливал каждое слово любовной песенки, напеваемой нежным мелодичным тенором, которым Фрэнк славился среди прекрасных дам.

Когда певец кончил, Эмиас крикнул через стену:

– Спокойной ночи, старый дрозд, я полагаю, мне незачем платить музыкантам.

– Как, ты не спишь? – ответил Фрэнк. – Иди сюда и усыпи меня морской песней.

Эмиас вошел и увидел, что Фрэнк лежит одетый на постели.

– Я плохо сплю, – сказал он, – боюсь, что я провожу больше времени, сжигая масло³¹, чем полагается благоразумному человеку. Будь моим миннезингером³², расскажи мне об Андах, о каннибалах, о ледяных и об огненных странах, о райских местах Запада.

Эмиас сел и начал рассказывать, но почему-то всякий рассказ неизменно возвращался к имени Рози Солтерн: как он думал о ней тут и как думал о ней там; как хотел знать, что бы она сказала, если бы видела его при таком-то приключении; как мечтал взять ее с собой, чтобы показать ей восхитительный вид, пока Фрэнк наконец не предоставил ему свободы.

– Теперь иди спать, – сказал он ему смеясь, – а завтра утром отдай свой меч матери спрятать, иначе у тебя появится искушение проткнуть кого-нибудь из поклонников Рози.

– Не бойся, Фрэнк, я не забияка, но если кто-нибудь станет на моем пути, я поступлю с ним как с собакой и переброшу его через набережную в воду охладить его пыл, не будь мое имя Эмиас.

И гигант, переваливаясь, со смехом вышел из комнаты.

Он проспал всю ночь, как тюлень, и видел сны о Рози Солтерн.

На следующее утро Эмиас, по обыкновению, вошел в комнату матери. Эта комната выглядела такой уютной после трехлетних скитаний по безлюдным странам! Тихонько подойдя к двери, чтобы не помешать, он незаметно вошел и застыл при виде зрелища, представившегося его глазам.

Миссис Лэй сидела в кресле, низко склонившись над головой его брата, Фрэнка, который стоял перед ней на коленях, спрятав лицо в складках ее платья. Эмиас мог видеть, что все тело Фрэнка вздрагивало от сдерживаемого волнения.

– Но не жену, – говорил Фрэнк глухим от рыданий голосом. – Я – ваш сын, и вы должны знать это, даже если Эмиас никогда не узнает.

Оба они увидели Эмиаса, взрогнули и покраснели. Мать взглядом выслала его, и он вышел, словно оглушенный. Почему было упомянуто его имя?

Так вот что означала вчерашняя песенка! Поэтому ее слова так глубоко запали в его сердце. Его брат оказался его соперником. А он рассказал ему вчера всю историю своей любви. Каким бессмысленным глупцом был он! Фрэнк слушал с такой добротой, даже пожелал ему успеха в его намерениях. Какой он джентльмен, старина Фрэнк! Неудивительно, что королева и все придворные дамы так любят его. Если до этого дошло, то что удивительного, если и Рози Солтерн любит его.

«Так-так! Хорошенькую рыбку нашел бы я в своих сетях!» – размышлял Эмиас, шагая по саду.

---

³¹ Намек на освещение масляными светильниками.

³² Придворный певец в средневековой Германии.

И в отчаянии хватаясь за золотые кудри, словно желая удержать на плечах свою бедную, сбитую с толку голову, он большими шагами ходил взад и вперед по усыпанному ракушками саду, пока голос Фрэнка, веселый, как всегда, окликнул его:

– Иди завтракать, парень, и перестань давить эти злосчастные ракушки. От их скрипа я чувствую оскомину на зубах.

Благодаря стараниям держать голову прямо Эмиас к тому времени уже привел свои мысли в порядок. Он вошел в дом и с яростью набросился на жареную рыбу и крепкий эль, как бы решившись в тот день во всех отношениях выполнить свой долг до конца. Его мать и Фрэнк с тревогой и ужасом смотрели на него, не зная какой оборот могут принять его мысли при этом новом обстоятельстве.

Тогда Эмиас приступил к своему трудному делу:

– Слушай, брат Фрэнк, я все это обдумал в саду. Конечно, ты любишь ее! Я был глупцом, что не сообразил этого. А если ты ее любишь – наши вкусы сходятся, и это очень хорошо. Я достаточно хорош для нее, надеюсь. Но если я хорош, то ты еще лучше. И хорошая собака бежит, но зайца хватается лучшая. А потому мне здесь больше нечего делать. Это очень мучительно, – продолжал Эмиас с забавно страдальческим лицом, – но мучительны сотни вещей – такова жизнь, как сказал охотник, когда лев тащил его. Когда нет хлеба, приходится грызть корку. Итак, я поступлю в ирландскую армию и выброшу все это из головы. Пушечные ядра отпугивают любовь так же хорошо, как отпугивает ее бедность. Вот все, что я хотел сказать.

С этими словами Эмиас вернулся к своему пиву, в то время как миссис Лэй плакала слезами радости.

– Эмиас, Эмиас, – воскликнул Фрэнк, – ты не должен ради меня отказываться от надежды стольких лет!

Эмиас сжал зубы и старался сохранить весьма решительный вид. Затем внезапным прыжком он ринулся к Фрэнку, обнял его и всхлипнул:

– Довольно, довольно теперь! Забудем все, будем думать о нашей матери, о старом доме и о его чести. Каким ослом я был все эти годы! Вместо того чтобы изучать мое дело, я мечтал о ней, а сейчас не знаю, думает ли она обо мне больше, чем об учениках своего отца.

– Мой дорогой Эмиас, я прогнал все мысли о ней сегодня утром.

– Только сегодня утром? Еще есть время вернуть их, пока они не слишком далеко ушли.

Фрэнк спокойно улыбнулся:

– С тех пор протекли столетия.

– Столетия?! Я что-то не замечаю большого количества седых волос.

– Я бы не удивился, если б они у меня были, – произнес Фрэнк таким грустным и значительным голосом, что Эмиас мог только ответить:

– Ладно, ты все-таки ангел!

– В таком случае ты нечто большее – ты человек!

Оба сказали правду, и, таким образом, борьба окончилась; Фрэнк пошел к своим книгам, а Эмиас, который, когда не спал, всегда действовал, отправился в адмиралтейство потолковать о новом корабле сэра Ричарда. Он забыл свои горести, ораторствуя среди матросов.

Глава V

Поместье Кловелли в старое время

На следующее утро Эмиас Лэй исчез. Не с целью погрузиться в отчаяние и даже не с целью плакать над собой, «бродя по берегам Торриджа». Он просто поскакал к Ричарду Гренвайлю в Стоу. Его мать сразу догадалась, что он отправился просить назначения в ирландскую армию, и послала вслед за ним Фрэнка вернуть его и заставить вновь обдумать свое решение.

Фрэнк оседлал коня и проехал миль десять или больше, а затем, так как в те дни по дороге не было гостиниц и ему предстояло еще добрых десять миль холмистого пути, он свернул в сторону и отправился к поместью Кловелли, где по гостеприимному обычаю того времени его и его лошадь ждал радушный прием мистера Карри.

Как только Фрэнк вошел в длинный, темный, украшенный панелями зал поместья, первое, что он увидел, была громоздкая фигура Эмиаса. Сидя за длинным столом, Эмиас не то всунул свое лицо в пирог, не то пирог в лицо. По-видимому, горе только усилило его аппетит. На противоположной скамье стоял на коленях, опершись локтями на стол, Билл Карри и убеждал его в чем-то.

– Эй, брат! – крикнул Эмиас. – Иди сюда и освободи меня из рук этого людоеда. Он, право, убьет меня, если я не разрешу ему убить кого-либо другого.

– А, мистер Фрэнк! – воскликнул Билл Карри, который, как и другие местные молодые люди, очень почитал Фрэнка и считал его настоящим оракулом в вопросах моды и рыцарских манерах, – добро пожаловать, я как раз мечтал о вас. Мне нужен ваш совет в сотне дел. Садитесь и ешьте. Вот эль.

– Не так рано, благодарю вас.

– О нет! – сказал Эмиас, погружая голову в кубок и подражая Фрэнку. – Избегайте крепкого эля по утрам. Он горячит кровь, разжигает пыл, омрачает мозг яростью и бешенством и затмевает свет чистого разума. Эй, юный Платон, молодой Даниил, иди сюда, будь судьей! А все-таки, хоть уж видно дно кубка, я еще вижу достаточно ясно, чтобы видеть, что Билл не будет драться.

– Не буду? Кто это говорит? Мистер Фрэнк, я обращаюсь теперь к вам. Только выслушайте.

– Мы на судейском кресле, – заявил Фрэнк, принимаясь за пирог. – Обвинитель, начинайте.

– Хорошо, я рассказал Эмиасу о Томе Коффине из Портлэджа; я не могу выносить его больше.

– Зато он просто великолепно сам себя выносит, – вставил Эмиас.

– Придержи язык, черт тебя побери. Какое он имеет право так смотреть на меня, когда я прохожу мимо?

– Зависит от того, как он смотрит. И кошка может смотреть на короля, лишь бы она не приняла его за мышь.

– О, я знаю, как он смотрит и что он думает; он перестанет так смотреть, или я заставлю его перестать. Простой раз, когда я сказал «Рози Солтерн»...

– Я знаю, что он написал сонет и послал его в Стоу через рыночную торговку. Какое право он имеет писать сонеты, раз я не умею? Это нечестная игра, мистер Фрэнк, провались я на месте. Разве это не повод для ссоры?

И Билл стукнул по столу так, что все блюда запрыгали.

– Мой дорогой рыцарь пылающего жезла, у меня есть блестящий план, возможность все распутать согласно самым лучшим правилам рыцарства. Назначим день и созовем барабанным

боем всех молодых джентльменов не старше тридцати, живущих на расстоянии пятнадцати миль от замка нашей несравненной Орианы.

– И всех подмастерьев! – крикнул Эмиас из глубины пирога.

– И всех подмастерьев. Храбрые молодцы вначале станут драться дубинами на байдфордском рынке, пока все головы не будут разбиты. Чья голова уцелеет, тот заплатит спиной. После сего великого побоища все молодые люди изберут подходящее поле и, сбросив верхнюю одежду, с остро отточенными шпагами одинаковой длины бросятся друг на друга – хватай любого. Победитель будет снова драться – так принято среди боевых петухов – пока все не погибнут и не избавятся от своих страданий. Затем единственный, оставшийся в живых, оплакав перед небом и землей жестокость нашей прекрасной Орианы и избиение, вызванное ее глазами василиска, грациозно бросится на свой меч. Так окончатся горести нашего поколения влюбленных³³.

– Право, это ужасно, – ответил Карри.

– Таково, простите меня, ваше желание пронзить мистера Коффина чем-либо острее шпильки.

– Шпильки слишком коротки для столь свирепого Боабдилла³⁴, – заметил Эмиас. – Шпильки заставят их столкнуться так близко, что они тотчас же перейдут на кулаки.

– Так пусть поливают друг друга водой из насосов на рыночной площади, так как, клянусь небом и королевскими законами, другим оружием они не будут драться.

– Клянусь Небом! – крикнул Эмиас. – Фрэнк говорит, как книга. Что касается меня, я полагаю – джентльмен оставит любовные ссоры быкам и баранам.

– А наследник Кловелли, – улыбаясь, закончил Фрэнк, – может найти лучшие образцы для подражания, чем олени из его собственного парка.

– Пусть так, – сокрушенно промолвил Билл. – Вы большой ученый, Фрэнк, но джентльмен должен иногда драться, иначе что станет с его честью?

– Я говорю, – ответил несколько надменно Фрэнк, – не просто как ученый, а как джентльмен, как человек, который сражался на своем веку и которому, мистер Карри, случалось убивать своих противников. Но я с гордостью вспоминаю, что никогда не сражался из-за личной ссоры и, надеюсь, никогда этого не сделаю.

– Что же мне делать? – спросил Билл. – Я хочу пойти завтра на базар; если там будет полно Кофффинов и каждый из них начнет дразнить меня?

– Предоставь все мне, – сказал Эмиас. – У меня есть свой план – он не хуже плана ученого Фрэнка. Если завтра на базаре произойдет ссора, как я предполагаю, увидишь, если я не...

– Ладно, вы оба добрые малые, – перебил Билл. – Давай выпьем еще кубок.

– А теперь выпьем за здоровье мистера Коффина и всех доблестных юношей севера и перейдем к делу. Я должен доставить этого беглеца домой, к его матери. Если он не пойдет добровольно, я получил приказ перебросить его через седло.

– Надеюсь, у твоей лошади крепкий круп, – рассмеялся Эмиас. – Я должен повидать сэра Ричарда, Фрэнк. Очень приятно так пошутить, как мы шутили, но я принял твердое решение.

– Стой, – прервал Карри, – сегодня вечером вы должны остаться здесь; прежде всего ради хорошего обеда, а затем потому, что мне нужен совет нашего Феникса, нашего оракула, нашего образцового рыцаря. Вот, Фрэнк, можете вы перевести мне это? Только говорите оба тихо – идет мой отец. Лучше отдайте мне письмо. Здорово, отец. Откуда ты?

– Эге, да здесь целая компания! Молодые люди, вы и вам подобные – всегда желанные гости. Как поживает ваша матушка, Фрэнк? Где я был, Билл? На ферме, смотрел быков. Но

---

³³ Эта речь Фрэнка является пародией на средневековые рыцарские романы.

³⁴ Боабдил, или Абу-Абдала – последний король (1481—491) мусульманского королевства Гренады.

я голоден. Половина первого – и еще нет обеда? Что я вижу, мистер Эмиас утоляет жажду крепким элем. Лучше попробуем глинтвейна.

Старик уселся на большую скамью у камина, и его сын стал трудиться над стаскиванием отцовских сапог, получая ежеминутные предостережения насчет мозолей.

– Куда ты едешь, Эмиас? – спросил Билл.

– Куда я еду? – переспросил Эмиас. – В ту сторону, которую Рэли³⁵ назвал страной нимф. Я надеюсь, что следующий месяц застанет меня на чужбине в Ирландии.

– На чужбине?..

– Скажи лучше на родине, – заявил старый Карри. – Она с одного конца до другого полна уроженцев Девона, ты все время будешь среди друзей. Однако вот идут слуги, я слышу, как повар стучит к обеду.

После обеда Билл Карри, придвинув свой стул вплотную к стулу Фрэнка, осторожно сунул ему в руки грязное письмо.

– Это письмо было мне доставлено сегодня утром деревенским парнем. Взгляните на него и скажите, что мне делать?

«Мистер Карри, стерегите сегодня ночью на стороне Заповедника. Когда ирландская лисица выскочит из-за утесов – хватайте ее и крепко держите».

– Я показал бы это отцу, – сказал Билл, – но...

– Я думаю, что это какая-то уловка. Смотрите, это почерк человека, который старался писать неграмотно и все-таки не мог. Взгляните на это и на это – такие образцы не преподаются в ирландской школе. И больше того – это писал не девонец.

– Разумеется.

– И мы бы сказали «человека» вместо «ее»?

– Верно! О, Даниил! Но значит ли это, что мне ничего не нужно делать?

– В этом вопросе я не судья. Спроси Эмиаса. Вероятно, из своего путешествия вокруг света он вывез некоторый опыт.

Эмиас был вызван на совет.

Он подумал минуту, запустив обе руки в длинные кудри, а затем:

– Билл, милый мой, тебе приходилось сторожить в стороне Заповедника в последнее время?

– Никогда.

– Тогда где же?

– На городской набережной.

– Еще где?

– В центре города.

– Еще где?

– Ого, малый стал адвокатом! Около Фрешуотера.

– Где находится Фрешуотер?

– Ну, где водопад – на расстоянии полумили от города. Там наверху есть тропинка в лес.

– Знаю. Я буду сторожить там сегодня ночью. Все часто посещаемые места, конечно, охраняются. И пошлите парочку здоровых слуг на мельницу на всякий случай – автор письма мог сообщить и правду. Но мое сердце чует, что оно написано нарочно, чтобы отвлечь тебя.

– Но почему вы склонны сторожить именно Фрешуотер, мистер Эмиас?

– Потому, что те, кто явятся, если только они явятся, никогда не высадутся в Мусмилле. Если это иностранцы, они не осмелятся; если это местные люди, они слишком опытные, чтобы подъехать, пока не подует западный ветер. Высадиться у города было бы слишком большим

---

³⁵ Сэр Фрэнсис Рэли (Роли) (1552–1618) – придворный, мореплаватель, ученый, воин и поэт, одно время любовник «девственной» королевы Елизаветы.

риском, а Фрешуотер уединен, как Бермудские острова, и там можно подвести лодку к скале при всяком уровне воды и во всякую погоду, исключая северного и северо-западных ветров. Я не раз делал это, когда был мальчиком.

– И делишься с нами плодами своего опыта в зрелые годы, а?

– Ладно, у тебя седая голова на зеленых плечах, мой мальчик; и я думаю, что ты в самом деле прав. Кого ты возьмешь с собой сторожить?

– Я пойду с братом, – сказал Фрэнк, – и этого будет достаточно.

– Достаточно? Он достаточно велик, а вы достаточно храбры для десятерых; но все-таки чем больше, тем веселее.

– Но чем меньше, тем легче. Я осмелюсь просить у вас первой и последней милости, – очень серьезно заговорил Фрэнк, – обещайте мне две вещи: первая – вы не пошлете к Фрешуотеру никого, кроме меня и моего брата, и второе – что бы мы ни узнали – оно останется тайной. Я полагаю, мы достаточно известны вам и другим – вы не можете ни на минуту сомневаться, что наши действия удовлетворят и вашу честь, и нашу собственную.

До самого отъезда братьев молчание почти не прерывалось.

– Эмиас, – сказал Фрэнк, – и тем не менее это писал девонец. Это писал Евстафий.

– Невозможно!

– Нет, друг, я был секретарем принца и научился разбирать шифры и подмечать каждый росчерк пера. Как я ни молод, я полагаю, меня нелегко провести. Идем, друг, но не бей никого сгоряча, ты можешь погубить свою же кровь.

Они прошли вдоль парка по направлению к востоку; миновали спрятавшуюся в лесу рыбацью деревушку – ряд домиков, прилепившихся к отвесной скале; прошли еще с полмили и по крутому склону холма, поросшему дубовым лесом, по узкой лесной дорожке стали спускаться к воде до того места, где с двух сторон сливаются ручьи и с высоты нескольких сотен футов обрушиваются каскадом в океан. Подле водопада подымалась с берега узкая тропка. Здесь братья предполагали встретить посланного. Фрэнк желал занять сторожевой пост ниже Эмиаса. Он говорил, что уверен, что Евстафий явится самолично, а он скорее сумеет воздействовать на него словами, чем Эмиас, что если Эмиас будет караулить ярдов на двадцать кверху, посланный все равно не сможет удрать. И, кроме того, он – старший брат и потому имеет право на почетный пост. Эмиас подчинился, заставив брата обещать, что если на тропинке появится больше одного человека, Фрэнк пропустит их мимо себя, прежде чем окликнуть брата, так, чтобы оба – Эмиас и Фрэнк – могли загнать их в тупик одновременно.

Итак, Эмиас занял свое место под высокой мергелевой насыпью и, лежа меж пышно разросшимися папоротниками, не сводил глаз с Фрэнка, присевшего на небольшом выступе утеса.

Прошло полчаса. Изредка Эмиас отрывал взгляд от скалы, чтобы взглянуть на окружающую местность. Наконец он услышал шорох падающих листьев и плотнее прижался к темной насыпи. Затем послышались быстрые, легкие шаги – не спускающиеся, а поднимающиеся снизу. Его сердце билось громко и часто. Еще через полминуты в трех шагах от убежища Фрэнка показался человек. Фрэнк тотчас вскочил. Эмиас видел, как светлый клинок блеснул при ярком свете октябрьской луны.

– Именем королевы, стой!

Человек выхватил из-под плаща пистолет и выстрелил Фрэнку прямо в лицо. Но спустить тяжеловесный курок было нелегким делом. Прежде чем исчезла искра, Фрэнк успел ударить пистолет рапирой снизу, и пуля, не причинив вреда, пролетела над его головой. В ту же секунду человек бросил оружие ему прямо в лицо, но, к счастью, не попал. Удар пришелся в плечо, и все же Фрэнк, который был хрупок, как лилия, пошатнулся и растерялся. Эмиас увидел, как, прежде чем Фрэнк мог овладеть собой, в руке врага блеснул кинжал, нанеший один, два, три удара.

Вне себя от бешенства Эмиас в одно мгновение очутился подле сражающихся. Они так тесно сплелись в темноте, что он побоялся пустить в ход острие своего меча, но рукоятью, хватил негодяя прямо по щеке. Этого оказалось достаточно. С болезненным криком молодец покатился ему под ноги, и Эмиас наступил на него, готовясь проткнуть его насквозь.

– Стой! стой! – завопил Фрэнк. – Это – Евстафий! Наш кузен Евстафий! – И он прислонился к дереву.

Эмиас подскочил к нему, но Фрэнк только отмахнулся.

– Это пустяки, царапина. У него с собой бумаги. Я уверен в этом. Возьми их и отпусти его.

– Негодяй, отдай мне бумаги! – закричал Эмиас, еще раз наступив на поверженного Евстафия, у которого была сломана челюсть.

– Ты подло ударил меня сзади, – простонал тот. Его тщеславие и зависть сказались даже тут.

– Собака, не думаешь ли ты, что я не осмелюсь ударить тебя спереди? Дай мне бумаги, письма, всю папистскую чертовщину, что ты нес, или, клянусь жизнью, я отрублю тебе голову и возьму их сам, хотя бы это стоило мне позора обнажить твое тело. Давай их сюда! Предатель, убийца! Давай их, говорю тебе! – И, снова поставив на него ногу, Эмиас поднял меч.

Евстафий не был трусом. Но тут он испугался. Принужденный выбирать между смертью и позором, он не имел больше мужества сопротивляться.

Лунный свет озарял высокий чистый лоб, длинные золотые кудри и ужасный белый меч его громадного кузена; и суеверному взгляду Евстафия он стал казаться похожим на прекрасного юного святого, попирающего Сатану, – таких он видел за границей на старых германских картинах.

Евстафий содрогнулся, вытащил из-за пазухи пакет и швырнул его прочь от себя, пробормотав:

– Я не предал их.

– Поклянись, что здесь все бумаги, какие у тебя были – зашифрованные и нешифрованные. Клянись своей душой или ты умрешь.

Евстафий поклялся.

– Скажи мне, кто твои сообщники?

– Никогда! – воскликнул Евстафий. – Жестокий, мало ты унижил меня?

Злополучный юноша разрыдался и закрыл свое окровавленное лицо руками.

Какой-то проблеск нового чувства сделал Эмиаса кротким, как ягненок. Он поднял Евстафия и приказал ему бежать ради спасения жизни.

– Значит, я обязан жизнью тебе?

– Нисколько. Только тому, что ты носишь имя Лэй. Ступай, или тебе будет хуже!

И Евстафий ушел, а Эмиас, схватив драгоценный пакет, бросился к Фрэнку. Фрэнк уже лишился сознания, и брат донес его до самого парка, прежде чем встретил остальных караульных. Для них все происшедшее осталось полной тайной. Они ничего не видели и не слышали.

Все возвратились в поместье, неся Фрэнка, который постепенно пришел в себя. Он получил скорее ушибы, чем раны, так как противник в бешенстве наносил удары дрожащей рукой.

Полчаса спустя Эмиас, старик Карри и его сын Билл держали тайный совет по поводу следующего послания – единственной бумаги в пакете, которая не была зашифрована:

«Дорогой брат во Христе!

Извещаю вас и всех друзей нашего дела, что Джозефус высадился в Смервикке с восемьюстами доблестными крестоносцами, горящими священным рвением искупить свои преступления (которых, боюсь, было много) распространением святой католической веры. Молитвами и святой водой я очистил крепость от грязных следов еретиков и вновь посвятил ее Богу. Если вы можете что-либо сделать, сделайте скорее, так как широкий и верный путь открыт,

а врагов много. Но действуйте быстро. Бедные Божьи овцы так напуганы, что сотни побегут перед одним англичанином. Земному суждению ни они, ни их страна не представляются достойными заботы о них. Они предаются воровству, лжи, пьянству, пустословию, нечестивым танцам и пению. В то же время их страна, по причине тирании вождей и беспрестанных грабежей и войн между племенами, которые, дробясь и слабея, делаются легкой добычей нечестивой, похитившей престол англичанки, совершенно опустошена огнем и обезображена телами умерших и убитых. Но что значит все это, когда добродетель католической покорности уже расцветает в их сердцах?

Церковь беспокоится не о сохранении тел и имуществ, а лишь о бессмертных душах.

Если какая-нибудь благочестивая леди пожелает, вы можете получить от ее щедрости для этой недостойной обители рубашку и пару штанов, так как я противен себе и другим, а здесь нет излишка такой роскоши. Все живут в святой бедности, за исключением блох; они единственные получают в нашем мире то утешение, которого этот несчастный народ и те, кто работает среди него, должны ждать до будущего мира.

Любящий вас брат».

– Сэр Ричард должен узнать об этом до рассвета! – воскликнул старый Карри.

– Восемьсот человек высадились! Мы должны созвать комитет граждан и все отправиться против них. Я сам пойду, как я ни стар. Ни одна собака не должна вернуться домой.

– Ни одна собака из них, – ответил Билл. – Но где мистер Винтер и его отряд?

– В безопасности, в Милфордской гавани. К нему также нужно послать гонца.

– Я поеду, – сказал Эмиас. – Но Карри прав. Сэр Ричард должен знать все первым.

– И мы должны захватить этих иезуитов.

– Что? Мистера Эванса и мистера Моргана? Они находятся в доме моего дяди. Подумайте о чести нашей семьи.

– Посудите сами, дорогой мальчик, – ласково сказал старый Карри, – разве не будет сущей изменой позволить этим лисицам бежать, когда в наших руках такое неопровержимое доказательство против них?

– Тогда я сам поеду.

– Почему нет? Вы сможете все уладить, а Билл поедет с вами. Кликни грума, Билл. Пусть оседлают твою лошадь и моего серого йоркширца. Он веселее повезет этого великана, чем маленький пони, верхом на котором изволил приехать (как я слышал) мистер Лэй сегодня утром. Что касается Фрэнка – за ним присмотрят дамы: они сделают это достаточно хорошо и будут очень рады залучить в свою клетку на одну-две недели такую чудесную птицу.

– А моя мать?

– Мы пошлем к ней завтра на рассвете.

– Ну, прощальный кубок перед отъездом! Теперь сапоги, мечи, плащи и прощайте!

Подвижной старик стал торопить молодых людей выйти и вскочить на лошадей, пока светит ясная зимняя луна.

– Вы должны ехать рысью, не то луна зайдет прежде, чем вы выберетесь из болот.

Итак, они отправились. Много миль они ехали молча. Эмиас потому, что его мозг был занят одной упорной мыслью: как спасти честь своего дома, а Билл потому, что колебался между Ирландией, и войной, и Розой Солтерн, и любовью. Наконец он внезапно сказал:

– Я поеду, Эмиас.

– Куда?

– С тобой в Ирландию, старина. Я наконец бросил якорь.

– Какой якорь, мой загадочный друг?

– Смотри, вот я – большое и храброе судно.

– Скромно, даже если неверно.

– Склонность, как якорь, крепко держит меня.
– В тине?
– Нет, на ложе из роз, не лишенном шипов.
– Ого! Я видел устриц на плодовых деревьях, но никогда не видел якоря в розовом саду.
– Молчи, а то моя аллегория разобьется.
– О скалу моего бессердечия.
– Пф! Ладно. Появляется долг, как живительный ветер, изо всех сил дующий с северо-востока, такой же резкий и упорный, и тянет меня к Ирландии. Я держусь за свое розовое ложе – плохая защита в шторм. Наконец все препятствия исчезают, и я отправлюсь вперед на запад! Меняю свое разбойничье гнездо на болотистую нору с Эмиасом Лэем.

– Серьезно, Билл?
– Клянусь моими грехами.
– По рукам, молодой сокол с Белой скалы.
– Хотя я больше привык называть ее «Убежищем влюбленных».
– Да, на берегу мы так зовем ее, но мы всегда говорим «Белая скала», когда смотрим на нее с моря – как мы с тобой станем смотреть, надеюсь, не позже, чем завтра вечером.

– Почему так скоро?
– Разве смеем мы терять день?
– Я полагаю – нет. Итак, вперед!

И они снова поехали молча. Эмиас был доволен (невзирая на свое недавнее отречение), что по крайней мере один из его соперников снимет на несколько месяцев осаду с сердца Розы.

Когда они проезжали над Кэредоном, Эмиас внезапно остановился.

– Ты не слышишь лошадиного топота с левой стороны?
– С левой – со стороны Вельсфордских болот? Немыслимо в этот час. Это, должно быть, олень или дикий кабан, возможно, просто старая корова.
– Это был звон железа, друг. Остановимся и подождем.

И молодые люди стали внимательно всматриваться в лежащее слева пространство болот и вереска, блестящее при лунном свете, как сплошная полоса холодного серебра, покрытого унылой осенней росой.

– Если кто-либо из сообщников Евстафия пробирается домой из Фрешуотера, он, желая сберечь парочку миль, мог проехать через Вельсфорд, вместо того, чтобы ехать, как мы по большой дороге, – сказал Эмиас, который был хитер, как лисица во всех вопросах тактики и страсти. – Если кто-нибудь из них сошел с ума, он мог попытаться это сделать и завязнуть. Там есть болота в двадцать футов глубины. Черт бы побрал этого молодца! Кто бы он ни был, он перехитрил нас! Смотри.

Он был прав. Незвестный всадник, по-видимому, слез с лошади внизу и повел ее вверх по другой стороне длинного рва, заросшего вереском; затем, дойдя до места, где ров сворачивает в сторону с намеченного им пути, он появился на фоне неба, собираясь вывести свою лошадку из дыры.

– Летим, как ветер!

И оба – Билл и Эмиас – помчались галопом через терн и вереск. Незвестный успел вскочить на лошадь, когда оставалось еще около ста ярдов расстояния, и далеко обогнал их.

– Вот чертов сын! – воскликнул Карри.
– Только чертов слуга. Мы никогда не поймем его.
– Я все-таки попытаюсь, а ты можешь тащиться сзади, старый тяжеловоз!

И Карри сильнее погнал коня.

Эмиас минут на десять потерял Билла из виду, а затем увидел, что тот стоит около лошади и безутешно ощупывает ее колени.

– Поищи мою голову – она валяется где-нибудь среди вереска. Ох, я бесполезен, как старая баба.

– Колени сломаны?

– Я не решился посмотреть. Думаю, что нет. Поезжай вперед и сделай все, что возможно в этом скверном деле. Парень уехал на милю вперед вправо.

– Тогда он направляется в Мурвинстоу; но где же мой кузен?

– Позади нас, смею сказать. Мы сцапаем по крайней мере его.

– Карри, обещай мне, что если мы это сделаем, ты скроешься из виду и предоставишь мне расправиться с ним.

– Мой мальчик, мне нужны только Эванс Морган и Морган Эванс. Твой кузен – только руки, а мы гонимся за головой.

Итак, они проехали еще шесть мрачных миль по все опускающейся местности.

– Теперь как? Прямо в Чепл – заткнуть лисью нору или через королевский парк в Стоу спустить собак сэра Ричарда и явиться с шумом и приказом об аресте в должной форме.

– Повидаемся сначала с сэром Ричардом, и, что бы он ни решил относительно моего дяди, я подчиняюсь.

Они поехали через королевский парк. Близ Стоу проехали мимо мельницы и группы закрытых цветами коттеджей. В окне одного из них еще горел огонь. Оба молодых человека хорошо знали, чье это окно, у обоих сердца быстро забились. В этой комнате спала или, вернее, еще не спала Роза Солтерн.

– Поздно не спят сегодня в Комве, – произнес Эмиас так беззаботно, как только мог. Карри внимательно посмотрел в окно, а затем довольно едко на Эмиаса, но Эмиас с деловым видом приводил в порядок свои стремяна. И Карри поехал дальше, не зная, что каждая жилка в теле его товарища трепещет, как в его собственном.

– Сыро и мрачно здесь внизу, – сказал Эмиас, в самом деле почти изнемогший от внутренней борьбы.

– Через пять минут мы будем у ворот Стоу, – ответил Карри, оглядываясь назад, пока его лошадь взбиралась на противоположный холм, но коттедж скрылся за поворотом извилистой дороги. Следующая их мысль была о том, как попасть в Стоу в три часа утра и не быть съеденными сторожевыми псами, уже начавшими рычать и лаять, заслышав шум лошадиных копыт.

Как бы там ни было, после долгого стука и зова они благополучно попали в дом через задние ворота в высокой западной стене. Сэр Ричард в длинном ночном одеянии скоро спустился в зал. Письмо было прочитано, история рассказана. Но прежде чем она была наполовину окончена, он сказал:

– Антоний, позови грума. Пусть он приготовит мне лошадь. Джентльмены, если вы извините меня, то через пять минут я буду к вашим услугам.

Через полчаса они вновь спустились, пересекли равнину и очутились под малочисленными низкими сплюснутыми морским ветром ясенями, стоящими вокруг одиноких ворот Чепла.

– Карри, там позади есть тропинка, ведущая через дюны к Марсленду. Ступайте охранять ее.

Карри уехал, а сэр Ричард громко постучал в ворота.

– Лэй, вы видите, я принял во внимание вашу честь и честь вашего бедного дяди – мы входим сюда одни. Чего еще вы хотите от меня, как внимательнее могу я отнестись к вашей чести?

– О, сэр! – воскликнул Эмиас со слезами на глазах. – Вы выказали себя еще раз тем, чем всегда были – моим дорогим и любимым руководителем, не уступающим даже моему адмиралу, сэру Фрэнсису Дрейку.

– Что же мы будем делать?

– Мой несчастный кузен, сэра, еще не мог вернуться – и я хотел бы ждать его на большой дороге, если только я не нужен вам.

– Ричард Гренвайль может войти один, юноша. Но что вы хотите сделать со своим кузеном?

– Заставить его навсегда покинуть страну или, если он откажется, тотчас проткнуть его насквозь.

– Идите, юноша!

В то время как он говорил, заспанный голос из-за ворот спросил:

– Кто здесь?

– Ричард Гренвайль. Именем королевы, откройте!

– Сэр Ричард? Он в своей постели, черт вас подери. Честные люди не приходят в такое время.

– Эмиас! – крикнул Ричард.

Эмиас вернулся.

– Откройте мне эти ворота, я подержу вашу лошадь.

Эмиас слез с коня, поднял с дороги камень такой, какие герои Гомера имели обыкновение швырять друг другу в головы, и в одно мгновение дверь оказалась на земле, а стоявший сзади слуга – под ней. Сэр Ричард спокойно переступил через нее и велел малому встать и взять его лошадь, а затем направился прямо к главному входу. Он был открыт. Слуги были на ногах и выстроились вдоль всего пути. По-видимому, шум разбудил их. Сэр Ричард тем не менее постучал в открытую дверь. К его удивлению, на стук ответил сам старый Лэй, вполне одетый, со свечой в руках.

– Сэр Ричард Гренвайль! Разве это по-соседски, не говоря о вежливости, врваться в мой дом глубокой ночью?

– Я разбил вашу наружную дверь, сэра, потому, что меня отказались впустить, когда я попросил именем королевы. Я постучал в вашу внутреннюю дверь, как должен был бы постучать в дверь беднейшего коттеджа в приходе, так как нашел ее открытой. Здесь у вас находятся два иезуита! А вот королевский приказ о задержании их. Я подписал его собственной рукой и, больше того, теперь предъявляю его собственной рукой, дабы спасти вас от скандала, а может быть, и отчего-либо худшего. Я должен получить этих людей, мистер Лэй.

– Мой дорогой сэра Ричард!

– Я должен получить их, или я буду вынужден обыскать дом; вы не захотите подвергнуть ни себя, ни меня столь позорной необходимости?

– Мой дорогой сэра Ричард!

– Должен ли я в таком случае просить вас отойти от собственных дверей, мой дорогой сэра? – спросил Гренвайль, а затем, меняя свой голос на тот ужасающий львиный рык, которым он был знаменит, загрохотал:

– Слуги, прочь, назад!

Это было сказано полудюжине хорошо вооруженных грумов и лакеев, столпившихся в проходе.

– Что? Сабли наголо, заячьи уши?

В одно мгновение сэра Ричард также выхватил свой длинный меч и, тихонько, как ребенка, отодвинув в сторону старого Лэя, двинулся к вооруженным людям, которые тотчас расступились в обе стороны. Они были отважными молодцами в открытом бою, но не испытывали желания быть повешенными в ряд в Лаунчестонском замке, после того как их насквозь проткнет этот страшный адмирал – самый «немирный» из всех «мировых» судей.

– А теперь, мой дорогой мистер Лэй, – заговорил сэра Ричард кротко, как всегда, – где нужные мне люди? Ночь холодна, и вам, как и мне, пора в постель.

– Сэр Ричард, иезуиты не здесь, конечно.

– Не здесь, сэр?

– Даю слово джентльмена – они оставили мой дом час тому назад. Поверьте мне, сэр, я поклянусь вам, если нужно.

– Я верю слову мистера Лэя из Чепла без всяких клятв. Куда они направились?

– Но, сэр, откуда мне знать? Они, могу сказать, удрали, сэр, исчезли.

– При вашей помощи. По крайней мере при помощи вашего сына. Куда они поехали?

– Жизнью клянусь, я не знаю.

– Мистер Лэй, возможно ли это? Решитесь ли вы присоединить ложь к той измене, от наказания за которую я стараюсь вас избавить?

Несчастный мистер Лэй разрыдался.

– О боже мой, боже мой! О! Неужто дошло до этого? Вдобавок ко всему страху и беспокойству от пребывания этих черных негодяев в моем доме, когда я должен был каждую минуту затыкать их подлые рты, дрожа, что они доведут до виселицы и себя и меня, меня называют изменником и лжецом – в мои годы! Лучше бы мне не родиться на свет!

Бедный старик упал в кресло и закрыл лицо руками. Затем он опять встал.

– Простите меня, сэр Ричард, я сел, оставив вас стоять. Горе сделало меня чурбаном. Садитесь, мой дорогой сэр, уважаемый сэр! Или лучше пойдете со мной ко мне в комнату и выслушайте мою злополучную историю. Клянусь вам, что иезуиты бежали, а мой бедный мальчик Евстафий все еще не вернулся. Грум рассказал мне, что этот дьявол – его кузен – сломал ему челюсть. Его мать почти обезумела за этот час. Горе нам! Горе!

– Ваш сын чуть не убил своего кузена, сэр, – сурово сказал Ричард.

– Как? Об этом грум не говорил мне.

– Ваш сын, прежде чем Эмиас опрокинул его, три раза ударил кинжалом своего кузена Фрэнка. И ради чего взял Евстафий на себя роль злодея и убийцы? Только, чтобы доставить в ваш дом это письмо, которое я прочту вам, как только отдам распоряжение насчет ваших патеров.

Выйдя из дому, сэр Ричард обошел вокруг и подозвал к себе Карри.

– Птички улетели, Билл, – прошептал он. – У нас один только шанс поймать их – у устья Марсленда. Если они стараются достать там лодку, вы еще можете поспеть вовремя. Если они ушли внутрь страны, мы ничего не можем сделать до завтра, пока не подыдем шума.

И Билл галопом помчался через дюны к Марсленду, а Ричард Гренвайль вернулся в дом и по всем правилам этикета объявил, что готов и счастлив иметь честь быть принятым в собственной комнате мистера Лэя.

Глава VI

Четверка с далекого Запада

Лишь одно устье на берегу было доступно для лодок благодаря длинной каменной плотине, защищающей его от океанских волн, – устье Марсленда, где жила «белая колдунья» Люси Пассимор. Сюда, как правильно решил сэр Ричард, и направились иезуиты. Но еще до прибытия иезуитов два человека стояли на этом одиноком берегу, освещенные светлой октябрьской луной – Розы Солтерн и сама «белая колдунья». Лихорадочно волнуемая любопытством и суеверием, прельщенная сумасбродством затеи, Розы точно явилась в назначенное время и за несколько минут до полуночи стояла со своей советницей на покрытом серыми валунами берегу.

– Вы будете в полной безопасности, мисс. Мой старик храпит вовсю в своей постели, и ни одна живая душа не бывает здесь по ночам, за исключением сирен. Батюшки, да где же наша лодка? Она должна была быть здесь на камнях!

Розы указала на песчаную полосу, шагов на сорок ближе к морю, где лежала лодка.

– Отколочу же я его за это, когда вернусь. Надеюсь, он хоть закрепил ее как следует. Этот старик приносит мне больше бед, чем когда-нибудь принесут мои деньги! Ох, горюшко мое!

Хозяйка озабоченно стала спускаться к лодке, Розы за ней.

– Так, это достаточно крепко... И весла на месте. Вот тебе на! Ох, ленивый мошенник – оставить здесь лодку, чтоб ее украли! Я сяду в лодку, дорогая, и буду караулить, пока вы спуститесь к морю. Ну, торопитесь, уже почти полночь.

И она забралась в лодку, а Розы нерешительно прошла по песчаной полосе еще шагов двадцать; затем, сбросив платье, трепещущая и дрожащая постояла минутку, прежде чем войти в воду. Она находилась между двумя стенами скал: левая, футов в двадцать вышиной, была окутана глубоким мраком; правая, гораздо более низкая, поглощала весь свет полуночной луны.

Ветер совсем прекратился. Ни одна волна не нарушала совершенного покоя маленького залива. Над всем царил настоящая осенняя тишина, которую можно слышать. Розы стояла в страхе и прислушивалась, стараясь уловить хоть один звук.

С утеса послышался как будто плач обиженного ребенка, ему ответил другой с противоположной скалы. Это кулики и выдра скликали свое потомство.

Розы могла слышать биение собственного сердца, когда наконец с зеркалом в руках вступила в холодную воду, прошла вперед, сколько осмелилась, и испуганно остановилась. Кольцо пламени окружало ее талию. Все тело купалось в дрожащем свете. Она ясно видела каждого моллюска, ползающего у ее ног по белому песку.

Девушка повернулась и хотела бежать, но она зашла слишком далеко, чтобы отступить. Три раза поспешно погрузив голову в воду, она выбежала на берег и, глядя сквозь свои мокрые кудри в волшебное зеркало, произнесла заклинание.

Едва заклинание было закончено и глаза Розы напряженно впились в зеркало, где, как и следовало ожидать, ничего не появилось, кроме сверкающих капель с ее собственных кос, как она услышала внизу у камней шум торопливых шагов, людских и лошадиных. Она бросилась в пещеру в высокой скале и поспешно оделась. Шаги остановились справа от лодки. Выглянув, полумертвая от страха, она увидела четырех людей. Двое из них только что сошли с лошадей и, отпустив их на произвол судьбы, стали помогать двум другим спускаться лодку.

Внезапно оттуда выросла тучная фигура Люси Пассимор и пронзительно завизжала:

– Эй, подлецы, негодяи, зачем вам понадобилось воровать по ночам лодки у бедных людей?

Все четверо в ужасе отпрянули, а один бросился бежать по берегу, крича во весь голос:

– Там сирена, сирена уснула в лодке Вилли Пассимора.

– Я бы желал, чтобы привалило такое счастье, – услышала Рози голос Вилли. – Это моя жена, вот беда!

И бедняга присел на корточки в ожидании жестокого тумака.

Он его получил тотчас же, как только Люси Пассимор вылезла из своего убежища и, запретив кому бы то ни было дотрагиваться до лодки, громовым голосом приказала мужу идти спать.

Хитрая женщина ухватила за эту возможность отсрочки главным образом, чтобы выиграть время для Рози. Но у нее были и более веские причины обострить борьбу до последней возможности. Она, как и Рози, уже узнала в неуклюжей фигуре одного из четырех того самого подозрительного уэльского джентльмена, призвание которого она давно разгадала. Люси пришла в ужас от связи своего мужа с этими «папистскими трусами» (как она назвала всех четырех прямо в лицо). Разве только за хорошее вознаграждение?!

Напрасно Парсон шумел, Кампиан уговаривал, грум мистера Лэя чертыхался, а ее муж танцевал вокруг, трясясь от страха, смешанного с корыстью.

– Нет, – кричала она, – я честная женщина! Так вот почему ты оставил лодку внизу! Ты – старый изменник. Нет разве? Ты хочешь помочь этим зловредным иностранцам вырваться из королевских рук. Эй! Назад, трусы! Не собираетесь ли вы ударить женщину? – Последняя фраза (как обычно) была лучшим признаком ее собственного намерения ударить мужчину. Вытащив одно весло, она стала яростно размахивать им и наконец так треснула Парсона по ноге, что тот отступил со стоном.

– Люси, Люси, – кричал ее муж пронзительным девонским фальцетом, – спятила ты? Спятила баба. Они мне обещали два золотых за то, что я одолжил им лодку.

– Два? – вскричала его супруга с жесточайшим презрением. – И ты смеешь называть себя мужчиной?

– Два золотых, два золотых! – повторял он, ковыляя вокруг на таком расстоянии, чтобы весло не могло его достать.

– Два? И ты продал свою душу меньше чем за десять?

– Ох, если в этом дело, – закричал бедный Кампиан, – дайте ей десять, дайте ей десять, брат Парс... Морган, хотел я сказать, и берегите ноги. Вот цербер!³⁶ Вот мужеподобная женщина!

– Вот тебе за твоего цербера – не позорь бедную женщину!

И в одно мгновение у бедного Кампиана подкосились ноги, а бой-баба кричала:

– Десять золотых, или я вас продержу здесь до утра!

Десять золотых были ей вручены.

Теперь, когда дракон, стороживший лодку, был умиротворен, лодку потащили к морю. Рози, спрятавшись в самом дальнем и темном углу своей пещеры, среди мокрой травы и шершавых раковин, затаила дыхание при приближении неизвестных.

Они прошли мимо, и киль лодки уж был в воде. Люси следовала за ними по своим собственным соображениям. Заметив у самой воды темную пещеру, она догадалась, что Рози там, и, втиснув свою объемистую персону в самое отверстие, стояла и ворчала на мужа, на двух иностранцев и больше всего на грума мистера Лэя.

Но ночные приключения еще не кончились. В то самое мгновение, когда лодка была спущена в воду, над берегом послышался слабый крик. Спустя минуту какой-то всадник проскакал вниз через камни и песок и, подняв лошадь на дыбы около перепуганных беглецов, скорее свалился, чем соскочил с седла. Слуга весь подобрался и бросился на вновь прибывшего, затем отпрянул.

---

³⁶ В греческой мифологии трехглавый пес, сторожащий вход в подземное царство и во дворец его повелителя.

– Ах, это мистер Евстафий! О, дорогой сэра, я принял вас за одного из людей сэра Ричарда! О, вы ранены!

– Царапина, царапина, – почти простонал Евстафий. – Помогите мне влезть в лодку, Джек. Джентльмены, я должен бежать с вами.

– Не с нами, конечно, мой дорогой сын – вечными странниками по лицу земли? – возразил добросердечный Кампиан.

– С вами и навсегда. Здесь все кончено. Куда поведут бой и случай...

И Евстафий, шатаясь, пошел к лодке.

Когда он проходил мимо Розы, она увидела его окровавленное лицо, искаженное злобой, стыдом и отчаянием.

– Кто вас ранил? – спросил Кампиан.

– Мой кузен Эмиас... и взял письмо!

– Так пусть его черт возьмет! – закричал Парсон, в бешенстве топая ногами.

– На борт или мы все пропали. Вильям Карри догоняет меня!

При этой вести лодку столкнули в воду и как раз вовремя. Только она обогнула утес и скрылась из виду, как наверху послышался шум лошадиных копыт.

– Эта Лэева подлюга получит теперь... Папистская дрянь! – громко сказала Люси. – Посидите здесь тихонько, жизнь моя, и успокойтесь. Вы здесь в безопасности, как кролик в норе. Я должна взглянуть, что там делается, хоть умереть!.. – С этими словами Люси протиснулась через расщелину на более высокий выступ, откуда можно было видеть, что происходит в долине. – Вот он! На лугу, старается поймать лошадей! Вот едет мистер Карри! Батюшки, как скачет-то! Он уже на валу! Торопись, Джек! Торопись! Батюшки, мистер Карри схватил его! Упал! Упал!

– Он умер? – с дрожью спросила Розы.

– Притворяется мертвым, как гнида! Мистер Карри слез и стоит над ним! Вот он встал. Что это делает мистер Карри? Говорит ему что-то. Ох-хо-хо!

– Он убил его? – воскликнула бедная Розы.

– Нет, нет! Бросил, бросил его словно мяч. Батюшки! Он его, должно быть, бросил прямо в реку. А теперь взял его лошадь и уезжает. – С этими словами Люси спустилась вниз. – Теперь, жизнь моя, пойдите домой немножко согреться. Вам, должно быть, до смерти холодно. Я и сама прямо измучилась. Я здорово испугалась за вас; но умно я их задержала, правда ведь? Бедный мистер Лэй, грустная ночь для его бедной матери!

– Люси, я не могу забыть его лица. Я уверена, он сглазил меня.

– Ну, кто слышал что-нибудь подобное? Когда молодой человек хочет сглазить молодую даму, это совсем иначе делается – уж я-то знаю. Не думайте об этом.

– Довольно, – сказала Розы. – Пойдем мы все-таки домой? Где этот слуга?

– Неважно, если он и увидит нас под холмом. Хотела б я лучше знать, где мой старик? Такое у меня предчувствие внутри! Вот как всегда перед несчастьем – словно, мисс, не увижу я его никогда больше. Ладно, послушный был все-таки старик.

Следующее утро, как и следовало ожидать, застало Розы в лихорадке от пережитого возбуждения, страха и холода. Ей понадобился весь ее женский такт и самообладание, чтобы не выдать своими восклицаниями случившегося в эту фантастическую ночь.

Как бы там ни было, проболев две недели, Розы выздоровела и вернулась в Байдфорд.

Но еще до ее прибытия Эмиас был далеко в море по дороге в Милфордскую гавань.

Глава VII

Подлинная и трагическая история мистера Джона Оксенхэма из Плимута

Около одиннадцати часов утра сэр Ричард и Эмиас прогуливались взад и вперед по расположенному террасами саду. Эмиас проспал до завтрака, т. е. проснулся лишь час тому назад; но сэр Ричард, несмотря на волнения предшествующей ночи, встал и вышел в поле в шесть часов утра, чтобы развлечься самому и развлечь охотой двух прекрасных терьеров.

Дом был с трех сторон окружен обрывистыми холмами, и из сада, где гуляли сэр Ричард и Эмиас, открывался настоящий английский вид. Одним взглядом можно было охватить голубую полосу океана на западе, с пятнами проходящих парусов, расстилающиеся далеко внизу ряды пышно разросшихся парков, пожелтевшие осенние леса и пурпурные, заросшие вереском болота.

На террасе перед домом среди шумно играющих болонок и златоволосых детей сидела сама леди Гренвайль и смотрела на детей и на мужа.

А Ричард и Эмиас все ходили взад и вперед, тихо и серьезно беседуя. Оба знали, что наступил поворотный пункт в жизни юноши.

– Да, – сказал сэр Ричард, после того как Эмиас просто и прямо, как всегда, рассказал ему всю историю о Розе Солтерн и о своем брате, – да, милый мальчик, ты избрал лучшую долю, ты и твой брат также, и это не отнимется у вас. Будь только крепок, мальчик, и ты станешь человеком.

– Надеюсь, – ответил Эмиас.

А затем внезапно переменял тему:

– И я могу завтра отправиться в Ирландию?

– Вы пойдете на «Мэри» в Милфордскую гавань с письмом к Винтеру. Если ветер будет благоприятствовать, вы можете приказать капитану спуститься вниз по реке сегодня же ночью и быть наготове. Мы не должны терять времени.

И оба направились к дому. Первый, кого они встретили, был старый слуга, искавший сэра Ричарда.

– Там у дверей какой-то упрямый грубиян, откуда-то издалека, заявляет, что ему необходимо поговорить с вами.

– Упрямый грубиян? Лучше ему не говорить со мной, если он не хочет попасть в тюрьму или на виселицу.

– Я думаю, – ответил слуга, – он именно этого и хочет, так как клянется, что не уйдет, не повидав вас.

– Увидит меня? Клянусь, он увидит меня и здесь, и в Лаунчестоне, если ему так хочется. Впусти его.

– Но, хозяин, я боюсь измены; этот парень размалеван с головы до ног языческими рисунками и весь коричневый, как лесной орех. Высокий парень, сильный парень, сэр, и к тому же иностранец; и у него в руках большая палка. Я думаю, он не то иезуит, не то дикий ирландец. И конечно, конюхи не решились дотронуться до него и собаки тоже. Те, кто видел, как он подымался по холму, клянутся, что у него шел огонь изо рта.

– Огонь изо рта? – повторил сэр Ричард. – Они пьяны.

– Размалеван с головы до ног? Это, должно быть, матрос, – сказал Эмиас, – позвольте мне пойти и посмотреть на этого молодца.

– Иди, мальчик, а я закончу свои письма.

Эмиас вышел. У задней двери, опершись на палку, стоял высокий, тощий, оборванный малый, «размалеванный с головы до ног», как сказал слуга.

– Здорово, молодец! – приветствовал его Эмиас. – Прежде чем мы начнем разговаривать, будь добр сбросить твой плимутский плащ, – и он указал на дубину – такое прозвище она носила среди моряков запада.

– Ручаюсь, – сказал старый слуга, – что там же, где он ее нашел, он нашел неподалеку и суму.

– Но не нашел ни штанов, ни фуфайки. Так что чудодейственная сила его посоха ему немного помогла. Но положи палку, молодец, и говори, что тебе нужно.

– Я ничего не хочу, никакой помощи, я только прошу дать мне поговорить с сэром Ричардом, и я пойду своей дорогой.

Было что-то в голосе и манерах человека, что привлекло Эмиаса. И уже гораздо более ласково Эмиас спросил, куда он идет и откуда пришел.

– Из порта Падстоу иду в город Кловелли повидать мою старую мать, если она еще жива.

– Ты из Кловелли? Почему ты раньше не сказал, что ты из Кловелли? – спросили все конюхи сразу. Для них человек с запада был братом.

Старый слуга спросил:

– Так как же зовут твою мать?

– Сюзанна Иео.

– Что жила под мостом? – спросил конюх.

– Жила? – переспросил человек.

– Да, конечно. Этой зимой будет два года, как она умерла.

Человек простоял совершенно спокойно и неподвижно одну или две минуты, а затем тихо сказал самому себе по-испански:

– Все, что случается, к лучшему.

– Вы говорите по-испански? – спросил Эмиас, все более и более заинтересованный.

– Мне это было необходимо. Я пробыл пять лет на Испанском море и только два дня тому назад ступил на этот берег. Если вы дадите мне возможность поговорить с сэром Ричардом, я расскажу ему такое, от чего у него в ушах зазвенит. Если нет, я могу уйти к мистеру Карри из Кловелли, если он еще жив, и там облегчить свою душу. Но я предпочел бы говорить с моряком, как я сам.

– И ты будешь с ним говорить, – заявил Эмиас. – Дворецкий, мы впустим этого человека. – И он ввел незнакомца в дом.

– Надеюсь, что он не из этих папистских убийц, – стараясь держаться на безопасном расстоянии, сказал старый слуга после того, как все вошли в зал.

– Папистских, старик? Этого ты не очень-то бойся. Смотри! – И, отбросив свои лохмотья, бродяга показал ужасный шрам, который шел вокруг кисти его руки и дальше вверх до самого плеча. – Я получил это на пытке, – спокойно сказал он, – в Лиме у отцов инквизиторов³⁷.

– Почему же ты, – с раскаянием воскликнул слуга, – не сказал нам этого раньше?

– Потому что я не собираюсь сделаться нищим и выставлять свой шрам напоказ.

– Ты славный малый, – сказал Эмиас, – иди вперед, прямо в комнату сэра Ричарда.

И они вошли в библиотеку, где сидел сэр Ричард.

– Эге, Эмиас, разве вы уже укротили дикаря?

Но, прежде чем Эмиас успел ответить, человек внимательно посмотрел на него.

– Эмиас, – повторил он, – это ваше имя, сэр?

– Эмиас Лэй – мое имя, к твоим услугам, добрый малый.

– Из Бэрруфа, под Байдфордом?

---

³⁷ Инквизиция – учрежденное в 1183 г. духовное судилище для борьбы с ересью и расколами в католицизме.

– Вот так штука! Что ты знаешь обо мне?

– О, сэр, сэр! Молодые и счастливые головы быстро забывают, но старые и несчастные помнят долго. Помните ли вы, сэр, человека, который был вместе с мистером Оксенхэмом? Он подарил вам рог-игрушку с нарисованной на ней картой.

– Черт возьми! – закричал Эмиас, хватая его за руку. – Так это вы? Рог? Да он до сих пор у меня, я сохранию его до моей смерти. Но где же мистер Оксенхэм?

– Да, молодец, где мистер Оксенхэм? – спросил сэр Ричард, вставая. – Вы несколько поторопились, Эмиас, приветствовать своего старого знакомого, прежде чем услышали, может ли он дать честный отчет о себе и о своем капитане. Есть много разных способов, благодаря которым матросы возвращаются без своих капитанов.

– Сэр Ричард Гренвайль, если бы я был виновен в чем-либо перед своим капитаном, я не пришел бы сегодня к вам. Если вам будет угодно выслушать меня, вы все узнаете.

– Ты хорошо говоришь. Увидим. Но прежде всего, кто ты и откуда?

– Меня зовут Сальвейшин Иео, родился я в двадцать шестом году на Кловелли-стрит, где мой отец занимался ремеслом цирюльника и был проповедником среди людей, называемых с тех пор анабаптистами³⁸.

– Ну, ладно, начинай свой рассказ.

И Иео приступил к рассказу:

– Итак, как известно мистеру Лэю, я уехал с мистером Оксенхэмом в семьдесят втором году в Номбре-де-Диос. Что мы там делали и что мы там видели, я полагаю, ваша милость знает не хуже меня. И там состоялось, как вы, может быть, слышали, соглашение между мистером Оксенхэмом и мистером Дрейком вместе плыть в Южные моря.

Это происходило при мне. Вдали расстилался океан. Мистер Дрейк спустился к воде, а когда мы с Оксенхэмом присоединились к нему, Дрейк сказал: «Джон, я поклялся перед Богом, что совершу плавание по этим водам, если буду жив». И мистер Оксенхэм ответил: «Я с вами, Дрейк, на жизнь и на смерть. Я полагаю, я там кое-кого уж знаю, так что мы будем не совсем среди чужих» – и расхохотался. Это путешествие, как вы знаете, не состоялось, потому что капитан Дрейк отправился воевать в Ирландию. Тогда мистер Оксенхэм решил ехать один, и я, который любил его, как брата, помог ему набрать экипаж и поехал с ним в качестве канонира. Это было в семьдесят пятом году, как вы знаете. У него был корабль в сто сорок тонн и семьдесят человек из Плимута, из Бови и из Дармута – многие из них бывшие спутники Дрейка. И еще тринадцать человек я убедил присоединиться к нам в Байдфорде, не считая моего старого товарища Вильяма Пенберти из Мэрристана. А что, если мне зададут вопрос: «Сальвейшин Иео, где те четырнадцать, которых ты толкнул на смерть, воздействуя на их корыстолюбие и алчность к золоту?» По правде сказать, в этом грехе не я один повинен. С самого отплытия Оксенхэм все время громко шутил, что он всех осчастливит и привезет в такие райские места, откуда они не пожелают возвращаться. А я – не знаю почему – из каждой его хвастливой выдумки готов был сделать две, лишь бы поддержать мужество в наших людях. И я в самом деле убедил себя, что мы все найдем сокровища, и Оксенхэм, наверно, укажет нам, как покорить какой-нибудь золотой город или открыть какой-нибудь остров весь из драгоценных камней.

Наконец мы прибыли к берегам Новой Испании³⁹, близ старого места – Номбре-де-Диос. Мистер Оксенхэм вышел на берег и вместе с командой своей лодки углубился в лес, чтобы разыскать негров, которые помогли нам три года тому назад. То были симаруны, господа, негритянские рабы, удравшие от своих испанских хозяев, воплощенных дьяволов. Через три дня капитан вернулся с очень хмурым лицом и сказал: «Наша проделка второй раз не удастся.

---

³⁸ Анабаптисты – возникшее в начале XVI в. в Германии и перекинувшееся в Голландию и Англию протестантское учение.

³⁹ Тогдашнее (с 1540 г.) название Мексики и смежных территорий.

Вряд ли нам удастся перехватить караван с золотом. Симаруны заявляют, что со времени нашего последнего визита караваны не трогаются с места без достаточного количества солдат, по меньшей мере, двухсот ружей. Поэтому, – добавил он, – мои храбрецы, нам предстоит либо вернуться с пустыми руками отсюда, с этого рынка сокровищ всей Индии, либо совершить такое дело, какого никогда еще никто не совершал, – оно мне больше всего нравится именно по этой причине». И когда мы спросили, о чем он говорит, он ответил: «Ну что же, если Дрейк не поплывет в Южные моря, мы это сделаем». И когда все согласились, он показал мне и другим письмо и сказал: «Как оно прибыло – не ваше дело, но я хранил его за пазухой с тех пор, как покинул Плимут, и теперь я говорю вам то, чего не хотел говорить до сих пор: Южные моря были все время моей целью. Это письмо содержит вести о кораблях с драгоценными изделиями и золотом, которые должны в этом же месяце прибыть из Квито⁴⁰ и из Лимы. И все это вместе с жемчугами из Панамского залива и другими несказанными благами станет нашим».

После этого, джентльмены, мы словно с ума сошли от страсти к золоту и весело принялись за чудовищную работу. Прежде всего мы поставили наш корабль на мель в большом лесу, растущем прямо в океане; сняли с него мачты и спрятали его среди деревьев вместе с четырьмя артиллерийскими орудиями. Затем, не оставив никого на корабле, мы направились к Южным морям через Панамский перешеек с двумя малыми артиллерийскими орудиями, с нашими кулевринами и с хорошим запасом провианта, и с нами шесть негров-проводников.

Так мы прошли двенадцать лиг⁴¹ до реки, что течет в Южные моря.

Там, нарубив лесу, мы сделали лодку и в ней пустились вниз по течению к Жемчужному острову в Панамском заливе.

На Жемчужном острове мы нашли много хижин, индейцев, ловащих жемчуг, и красивый дом с портиками. В доме не оказалось испанцев, за исключением одного человека. При виде его Оксенхэм пришел в испуг и бросился на него: «Собака, где твоя госпожа? Где барка из Лимы?» На это тот довольно храбро спросил: «Какое дело англичанину до его госпожи?»

Но мистер Оксенхэм пригрозил, что будет давить ему голову веревкой до тех пор, пока у него глаза не вылезут, и напуганный испанец рассказал, что корабля из Лимы ожидают через две недели.

Десять дней мы спокойно ждали, не разрешая никому покинуть остров. Мы набрали хороший запас жемчуга и прекрасно питались дикими животными и свиньями, пока на десятый день не прибыла маленькая барка. Мы ее захватили и узнали, что она из Квито и везет на борту шестьдесят тысяч золотых песет и другие богатства. Если бы мы удовольствовались этим, все пошло бы хорошо. Некоторые хотели вернуться сразу, им хватало достаточно и жемчуга и денег. Но Оксенхэм пришел в бешенство и поклялся заколоть всякого, кто повторит это предложение. Он уверял нас, что корабль из Лимы, о котором у нас есть известия, гораздо больше и богаче и сделает нас всех принцами. Вторая барка появилась на шестнадцатый день и была захвачена без выстрела и кровопролития.

Взятие этой барки было гибелью для каждого из нас, так как уж нужно все сказать: с этой барки из Лимы Оксенхэм взял молодую даму, лет двадцати двух, двадцати трех, с ней был высокий мальчик лет шестнадцати и маленькая девочка, очаровательное дитя лет шести или семи.

Но вот что было странно: эта дама ничуть не казалась испуганной или огорченной и приказала своей малютке также не бояться нас. Только мальчик имел очень угрюмый вид, и особенно, когда замечал даму и мистера Оксенхэма беседующими в стороне. После этой удачи мы предполагали прямо вернуться к реке, откуда пришли, и как можно скорей отправиться домой, в Англию. Но мистер Оксенхэм убедил нас вернуться на остров и наловить еще немного

---

⁴⁰ Квито (Кито) – порт на Тихоокеанском побережье Южной Америки, ныне столица республики Эквадор.

⁴¹ Лига – мера длины, равная трем географическим милям.

жемчуга. Я думаю, на это безумие, превратившееся в несчастье, его толкнула дама. Когда мы собирались сойти на берег, я, спустившись в каюту пленницы, услышал, как Оксенхэм и она говорили друг другу «жизнь моя», «повелитель мой», «свет моих очей» и другие нежности. Мы сошли на берег, и мистер Оксенхэм удалился с дамой в дом, откуда три дня не выходил. Он оставался бы там и дольше, если бы люди, которые нашли мало жемчуга и устали стеречь и охранять такое количество испанцев и негров, не явились к нему с шумом и не поклялись уйти. Все были недовольны капитаном, а он – всеми. Мы вернулись к устью реки, и там начались наши злоключения. Как только мы вышли на берег, негры потребовали, чтоб Оксенхэм выполнил договор, который он с ними заключил. Оказалось, он условился с симарунами отдать им всех пленников, захваченных нами. И, хотя с отвращением, Оксенхэм готов был отдать испанцев, предполагая, что негры собираются обратить их в рабство. Но в то время, как мы все стояли и разговаривали, один из испанцев, поняв, что им предстоит, бросился на колени перед Оксенхэмом и, крича, как безумный, стал умолять не отдавать его, так как негры, сказал он, никогда не берут испанцев в плен, а жарят их живьем и затем поедают сердце. Мы спросили негров, возможно ли это? Некоторые ответили: «Какое вам дело?» Но другие смело сказали, что это совершенно верно и что месть – лучшая приправа, нет ничего вкуснее испанской крови. А один из них, указав на даму, сказал такую глупую и дьявольскую вещь, что мне стыдно было бы повторить ее, а вам услышать. Мы все были поражены ужасом, а Оксенхэм сказал: «Если бы вы сделали молодцов рабами, это было бы совершенно справедливо, так как вы некогда были их рабами, и я не сомневаюсь, что с вами достаточно жестоко обращались. Но раз дело идет о таком ужасе, я не позволю ни одному из них попасть в ваши гнусные лапы». Началась ссора, но Оксенхэм решительно приказал вернуть пленников на корабль и дал им уехать, взявши с собой только сокровища и даму с маленькой девочкой. Мальчик же уехал на Панаму.

После этого симаруны ушли от нас, поклявшись отомстить, а мы поднялись вверх по реке до того места, где встречаются три ручья; затем дальше вверх по самому меньшему из трех. После приблизительно четырех дней пути, когда ручей совсем измельчал, мы выгнали нашу лодку на песок, и Оксенхэм спросил людей, согласны ли они тащить золото и серебро по горам до Северного моря⁴². Некоторые из них вначале отказались, а я и другие посоветовали оставить изделия и взять только золото. Но Оксенхэм обещал каждому по сто серебряных песет сверх его доли. Это их удовлетворило.

На следующее утро Оксенхэм спросил людей, желают ли они пойти к холмам, разыскать негров и убедить их, несмотря на ссору, помочь нести сокровища. Матросы вскоре согласились, решив, что таким образом избавят себя от лишнего труда. Почти все ушли с Оксенхэмом, оставив нас шестерых сторожить даму и сокровища.

Так он ушел, провожаемый слезами дамы, и отсутствовал семь дней. Все это время мы верно и честно служили даме.

На седьмой день мы шестеро чистили лодку. С нами была малютка, собиравшая цветы, а Виллиам Пенберти удил рыбу на расстоянии приблизительно ста шагов от нас. Вдруг он с криком вскочил и бросился к нам, приказывая схватить девочку и бежать к дому, так как на нас напали испанцы. Это оказалось правдой. Прежде чем мы достигли дома, нам вслед было пущено до сотни пуль. Однако они в нас не попали. Тогда некоторые из врагов, остановившись, прицелились как следует из своих мушкетов и убили одного из плимутских людей.

Остальные добежали до дома и, захватив даму, выбежали вон, сами не зная куда. Испанцы, найдя дом и сокровища, не преследовали нас дальше.

Весь этот день и весь следующий мы странствовали, полные горечи. Дама беспрерывно плакала и самым жалобным образом звала Оксенхэма. Малютка тоже. Наконец мы разыскали

---

⁴² Северное море теперь называется Антильским. Южные моря – Тихий океан, в частности у берегов Южной Америки. То и другие – к северу и югу от Центральной Америки.

след наших товарищей и двинулись по следу – это было лучшее, что мы могли сделать. С наступлением ночи мы встретили всю команду, которая возвращалась обратно, и с ними около двухсот негров с луками и стрелами. Начались радостные крики и объятия. И странно было, господа, смотреть на даму. Перед тем она была в полном отчаянии, а теперь стала настоящей львицей. Она горячо просила Оксенхэма не думать о золоте и идти прямо к Северному морю. При мне она уверяла его, что бедность беспокоит ее не больше, чем беспокоило ее доброе имя, а затем, отойдя немного в сторону от остальных, показала на зеленый лес и сказала по-испански, вероятно, не зная, что я понимаю: «Смотри, вокруг нас рай, разве не можем мы с тобой остаться здесь навсегда, позволив им взять золото или бросить его, как они захотят?»

Но он не поддался этому искушению и, повернувшись к нам, предложил нам половину сокровищ, если мы пойдем с ним обратно и отобьем сокровища у испанцев. Дама опять стала плакать, но я взялся успокоить ее. Я сказал ей, что дело идет о чести мистера Оксенхэма, что в Англии ничто так не презирается, как трусость или нарушение слова, и что ему в семь раз лучше умереть среди испанцев, чем, вернувшись домой, видеть презрение всех тех, кто плавает по морям.

Так, после больших затруднений Оксенхэм и его отряд пошли обратно, а я, Виллиам Пенберти и трое людей из Плимута остались охранять даму, как прежде. Построив шалаши из ветвей, мы прождали пять дней, ничего не зная. На шестой день мы увидели вдали Оксенхэма и с ним пятнадцать или двадцать человек, которые казались ранеными и очень истощенными. Когда мы стали искать остальных, оказалось, что больше никого нет. И здесь Оксенхэм, который, после того как прошел его первый припадок ярости, все время вел себя как искусный командир, приказал нам нарубить деревьев и сделать каноэ, чтобы спуститься к морю. Мы приступили к работе с большим трудом и малым успехом. Нам пришлось подсекать деревья нашими мечами и обжигать их огнем, который мы добывали с большими усилиями. Но лишь только мы обожгли первое дерево и срезали второе, около нас появилась большая партия негров и с самыми дружественными знаками приказала нам бежать ради спасения нашей жизни, так как на нас идут испанцы с большими силами. Мы опять снялись и ушли, с трудом волоча ноги от голода, слабости и палящей жары. Некоторые были схвачены, некоторые убежали с неграми. Что с ними стало, мне неизвестно, но восемь или десять человек остались с капитаном, среди них был я. Целый день мы спускались к морю, но затем, поняв по шуму в лесу, что испанцы напали на наш след, снова повернули внутрь страны и, дойдя до скалы, забрались на нее, подняв даму и малютку на веревках, сплетенных из лиан. Прервав таким образом след, мы надеялись избавиться от неприятеля. Спустившись по откосу с другой стороны, мы снова вступили в лес, где странствовали много дней. Наша обувь истлела. Наша одежда висела на нас клочьями. Нас поражало, как стойко переносит все это дама. Уже много дней она шла босиком, а вместо платья ей пришлось завернуться в плащ мистера Оксенхэма; малютка же шла почти обнаженная. Дама все время спокойно смотрела на Оксенхэма и, казалось, ни о чем не беспокоилась, пока он с ней, утешая и развлекая нас всех шутивными словами. А однажды, сидя под большим фиговым деревом, она убаюкала нас всех нежной песней, хотя, проснувшись около полуночи, я увидел, что она все еще сидит и горько плачет. Она была настоящей женщиной – прекрасной и крепкой.

Наконец не осталось никого, кроме Оксенхэма, дамы и малютки, да Виллиама Пенберти из Мэрристана, моего приятеля. Оксенхэм всегда вел даму, а мы с Пенберти несли малютку. Так мы странствовали, взбираясь на высокие горы, все время в страхе, как бы испанцы не пустили по нашему следу собак. В один прекрасный день мы попали в большой лес, где было много приятной тени, пролады и зелени. Здесь мы опустились на сиденье из мха, как отчаявшиеся и погибающие люди, и каждый из нас долго смотрел на лица остальных.

Наконец Оксенхэм сказал: «Что удерживает нас от того, чтобы умереть по-человечески, бросившись на свой меч?» На это я ответил, что я не смею, так как одна мудрая женщина

предсказала мне, господа, что я умру на море, а здесь нет ни воды, ни битвы, значит, еще не пришло мое время. А Виллиам Пенберти сказал, что он дорого продаст свою жизнь, но никогда не выбросит ее. Дама же воскликнула, что она рада была бы умереть, но *la pauvre garse*, что значит по-французски – бедная девочка, подразумеваемая малютку, – ее жаль.

Тут Оксенхэм стал горько рыдать – слабость, которой я никогда не видел в нем ни прежде, ни потом, и со слезами умолял меня никогда не покидать малютку, что бы ни случилось. Я обещал ему это.

Но тут внезапно в лесу послышался страшный крик, и среди деревьев со всех сторон появились испанские аркебузиры, по меньшей мере сто человек, и с ними негры. Они приказали нам не двигаться с места, иначе будут стрелять.

Виллиам Пенберти вскочил и с криком «измена» бросился на ближайшего негра, проткнул его насквозь, за ним второго, а затем, напав на испанцев, сражался врукопашную до тех пор, пока не упал, пронзенный пиками. Я же, видя, что ничего не поделаешь, сидел спокойно. Так нас всех захватили. Меня и Оксенхэма связали веревками. Но для дамы с ребенком солдаты сделали носилки по приказанию своего командира сеньора Диего де Триза – очень учтливый офицер.

Нас повели вниз, к тому месту, где у реки стоял шалаш из ветвей. Там ввели в лодку, где нас ждали несколько испанцев и среди них один старый болезненного вида человек, седобородый и весь согнутый, в одежде из черного бархата. Звали его дон Франциско Харарте. Как только дама подошла к берегу, этот старик подбежал к ней с мечом в руках и заколол бы ее, если бы кто-то не оттащил его. Тогда он стал оскорблять ее всякими глупыми и злобными словами, пока кто-то, устыдившись, не приказал ему замолчать. А Оксенхэм сказал: «Это достойно вас, дон Франциско, так разглашать по свету свой позор. Разве не назвал я вас собакой много лет тому назад и разве вы не доказываете правдивость моих слов?»

Старик отвернулся весь бледный, а затем опять начал оскорблять даму, крича, что сжег бы ее живой, на что она наконец ответила: «Лучше бы вы сожгли меня живой в день моего замужества и избавили меня от восьми лет горя!» А он: «Горя?.. Послушайте эту ведьму, сеньоры! Разве я ее не баловал, не осыпал драгоценностями и бог весть чем еще? Что ей еще было нужно от меня?» На это она ответила только одним словом: «дурак», но таким страшным, хотя тихим голосом, что все, кто собирался смеяться над старым паяцем, готовы были заплакать над нею. «Дурак, – повторила она спустя немного, – я не хочу тратить слов на тебя, я должна была давно вонзить тебе кинжал в сердце. Но я погнушалась слишком рано освободить тебя от твоей подагры и твоего ревматизма. Самодовольный глупец, знай, что, когда ты купил у моих родителей мое тело, ты не купил моей души! Прощай, любовь моя, жизнь моя! Прощайте все! Будьте милостивее к своим дочерям, чем мои родители были ко мне!» И с этими словами она выхватила кинжал из-за пояса одного из солдат и упала мертвая. При этом Оксенхэм улыбнулся и сказал: «Это достойно нас обоих. Если бы вы развязали мне руки, я был бы счастлив последовать столь прекрасному примеру». Но дон Диего покачал головой и ответил: «Для вас не было бы ничего легче, если бы в моей власти было так поступить! Но, опрашивая ваших матросов, которых я захватил прежде, я не мог не слышать, что у вас есть с собой разрешительные грамоты от королевы Англии или от какого-то другого монарха. Поэтому я принужден спросить вас, так ли это? Это вопрос жизни и смерти». На это Оксенхэм весело ответил, что ему никогда не было известно, что нужно иметь специальное разрешение для оправдания встречи с возлюбленной, а что касается захваченного золота, то если б они не допустили насильственного брака между прекрасным юным маем и этим старым январем, он не притронулся бы к их золоту. Так что это скорее их вина, нежели его. И он не отрывал глаз от тела дамы, пока его не увели вместе со мной. При этом все присутствующие открыто оплакивали трагический конец двух любовников.

А теперь, что дальше случилось со мной, не имеет большого значения, так как я больше не видел капитана Оксенхэма и никогда не увижу его в этой жизни.

– Значит, его повесили?

– Так я слышал на следующий год. И с ним канонира и некоторых других, а некоторые были отданы в рабство испанцам и, может быть, живы до сих пор, если только они не попали, как я, в жестокие лапы инквизиции. Инквизиция теперь требует тела и души всех еретиков во всем свете (я слышал это собственными ушами от одного из инквизиторов, когда начал оправдываться тем, что я не испанский подданный).

– Но как ты попал в лапы инквизиции?

– После того как мы были взяты в плен, нас снова отправили вниз по реке. Старый дон взял малютку с собой в свою лодку (как горько она плакала, отрываясь от нас и от мертвого тела!). Оксенхэм с доном Диего были во второй лодке, а я в третьей. От испанцев я узнал, что мы должны попасть в Лиму, но что старик живет совсем близко на Панаме и немедленно возвращается на Панаму с малюткой. И они сказали: «Для нее было бы лучше остаться здесь, так как старик клянется, что она не его дочь; он может по дороге бросить ее в лесу, если только дон Диего не пристыдит его и не убедит не делать этого».

Услышав это и увидев, что впереди меня ждет только смерть, я стал думать о бегстве. И в первую же ночь я убежал и направился на юг, снова в лес, избегая следов симарунов, пока не пришел в индийский город. И здесь увидел гораздо больше милосердия от язычников, чем когда-либо от христиан. Когда они узнали, что я не испанец, они накормили меня, дали мне дом и жену (и она была мне хорошей женой) и разрисовали меня всего рисунками, как вы видите. Благодаря тому что у меня есть некоторые познания в хирургии и кровопускании и оказался ланцет в кармане, я достиг больших почестей среди них, хотя они научили меня гораздо больше в лечении травами, чем я их в хирургии. Так я счастливо жил среди них. И со временем моя жена принесла мне ребенка. Смотря на его нежное личико, я забыл Оксенхэма и его малютку, и свою клятву, и даже родину. Но однажды ночью, когда все спали в городе, раздался шум. Проснувшись, я увидел вооруженных людей и блестящие при лунном свете мушкеты и услышал, как кто-то громко читает по-испански какую-то дурацкую проповедь о том, как Господь Бог даровал господство над всей землей святому Петру, а святой Петр даровал Индию испанскому королю⁴³. Поэтому, если индейцы хотят все креститься и служить испанцам, они могут получить некоторое количество побоев вместо милостыни или еще что-нибудь, причем больше колотушек, чем грошей; а если нет – на них обрушатся огнем и мечом.

Лишь только эти слова были произнесены, эти негодяи, не ожидая ответа (хотя это не имело никакого значения – ведь индейцы ни слова не поняли), налетели прямо на город со своими мушкетами и стали рыскать с мечами в руках, избивая без разбора всех встречных. Одна из пуль, пройдя сквозь дверь, попала в сердце моей бедной жены, и она умолкла навеки. Я, выхватив у нее из рук ребенка, пытался бежать, но когда увидел, что город полон испанцев и что с ними свора собак, я понял, что все пропало, и снова сел около тела с ребенком на коленях, ожидая конца. Они вытащили меня и всех молодых людей и женщин и сковали нас всех вместе за шею. А один, выхватив из моих рук красивого младенца, потребовал воды и священника (они таскают своих бритых с собой) и, как только ребенок был окрещен, взял его за ножки и раздробил ему череп – джентльмены, джентльмены! – хватив его о землю, как котенка. Так поступили они в эту ночь со многими невинными младенцами, предварительно окрестив их, уверяя, что для них же лучше попасть на небо. Мы пошли, оставив стариков и раненых умирать на свободе. Но на утро, когда они увидели по моей коже, что я не индеец, а по моей речи, что я не испанец, они начали мучить меня, пока я не признался, что я англичанин

---

⁴³ В результате набега Дрейка на испанские колонии в Тихоокеанской части Южной Америки возник дипломатический конфликт, заложивший основы нынешнего международного права.

и один из команды Оксенхэма. Тогда предводитель сказал: «Тебя следует послать в Лиму и повесить рядом с твоим пиратом капитаном». Таким образом, я узнал, что мой бедный капитан погиб. Но горе мне! Священники выступили вперед и потребовали меня в качестве своей добычи, называя меня лютеранином, еретиком и Божьим врагом. Итак, я достался инквизиции в Картахене⁴⁴. Что я там выстрадал, вам было бы также невыносимо слушать, как мне вспоминать. Но так случилось, что после двух пыток, перенеся пытку водой так хорошо, как только возможно, я попал на дыбу, после чего, как видите, остался хромым на одну ногу. Этого я не мог больше вынести и отрекся от своего Бога, в надежде спасти себе жизнь. Я сделал это, но это мне мало помогло. Хотя я обратился в их веру, я должен был получить еще две сотни плетей на площади, а затем пойти на семь лет на каторгу. А там, джентльмены, я часто думал, что лучше бы меня сожгли раз и навсегда. Вы знаете так же хорошо, как и я, какой плавающий ад, исполненный жары и холода, голода и жажды, плетей и труда, представляют собой суда, на которые испанцы ссылают каторжников.

По дороге к Панаме я перебирал в уме всевозможные способы бегства и не нашел подходящего. Я уже начал терять мужество, как неожиданно открылся путь к спасению. Неизвестно, почему мы шли в Номбре через Панаму – прежде этого никогда не случалось. Там нас поместили всех вместе в большой барак, прилегающий к самой набережной, запертый длинным железным брусом, тянущимся во всю длину дома. И в первую же ночь нашего пребывания там я, выглянув из окна, заметил довольно большую, хорошо вооруженную, совершенно готовую к отплытию каравеллу, стоящую вплотную около набережной. И мне пришло в голову, что, если бы попасть на эту каравеллу, мы через пять минут были бы в море. Взглянув на набережную, я увидел, что все охраняющие нас солдаты пьют и играют в карты, а некоторые отправились в кабачок освежиться после путешествия. Это было как раз на закате. Спустя полчаса вошел тюремщик в последний раз взглянуть на нас перед сном. Ключи висели у него на поясе. Когда он проходил мимо меня, я напал на него и, хотя был в цепях, схватил его за голову и несколько раз ударил о стену так, что он умолк навеки. Затем я с помощью его ключей освободил себя и всех, кто находился в моей комнате, и приказал им следовать за мной, угрожая убить всякого, кто меня ослушается. Они последовали за мной, как люди, перешедшие из ночи в день или от смерти к жизни. Таким образом, мы заняли каравеллу и вышли из гавани без всякого шума, не считая нескольких неудачных выстрелов со стороны солдат на набережной. Но мой рассказ слишком затянулся?

– Продолжай хоть до полуночи, приятель!

– Итак, они избрали меня капитаном, а одного генуэзца – лейтенантом, и мы пустились в путь. Я охотно пристал бы к берегу и вернулся на Панаму, чтобы получить вести о моей малютке, но это было бы безумием. Некоторые хотели сделаться пиратами. Но я и генуэзец, который был умным, хоть и скверным человеком, убедили их плыть в Англию и принять участие в войне с Нидерландами. Мы уверили их, что для нас не будет безопасного места на Испанском море, лишь только распространится слух о нашем бегстве. И так как большинство с нами согласилось, мы направились в Англию. По пути мы остановились для пополнения запаса пресной воды на пустынном Барбадосе, а затем поплыли дальше на восток, по направлению к Канарским островам. Что мы претерпели во время этого путешествия от цинги, морской горячки, голода и жажды – никакой язык не сможет описать. Много раз нам приходилось растилать на ночь паруса, чтобы собрать росу и утром высасывать их, а если кому удавалось набрать горшочек дождевой воды из желоба, за ним так ухаживали, как если бы он был верховный губернатор всей Индии. От всех этих страданий из всех ста сорока бедняг сто десять умерли. И в конце концов, когда мы считали себя уже в безопасности, мы потерпели крушение на юго-западе от берегов Британии, близ мыса Рейс. И только девять душ из нас остались

---

⁴⁴ Порт и область на Антильском море в нынешней Республике Колумбия.

в живых и вышли на берег. Затем я попал в Брест, откуда один фламандец доставил меня в Фальмут. Этим кончается мой рассказ.

Голос его, когда он кончил, прервался от слабости. Ричард молча сидел против него, опершись локтями на стол, и, подпирая подбородок кулаками, всматривался в него. В течение нескольких минут никто не произнес ни слова, а затем:

– Эмиас, вы слышали его историю? Верите вы ей?

– Каждому слову.

– Я также. Антоний!

Вошел слуга.

– Проведи этого человека в кладовую. Одень его как следует и накорми как можно лучше.

И прикажи обращаться с ним, как с родным отцом.

Но Иео медлил.

– Смею ли попросить вашу честь об одной милости.

– Обо всем, что возможно, приятель.

– Не можете ли вы помочь мне снова попасть в Индию?

– Снова! Тебе еще мало испанцев?

– Всегда будет мало, – ответил он с горькой улыбкой, – пока моя малютка не будет со мной. Я поклялся Оксенхэму смотреть за ней и не видел ее больше с того дня! Я должен найти ее, сэр, или я с ума сойду. Каждую ночь она приходит ко мне и зовет меня, бедная крошка! И каждое утро, когда я просыпаюсь, я чувствую, словно на мне лежит большая черная туча.

– Сейчас не предвидится никакого похода в Индию; но если ты хочешь бить испанцев, то вот он покажет тебе дорогу. Эмиас, возьмите его с собой в Ирландию. Если он выучил половину полученных им уроков, его служба вам пригодится.

Иео с выражением горячей мольбы посмотрел на молодого великана:

– Хотите вы взять меня, сэр? Есть мало дел, к которым я не мог бы приложить руку. А может быть, когда-нибудь вы опять поедете в Индию и возьмете меня с собой. Я сумею оказать вам хорошую помощь, как канонир или как лоцман. Мне знакомы каждый камень и каждое дерево между Номбре и Панамой и все порты всех морей. Я ручаюсь, что вы не успокоитесь, пока не совершите второго путешествия к золотым берегам. Согласны?

Эмиас рассмеялся и утвердительно кивнул головой. Договор был заключен. Иео ушел есть, а Эмиас, получив свои письма, собрался ехать домой.

– Поезжайте кратчайшим путем через болота, юноша, и пришлите обратно Карри, когда сможете. Вы не должны терять ни часа. Будьте готовы к отплытию, как только подыметя попутный ветер.

Они отправились. Проехали миль десять. Спускался вечер, и ветер с каждой минутой крепчал и становился холоднее. Эмиас, зная, что по дороге нет гостиниц, сделал глоток из бутылки, которую леди Гренвайль сунула в его пистолетную кобуру, а затем предложил Иео также глотнуть. Тот отклонил предложение: у него и пища и питье с собой.

– Пища и питье? Принимайся за них и не стесняйся.

Тогда Иео, заметив у ручья увядшую иву, подъехал к ней, срезал с нее прут и зажег его с помощью своего ножа и камня. Эмиас ждал его несколько смущенный и встревоженный, он вспомнил об «огненной репутации» Иео. Не был ли он в самом деле саламандрой⁴⁵ и не собирается ли согреть свои внутренности, съев горящий прут? Но вот Иео со свойственными ему размеренными и торжественными движениями вытащил из-за пазухи коричневый лист и начал ловко сворачивать его в трубочку размером с мизинец. Затем, сунув один конец себе в рот, поднес к другому прут и стал сосать трубку, пока не появился огонь. Вобрав в себя дым, он выпустил его через ноздри с выражением глубочайшего удовлетворения и мелкой рысью

---

⁴⁵ По средневековым поверьям, саламандра – это ящерица, пожирающая огонь.

подъехал к Эмиасу, похожий на движущуюся печную трубу. При этом Эмиас расхохотался и воскликнул:

– Ну, неудивительно, что они сказали, будто вы дышите огнем! Не это ли индейский табак?⁴⁶

– Да, конечно! Но разве вы до сих пор не видели его?

– Никогда! Мы слышали о нем, но принимали это за ложь. Уф, ладно. Век живи, век учись!

– Не ложь, а святая истина, как могу сказать я, который с помощью сорной травы провел без еды три дня и три ночи. Потому-то, сэр, индейцы всегда носят ее с собой во время похода. И неудивительно. Табак – это товарищ одинокому, друг холостому, пища голодному, утешение печальному, снотворное страдающему бессонницей, огонь замерзающему, сэр, в то же время он останавливает кровь из раны, излечивает насморк и укрепляет желудок. Под сводом неба нет другой подобной травы.

Много лет спустя Эмиас убедился в справедливости этих слов.

---

⁴⁶ Употребление табака было впервые замечено еще Колумбом на Кубе. Ввезен в Англию в 1586 г. Уолтером Рэли (или в 1465 г. Джоном Хаукинсом).

Глава VIII

Как было основано братство Розы

Эмиас не смог уехать ни на следующий день, ни через день. Юго-западный ветер свежел и дул с трех сторон прямо в бухту. Спустив «Мэри Гренвайль» вниз по реке до Аппельдорского пруда и готовый пуститься в путь при первой перемене ветра, Эмиас спокойно отправился домой. Когда его мать, усевшись позади старого слуги на седло без стремян, собралась ехать в Кловелли, где лежал раненый Фрэнк, он решил сопровождать ее до Байдфорда. В Байдфорде, спускаясь по Высокой улице, он встретил процессию всадников, возглавляемую Биллом Карри.

В сверкающих доспехах, с мечом на бедре и шлемом на луке седла, Билл выглядел самым нарядным молодым джентльменом, какого только могли себе представить подсматривающие из окон и дверей байдфордские дамы. Позади него на деревенских лошадях ехали четыре или пять здоровых слуг и везли его копьё и его и свои собственные большие луки, мечи и щиты. А позади всех на носилках между двух лошадей, к великой радости миссис Лэй, качался сам Фрэнк. Он заявил, что его раны совсем поверхностны, так как кинжал отскочил от ребер, что он должен присутствовать при отъезде брата и что с ее разрешения он не поедет домой в Бэруфф, а поселится вместе с Карри в «Корабельной таверне» подле самого Бриджефута. Последнее он выполнил тотчас же и, вновь устроившись на ложе, торжественно прибыл в гостиницу, сопровождаемый толпой зевак.

Затем Фрэнк вместе с Эмиасом выработал план, который должен был быть приведен в исполнение на следующий (базарный) день прежде всего хозяином гостиницы. Он, подчиняясь распоряжениям Эмиаса, заготовил количество вареного, жареного и печеного, не имеющее равного в истории «Корабельной таверны». Затем сам Эмиас, отправившись на базар, пригласил на веселый ужин с выпивкой несколько своих бывших школьных товарищей, указанных ему Фрэнком. Благодаря этому хитрому плану на празднество явились все поклонники Розы Солтерн и к своему ужасу очутились за одним столом с шестью соперниками. Ни один из них не разговаривал с другим в течение последнего полугодия. Однако все они были слишком хорошо воспитаны, чтобы позволить братьям Лэям заметить их неудовольствие. А оба брата, распределив места (Фрэнк возлежал во главе стола, а Эмиас занимал конец), решили наполнить все рты вкусными вещами и тем избавить своих гостей от труда разговаривать друг с другом, пока вино не развяжет языков и не отогреет сердца. В то же время и Эмиас и Фрэнк, не обращая внимания на молчаливость своих гостей, в самом хорошем настроении болтали, шутили, рассказывали разные истории и так веселились, что Билл Карри, всегда считавший веселье заразительным, не выдержал и вставил слово сначала в одну шутку, потом в другую. Затем, найдя хорошее настроение гораздо более приятным, чем плохое, он попытался рассмешить мистера Коффина, но только заставил того сжаться; тогда он попытался рассмешить мистера Фортеस्कю, но только заставил того нахмуриться.

Когда убрали со стола и пришла очередь глинтвейна с сахаром, Фрэнк сделал новый ход:

– Я хочу произнести тост «за героев ирландской войны». Быть может, не было бы Ирландии, если бы не было Леджера, поддерживающего Фортеस्कю, Фортеस्कю – защищающего Леджера, и Мистера – помогающего им обоим.

Такой тост, разумеется, заставил всех пить за здоровье трех представителей названных семейств, а они ответили благодарностями и комплиментами прочим. Таким образом, лед дал еще одну трещину. Затем молодой Фортеस्कю предложил выпить за здоровье Эмиаса Лэя и всех храбрых моряков.

На это Эмиас ответил несколькими простыми и добрыми словами о том, что он не желает ничего лучшего, как вторично совершить плавание вокруг света в обществе присутствующих

в качестве товарищей – искателей приключений, и дать испанцам вторично ознакомиться с людьми из Девона. Вскоре выпитое вино заставило заговорить все уста. Лед был окончательно сломан, и каждый начал, как подобает разумному человеку, беседовать со своим соседом.

– А теперь, друзья мои, – заговорил Фрэнк, увидев, что настал подходящий момент, – позвольте мне предложить вам тост, от которого никто из вас не откажется. Выпьем за здоровье Розы Торриджа.

Если бы сама Роза Торриджа вошла в комнату, вряд ли ее появление вызвало бы больше удивления, чем смелые слова Фрэнка.

Каждый гость покраснел, побледнел, затем снова покраснел и посмотрел на своего соседа, как бы желая сказать: «Какое право имеет кто-либо, кроме меня, пить за нее? Отставьте ваш стакан, или я вылью его у вас из ваших рук». Но Фрэнк с кроткой дерзостью выпил «за здоровье Розы Торриджа и дважды за здоровье того, кого она почитит своей любовью».

– Хорошо сказано, хитрый Фрэнк Лэй! – воскликнул откровенный Билл Карри. – Никто из нас теперь не посмеет поспорить с вами, сколько бы мы ни дулись друг на друга. Ручаюсь, среди нас нет ни одного, кто бы не воображал, что она предпочитает его всем остальным – поэтому мы принуждены думать, что вы пили за здоровье нас всех. Так и есть. Я знаю не больше о мыслях этой леди, нежели вы, и не буду знать. Ради своего собственного покоя я принес клятву: не видеть ее и по возможности ничего о ней не слышать в течение ровно трех лет!

Мистер Коффин встал.

– Джентльмены, я могу позволить мистеру Лэю превзойти меня в красноречии, но не в великодушии; если он собирается покинуть наши края на три года, я делаю то же.

– Давайте руку, старина! – воскликнул Карри. – Я тоже отправляюсь, как может подтвердить Эмиас, в Ирландию. А ведь я собирался драться с вами на этих днях.

– Я предлагаю всем: возьмемся за руки и поклянемся в вечной дружбе, как братья священного ордена... Какого? Фрэнк Лэй, отверзни свои уста!

– Розы, – спокойно ответил Фрэнк.

По той или иной причине, благодаря ли рыцарской речи Фрэнка, шуткам ли Карри, добродушному ли виду Эмиаса или благородству, лежащему на дне всякого юношеского сердца, но все присутствующие один за другим примкнули к договору. Все обменялись рукопожатием и поклялись на рукоятке меча Эмиаса не сходить больше с ума, по крайней мере из-за ревности, защищать друг друга и свою возлюбленную и без зависти и ропота позволить ей танцевать с кем хочет и выйти замуж за кого хочет. А для того чтобы прославить на весь мир свою несравненную даму и братство, названное ее именем, каждый попросит у своего отца разрешения (его не трудно было добиться в те славные времена) отправиться за море – туда, где идет «хорошая война».

– Кто там царапается? – спросил Билл Карри, глядя на стену. – Кошка?

– Скорее лев, судя по рычанию, – ответил Эмиас, ударив по обоям позади себя. – Вот как, здесь дверь! – И, бросившись в скрытую за обоями дверь, втащил за голову Джека Браймблекомба.

Кто такой Джек Браймблекомб?

Если вы позабыли его, вы оказались почти в том же положении, что и все присутствующие. Но не вспоминаете ли вы некоего толстого «мальчика, сына учителя, которого сэр Ричард три года тому назад наказал за наушничество, послав его в Оксфорд? Теперь ему уже двадцать один год, и он окончил Оксфорд, где более или менее успешно изучил то, что преподавалось в те дни. Теперь он вновь мечтал о Байдфорде, собираясь вернуться, чтобы стать священником в своих родных местах.

Внешностью Джек совершенно походил на свинью. Такое же жирное тело с редкой, беспорядочно растущей щетиной, такая же лоснящаяся кожа, которая всегда, казалось, готова лопнуть, такие же короткие спотыкающиеся ноги, тот же льстивый изгиб крестца, тот же над-

треснутый писк, тот же низкий неправильный лоб и крошечные глазки, такие же круглые самодовольные щеки, тот же маленький вздернутый носик, всегда ищущий вкусный запах.

Случайно зайдя в «Корабельную таверну», Джек, привлеченный ароматным запахом, попал в комнату, прилегающую к той, где шло пиршество. Увидев дверь, он не мог удержаться и не подслушать, что происходит внутри, пока не услышали имени Розы Солтерн. Увы, Эмиас Лэй встретил его гневными пинками. Затем на него обрушилась буря брани (из уважения к достойному обществу лучше ее не повторять), но, странно сказать, вся эта брань, казалось, не произвела впечатления на бесстыдного Джека, который, лишь только вновь обрел дыхание, стал горячо возражать, пыхтя и отдуваясь:

– Что я здесь делаю? То же, что и вы все. Если бы вы пригласили меня, я бы пришел. Так как вы этого не сделали, я вошел без приглашения.

– Ах ты, бесстыдный плут! – сказал Карри. – Ты пришел бы, если б тебя пригласили, потому что здесь есть хорошее вино? Готов поручиться в этом!

– Конечно, – добавил Эмиас, – когда у какого-нибудь мальчика в школе бывал пирог, он готов был целый день преследовать его по всем улицам, лишь бы получить кусочек. Прожорливая собака!

– Терпение! – заявил Фрэнк. – О том, что у Джека жадная душа и живот, знают все байфордские торговки яблоками. Но я подозреваю, что не только бог живота привел его сюда.

– Тогда бог подслушивания. Завтра же вся история разнесется по городу, – заметил другой, начиная при этой мысли слегка стыдиться своего недавнего энтузиазма.

– Какой там бог живота. Это был бог любви – вот кто!

Взрыв хохота последовал за этим заявлением. Но Джек с отчаянием продолжал:

– Я находился в соседней комнате и пил пиво. Затем я услышал ее имя и не мог удержаться, чтобы не слушать дальше. Вы делаете сегодня большое дело, отказываясь от нее. Ну, что ж, это то, что я делал в течение трех самых несчастных лет, какие только могут выпасть на долю бедного грешника. С первого же дня я сказал себе: «Джек, если ты не можешь получить эту жемчужину, тебе не нужно никакой. А этой ты не получишь, потому что это блюдо для людей лучше тебя: итак, превозмоги себя или умри». Но я не мог превозмочь себя. Я не мог не любить ее. И я умру. Но вы не должны смеяться надо мной!

«Старая история, – сказал себе Фрэнк, – кто отрывается от любви, тот превращается в героя!»

Так оно и было. Пискливый голос Джека звучал твердо и мужественно, его свиные глазки горели огнем, его движения стали так свободны, что неуклюжесть его фигуры была забыта... И когда он закончил бурным потоком слез, Фрэнк, забыв свои раны, вскочил и схватил его руку.

– Джек Браймблекомб, прости меня! И вы все должны попросить у него прощения. Не выказал ли он уже больше доблести, больше самоотречения и тем самым больше истинной любви, чем кто-либо из нас? Друзья мои, пусть это послужит оправданием его подслушиванию. Он вполне достоин принять участие в нашей беседе.

– Ах, – воскликнул Джек, – примите меня в ваше братство, и вы увидите, что я сумею претерпеть те же страдания, как любой из вас! Вы смеетесь! Не воображаете ли вы, что никто не может взяться за меч, если в его гербе нет дюжины хлебопеков, или что оксфордские школьники умеют обращаться только с пером?

– Давайте испытаем его мужество, – предложил Леджер. – Вот мой меч, Джек. Обнажи свой, Коффин, и сразись с ним.

– Что за чепуха, – пробормотал Коффин.

Но Джек схватился за предложенное ему оружие:

– Дайте мне щит, и я выйду против любого из вас!

– Вот спинка стула! – закричал Карри, и Джек, схватив ее левой рукой, так яростно замачал мечом и так грозно стал вызывать Коффина на бой, что все присутствующие, не желая

пролития крови, сочли необходимым превратить дело в шутку. Но Джек и слышать об этом не хотел.

– Нет, если вы допускаете меня в свое братство – то хорошо, но если нет – с одним из вас я буду драться. И это решено.

– Вы видите, джентльмены, мы должны принять его или погибнуть. Придется уступить. Поди сюда, Джек, и клянись. Вы принимаете его?

– Да будет так! – провозгласил Карри. – Но, если он будет принят, это должно быть сделано в торжественной форме и со всеми церемониями, предусмотренными на этот случай. Возьми его в ту комнату, Эмиас, и подготовь его к посвящению.

– Как так? – в недоумении спросил Эмиас. Но, поняв по подмигиванию Билла, что «посвящение» было формулой для задуманной шутки, он вывел жертву вновь за дверь и прождал пять минут, пока голос Фрэнка не предложил ему ввести «посвящаемого».

– Джек Браймблекомб, – заговорил Фрэнк замогильным голосом, – как ученый и бакалавр Оксфорда, вы не можете не знать о той страшной жертве, которой Катилина⁴⁷ потребовал от своих товарищей-заговорщиков для того, чтобы, с одной стороны, в готовности совершить деяние получить доказательство их искренности, а с другой, при помощи страха, сковать их души оковами твердыми, как алмаз. Поэтому, о, Джек, мы также решили, следуя этому древнему и классическому примеру, наполнить, как сделал он, кубок нашей собственной живой кровью и провозгласить тост друг за друга, принеся клятву, от которой дрогнут звезды и покраснеет серебряный лик луны. Лишь вашей крови не хватает, чтобы наполнить кубок до краев. Сядьте, Джек Браймблекомб, и протяните руку.

– Но, мистер Фрэнк!.. – начал Джек, который был суеверен, как старая баба, и под влиянием жуткой речи уже обливался холодным потом.

– Никаких «но»! Или скройся, малодушный, но не через дверь, как человек, а через трубу, как летучая мышь.

– Но, мистер Фрэнк!..

– Твоя жизненная мечта или труба! Выбирай! – прорычал Карри ему в самое ухо.

– Хорошо, – сказал Джек, – но это ужасно жестоко! Почему из-за того, что вы не можете сохранить верность без этой варварской клятвы, я тоже должен принести ее – я, который три года хранил верность без всякой клятвы?

При этом патетическом возгласе Фрэнк почти смешался, но Эмиас и Карри сунули жертву в кресло, и все было приготовлено к священнодействию.

– Завяжите ему глаза, как полагается по классическим образцам, – предложил Билл.

– О нет, дорогой Карри, я обещаю закрыть их достаточно крепко. Но не кинжалом, дорогой Карри, – не кинжалом. Я не вынесу потери крови, хоть выгляжу крепким! Наверное, хватит булавки, в моем рукаве где-то воткнута одна. Ох!

– Взгляните на источник благородного сока! Лейся, прекрасный ручей! Как он истекает кровью! Пинта, кварта!⁴⁸ Ах, это доказывает его страстность!

– Кровь истинных влюбленных всегда находится в кончиках пальцев.

– Эй, Джек! Что значит потерять лишний галлон ради нее?

– Берите мою жизнь, если хотите, но, ах, джентльмены, позовите хирурга из любви ко мне! Я умираю, я лишаюсь чувств!

– Тогда пей скорее, пей и клянись! Поддержите его сзади, Карри. Смелее, брат! Все будет кончено в одну минуту. Ну, Фрэнк!

Фрэнк быстро прочел латинское четверостишие.

---

⁴⁷ Люций Сергий Катилина (около 109—61 до н. э.) – глава римского аристократического заговора.

⁴⁸ Пинта – мера емкости в полкварты, 0,568 л; кварта – четверть галлона, 1,137 л; галлон – 4,546 л.

Джек, убежденный, что находится при последнем издыхании, с жадностью опрокинул себе в глотку ровно три четверти кубка, который Карри поднес к его губам.

– Ух! Ах! Пуф! Благодарю вас. По вкусу это очень похоже на вино!

– Доказательство, мой добродетельный брат, – заговорил Фрэнк, – твоего воздержания. Ступай с миром – ты победил!

И Джек ушел домой, унося в себе пинту доброго аликантского вина (больше, чем он, бедняга, когда-либо прежде выпивал в один раз). А остальные, весьма довольные, вновь зажгли свечи. Они преспокойно провели вечер и разошлись, как добрые друзья и достойные девонские джентльмены. И все за исключением Фрэнка считали историю с Джеком Браймблекомбом и его клятвой самой веселой шуткой, какую им пришлось слышать за последнее время.

Затем все разъехались: Эмиас и Карри отправились в эскадру Винтера; Фрэнк, лишь только он смог путешествовать, – снова в Лондон и с ним молодой Бассет; Фортескую и Чистер – к своим братьям в Дублин; Леджер – к своему дяде маршалу Мюнстеру, а Коффин присоединился к Шамперуну и Норрису в Нидерландах. Так все братство Розы разбрелось по миру, а она осталась одна со своим зеркалом.

Глава IX

Как Эмиас взял в Ирландии пленника

Тихая, темная сырая ночь ранней зимы. В течение последних двенадцати часов западный ветер не перестает завывать над ирландским побережьем. Эмиас сидит с обнаженной головой на корме лодки в Смервикской бухте, его кудри обрызганы пеной, он весело кричит:

– Тащите живей, молодцы, и не вздумайте зачерпнуть воды. Пушечные ядра – такой груз, который нельзя портить соленой водой.

С моря, начинаясь на расстоянии приблизительно четырех миль, пологим сводом расстилается густая серая туча. Под ужасным покровом ночной мглы завывает шторм и несет с собой в глубь страны большие хлопья пены и серые соленые брызги; вся страна становится темной, мрачной и скучной.

Среди песчаных холмов в вечернем сумраке вспыхивают красные искры далеко не небесного происхождения. Ведь этот форт, ныне переименованный завоевателями в форт Обруга, где развеивается золотой флаг Испании, находится во власти Сан Джозефо с восемьюстами кондотьерами⁴⁹. Всего три ночи тому назад Эмиас, Иео и несколько человек из самых сильных винтеровских солдат спустили с верхней палубы четыре кулеврины, подвезли их к берегу и подтащили к батарее, спрятанной среди песчаных холмов. Теперь видно будет, смогут ли испанские и итальянские кондотьеры удержать свой форпост на британской земле против людей из Девона.

Эмиас и его люди привезли, рискуя жизнью, новый запас ядер, так как на винтеровской батарее не было больше снарядов, и в течение четырех часов оттуда стреляли камнями за неимением лучшего. Они подвели лодку к берегу в том месте, где маленький залив давал возможность высадиться, и, почти не беспокоясь, разобьется лодка или нет, вскарабкались на песчаный холм, каждый с парой ядер, переброшенных через плечо. Забравшись в траншею, Эмиас весело крикнул Иео:

– Вот пища для бульдогов, канонир!

– Не разговаривайте с человеком, когда он занят делом, мистер Эмиас. Пять раз я промахнулся, но, клянусь, эта проклятая папистская тряпка слетит с шеста!

– Так сбрось ее, никто не заставляет тебя стрелять криво. Только возьми для этого доброе железо, а не камни, пригодные для мостовой.

– Я думаю, сэр, что нечистая сила относит в сторону мои ядра. Кажется, я даже видел одного бесенка. Но у нас есть новые снаряды. Эх, кабы можно было разок пальнуть серебряным ядром!⁵⁰ Ну, держитесь, молодцы!

Еще раз просвистел восемнадцатифунтовый снаряд. И большой желтый испанский флаг, развевавшийся по ветру, поднялся в воздух вместе с флагштоком, а затем стремительно упал на землю, далеко, с подветренной стороны. Громкое «ура» матросов разорвало, казалось, самую тучу, но, прежде чем замерло эхо, высокий офицер вскочил на парапет крепости с упавшим флагом в руках. Прикрепив флаг как можно крепче к острию своего копья, он твердо держал его против ветра, пока не подняли упавший флагшток.

В то же мгновение дюжина луков нацелилась в смелого врага, но Эмиас сзади закричал:

– Стыдитесь, молодцы! Стойте. Пусть храбрый джентльмен получит заслуженное приветствие!

---

⁴⁹ Кондотьеры – наемные солдаты, дравшиеся за жалованье под любым знаменем и за любые убеждения.

⁵⁰ Дьявола или колдуна можно застрелить только пулей или ядром, отлитым из серебра (средневековое суеверие, удержавшее кое-где и до XX в.).

Луки опустились, и Эмиас, вскочив на вал батареи, снял шляпу и поклонился державшему флаг; тот, лишь только освободился от своей ноши, вежливо вернул поклон и сошел с парапета. К тому времени совсем стемнело, и стрельба стала ослабевать.

Сальвейшин со своими собратьями-канонирами, накрыв орудия брезентом, ушел спать, оставив Эмиаса, по его собственному желанию, дежурить до полуночи.

Эмиас долго шагал взад и вперед в темноте, обмениваясь случайными словами с часовыми, и думал сначала о своей матери, потом о Фрэнке. Думает ли он о далеком брате, сидящем на темном берегу океана? Затем он постарался не думать о Розе Солтерн и, разумеется, думал о ней все больше и больше.

Так медленно тянулись часы.

Было уже больше одиннадцати. Все огни исчезли с батареи и судов. Ни звука не было слышно, кроме монотонных шагов часовых и похрапывания вооруженных людей, спавших в тылу на расстоянии около двадцати ярдов. Эмиас шагал взад и вперед, время от времени бросая внимательный взгляд на полосу песчаных холмов, лежащих меж ним и крепостью. Но все было пусто и черно, и вдобавок начался сильный дождь.

Внезапно ему послышался шорох. Правда, ветер довольно громко шелестел, но этот звук был не похож на шелест ветра. Затем слабый подкрадывающийся шум. Кто-то соскочил с насыпи, и за ним посыпался песок. Эмиас остановился, нагнулся около одного из орудий и приложил ухо к насыпи. Он ясно услышал шум приближающихся шагов – кроличьих или человеческих – он не знал, но чуял – скорее последних.

Эмиас был способен рассуждать хладнокровно по крайней мере, когда им не владела страсть; подумав, что, если он произведет какой-нибудь шум, неприятель (четвероногий или двуногий) скроется и вся игра будет проиграна, он не окликнул двух часовых, которые находились на другом конце батареи. Еще меньше стоит, решил он, будить всех людей – слух мог обмануть его, и весь лагерь будет поднят на ноги, чтобы отразить атаку кроликов. Он все ниже припадал к насыпи рядом с кулевриной и через минуту или две услышал, как что-то осторожно положили против отверстия амбразуры. Судя по звуку, это был кусок дерева.

«Чем дальше, тем лучше, – сказал себе Эмиас, – когда приставляют штурмовую лестницу, надо полагать, что за ней следуют солдаты. Я могу лишь униженно поблагодарить их за предпочтение, отданное моей амбразуре. Вот он! Я слышу, как цепляются его ноги».

Он ясно слышал, как кто-то старается влезть в отверстие амбразуры. К несчастью, было так темно, что Эмиас не мог видеть собственной руки, не только врага, на расстоянии двух шагов. Как бы ни было, у него мелькнула чудесная догадка о месте, где тот может находиться, и, тихонько встав, он нанес удар, который мог бы расколоть просмоленный рождественский чурбан. Сноп искр посыпался из доспехов несчастного испанца и послышался хрип, указывающий, что если он и остался жив, то его дыханию удар принес мало пользы.

Эмиас схватил врага за голову, втащил его на пушку, на коленях спрыгнул в амбразуру и стал ощупью искать верхушку лестницы. Нашел ее, приподнял и сбросил всю целиком вместе с уцепившимися за нее четырьмя или пятью солдатами, а затем вслед за ней свалился сам носом в песок.

По матросскому обычаю на Эмиасе не было никакого вооружения, кроме легкого шишака и кирасы, поэтому ничто не помешало ему вскочить на ноги и приняться за работу, нанося удары направо и налево.

Так он сражался во рву с невидимым врагом. Тем временем солдаты наверху, решив, что для контрвылазки слишком темно, открыли убийственный огонь из мушкетов и стрел. Эмиас, не чувствуя никакого желания, чтобы его изрешетили дружеские пули, вылез к подножию насыпи и стал ждать.

Внезапно выглянула луна, и после нового, еще более жестокого залпа английские матросы, увидев замешательство врага, бросились вниз из амбразур. Теперь Эмиас был в своей

стихии! Среди песчаных холмов прошло десять ужасных безмолвных минут. Затем трубачи ударили сбор, и матросы полезли обратно по два и по три, оставляя за собой множество мертвых и умирающих врагов. Тем временем пушки форта вдруг открыли огонь и полчаса гремели без ответа. Затем все стихло.

Спустя двадцать минут находившиеся на берегу англичане сушились вокруг костра из торфа и беседовали о стычке. Билл Карри спросил:

– Где Лэй? Кто видел его? Я боюсь, что он зашел слишком далеко и его убили.

– Убили? Ничего подобного! – послышался голос Эмиаса. Он выступил из темноты в светлый круг костра и сбросил с плеч, как бросают мешок зерна, грузное темное тело, которое оказалось человеком в богатых доспехах. Как его бросили, так он и остался лежать, не чувствуя, что его ноги (к счастью, одетые в кольчугу) в огне.

– Я нахожу, – промолвил Эмиас, – что лучше бы один из вас взял его, он может пригодиться. Сними с него шлем, Билл Карри. Вытащи его ноги из горячей золы. Хотя он и был бы рад потащить нас на костер, но это еще не основание сжечь его.

Между адмиралом Винтером и Эмиасом не было большой любви. Поэтому Винтер, которого Эмиас не заметил или предпочел сделать вид, что не заметил, довольно колко спросил его:

– Какого черта вы тащили в лагерь мертвеца?

– Если он мертв – это не моя вина. Он был живехонек, когда я двинулся с ним в путь, и я держал его как следует и как можно выше всю дорогу. Чего вы еще хотите?

– Лэй! – заявил Винтер. – Следовало бы вам говорить несколько вежливее, если не почтительнее с командирами, которые старше вас и являются вашим начальством.

– Прошу прощения, сэр, – ответил великан. Он стоял перед огнем, и капли дождя испарялись с его кирасы. – Я обучался в школе, где умение сделать дело уважалось больше, чем тонкие речи.

– Какую бы вы школу ни прошли, сэр, – сказал Винтер, раздраженный намеком на Дрейку, – по-видимому, в ней вас не научили подчиняться распоряжениям. Почему вы не явились, когда протрубили сбор?

– Потому что очень холодно, – ответил Эмиас. – Во-первых, я его не слышал, а затем в моей школе меня учили, если я за что-нибудь взялся – не возвращаться обратно с пустыми руками.

Это было сказано метко, и Винтер вскочил с проклятием.

– Вы хотите оскорбить меня, сэр?

– Очень сожалею, сэр, что вы приняли похвалу сэру Фрэнсису Дрейку за оскорбление вам. Я притащил сюда этого джентльмена, так как полагал, что он сможет сообщить нам полезные сведения. Если он умрет – потеря будет ваша.

– Помогите же мне, – вмешался Карри, желая создать настроение в пользу Эмиаса, – и мы вынесем его отсюда.

В то же время Рэли встал, взял Винтера за руку и, отойдя с ним в сторону, начал серьезно говорить о чем-то.

– Какого черта, Лэй, вы ссоритесь с Винтером? – спросили двое или трое.

– Послушайте, почтенные папаши и дорогие дети, обсуждайте как вам угодно дела испанцев и дайте нам с адмиралом устраиваться по-своему.

Все нашли необходимым замять историю. Капитан Рэли, вернувшись, заявил:

– Хотя адмирал Винтер, без сомнения, отнесся слишком подозрительно к некоторым словам мистера Лэя, все же я не сомневаюсь, что мистер Лэй не хотел сказать ничего несовместимого с положением солдата и джентльмена и недостойного их обоих, его и адмирала.

Против этого предположения Эмиас не считал возможным спорить, после чего Рэли пошел обратно и сообщил Винтеру, что «Лэй охотно готов взять свои слова назад и очень огорчен, если он, Винтер, усмотрел в них что-либо оскорбительное» и так далее.

Тогда Винтер вернулся, и Эмиас довольно искренно сказал ему:

– Адмирал Винтер, я надеюсь, вы понимаете – то, что сейчас произошло, никоим образом не помешает вам найти во мне полную готовность выполнять все ваши приказания, чего бы они ни касались, поддерживать ваш авторитет среди солдат и защищать вашу честь от врагов, даже ценой собственной жизни. Мне было бы стыдно, если бы личная ссора могла как-нибудь повредить государственным интересам.

Эта речь стоила Эмиасу большого напряжения, и поэтому он, чтобы избежать нового недоразумения, старался говорить, насколько мог, в стиле Ричарда Гренвайля. Разумеется, Винтер ничего не мог ему ответить, несмотря на ясный намек на личную ссору, кроме того, что постарается выказать себя достойным командиром такого доблестного и надежного солдата.

После этого все обратили свое внимание на пленника, который благодаря Биллу Карри уже сидел, сильно нуждаясь в перевязке, и смущенно и страдальчески оглядывался вокруг.

– Отнесите этого джентльмена ко мне в палатку, – сказал Винтер, – пусть хирург осмотрит его. Мистер Лэй, кто он?

– Испанец он или итальянец, я не знаю, но, кажется, он важное среди них лицо. Я думаю – он капитан роты. Мы с ним вначале обменялись двумя или тремя ударами, а потом потеряли друг друга из вида. Затем я нашел его среди песков, когда он старался собрать своих людей и сыпал проклятиями, как из рога изобилия. Но его люди разбежались, и я притащил его сюда.

– Но как? – спросил Рэли.

– Как? Я приказал ему сдаться – он не захотел. Тогда я приказал ему бежать, и он тоже не захотел. Было слишком темно, чтобы стрелять; я взял его за уши, вышиб из него дух, ну и притащил его сюда.

– Вышиб из него дух! – воскликнул Карри среди общего хохота. – Знаешь ли ты, что ты почти сломал ему шею? Его забрало было все в крови.

– Тогда он должен был бежать или сдаться, – заявил Эмиас и поднялся, чтобы улизнуть: сначала он поискал, нет ли где-нибудь эля, а потом забрался спать в сухую нору, которую вырыл для себя в песчаной насыпи.

На следующее утро, когда Эмиас поглощал свой скудный завтрак из сухарей (провизия быстро исчезала в лагере), к нему подошел Рэли.

– Что, за едой? Это больше, чем я успел сегодня.

– В таком случае садитесь и ешьте.

– Нет, юноша, я не за милостыней пришел. Видели ли вы вашего пленника?

– Нет, и не увижу, пока он в палатке Винтера.

– Почему? Что вы имеете против адмирала? Не можете ли вы предоставить Фрэнсису Дрейку самому защищать свои интересы и не соваться в его дела?

– Вот это хорошо! А если ссора затронула не только меня, но и каждого человека на корабле? Когда Винтер бросил Дрейка⁵¹, он бросил нас всех. Разве не так?

– А если и так? Пусть каждый сам заботится о своих делах – таково правило умных людей, Эмиас. Здесь, по крайней мере, этот человек у власти и в милости; и благоразумному юноше лучше держать язык за зубами.

– Но это-то и приводит меня в бешенство: видеть, как этот молодец, дезертировавший от нас там, в неведомых морях, завоевал себе доверие и положение здесь, на родине, в качестве

---

⁵¹ История в действительности такова: 13 декабря 1577 г. Дрейк вышел из Плимута с экспедицией в составе пяти кораблей, вооруженных 54 пушками, и со 150 членами команды, не считая двух-трех десятков авантюристов-дворян. 20 августа 1578 г. эскадра, бросившая по пути два меньших корабля, вступила в Магелланов пролив. Здесь меньший из трех оставшихся кораблей потерпел крушение, так что остались лишь «Золотая Лань» (100 тонн, 16 пушек) и «Елизавета» (30 тонн, 16 пушек). Командующий последней Джон Винтер испугался трудности дальнейшего пути и вернулся в Англию, где объявил, что Дрейк умер.

первого человека, возвратившегося через проливы! А он совсем не должен был возвращаться. Надменный, легкомысленный, трусливый дурак!

– Эмиас, вы – хороший боец, но плохой политик.

– Я не политик, капитан Рэли, и не желаю им быть!

– Если Винтер сам пригласит вас к себе в палатку, вы не откажетесь прийти?

– Почему нет, принимая во внимание его годы и положение, но он слишком хорошо все понимает, чтобы сделать это.

– Он слишком хорошо все понимает, чтобы не сделать этого, – со смехом возразил Рэли.

И действительно, через полчаса последовало приглашение, и Эмиас не мог не принять его.

– Мы все должны принести вам благодарность за вчерашнюю услугу, – начал Винтер, у которого были все основания изменить тон. – Ваш пленник оказался главой вчерашнего нападения. Он уже рассказал нам больше, чем мы ждали. Этим мы также обязаны вам. И, разумеется, милорд Грэй уж спрашивал о вас.

Эмиас низко поклонился.

– Да, я спрашивал, молодой сэр, – произнес спокойный голос...

Эмиас увидел появившуюся из палатки фигуру грозного вице-короля – лорда Грэя.

– Вы, конечно, желаете видеть вашего пленника. Вам не придется стыдиться его, как и ему не придется стыдиться вас. Но вот он! Я не сомневаюсь – он сам за себя ответит. Познакомьтесь друг с другом, джентльмены, – вчерашняя ночь мало подходила для взаимных представлений. Дон Гузман Мария Магдалина Сотомайор, представляю вам идальго Эмиаса Лэя.

В то время как он говорил, испанец вышел вперед. Он все еще оставался в доспехах, только голова его была обвязана платком.

Это был стройный человек, золотоволосый, с нежной кожей и руками маленькими и белыми, как у женщины. Его губы были тонки и плотно сжаты у углов рта, а в бледно-голубых глазах скрывалась ледяная скука. Несмотря на его красоту и обходительность, Эмиас инстинктивно отшатнулся от него, но все же подал ему руку, когда испанец протянул свою и медленно сказал на самом звонком испанском языке:

– Целую руки и ноги вашей милости! Сеньор говорит, сказали мне, на моем родном языке?

– Имею эту честь.

– Тогда примите на нем (так как мне легче выразить свою мысль на родном языке, чем на английском, хотя я не совсем несведущ в этом остроумном и ученом языке) выражение моего удовольствия по поводу того, что я попал в руки рыцаря, столь прославленного на войне и в путешествии, а также рыцаря, – добавил он, бросая взгляд на гигантский рост Эмиаса, – чья сила настолько превосходит силу обыкновенных смертных, что мне не более стыдно быть побежденным и унесенным им, чем если бы моим победителем оказался один из паладинов Карла Великого.

Честный Эмиас поклонился и замялся, несколько выведенный из равновесия неожиданным заявлением и холодной лестью своего пленника, затем сказал:

– Если вы удовлетворены, доблестный сеньор, я принужден испытывать то же самое. Я только надеюсь, что, несмотря на мою торопливость и на темноту, я не нанес вам излишнего вреда.

Дон рассмеялся мелким фальшивым смешком.

– Нет, добросердечный сеньор, голова моя, я уверен, через несколько дней прирастет к плечам, а пока ваше общество поможет мне забыть о легком неудобстве.

– Если я не ошибаюсь, сеньор, вы тот, кто вчера поднял знамя, после того как оно было сброшено выстрелом?

– Я не отрицаю этого, и я должен поблагодарить вас и ваших соотечественников за учтивость, позволившую мне сделать это безнаказанно.

– А! Я слышал об этом славном подвиге, – сказал вице-король. – Вы должны считать за честь, мистер Лэй, что имели возможность выказать учтивость такому воину.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот обмен пышными комплиментами, от которых Эмиас уже начинал чувствовать утомление, но в этот момент поспешно вошел Рэли.

– Милорд, они вывесили белый флаг и хотят начать переговоры.

Испанец побледнел и сделал движение, чтобы схватиться за меч, но меча не было. Затем с горьким смехом пробормотал про себя:

– Я этого ожидал.

– Мне очень грустно слышать это. Лучше бы они бились до последней крайности, – сказал лорд Грэй наполовину самому себе, а затем прибавил: – Идите, капитан Рэли, и скажите им, что законы войны воспрещают переговоры с теми, кто объединился с бунтовщиками.

– А если они желают обсудить вопрос о выкупе этого джентльмена?

– Скорее о своем собственном, – сказал испанец, – но скажите им от моего имени, сеньор, что дон Гузман отказывается быть выкупленным и не вернется в тот лагерь, где командующий офицер, не имея возможности заразить своих капитанов своей собственной трусостью, бесчестит их против их воли.

– Вы говорите зло, сеньор, – сказал Винтер, после того как Рэли вышел.

– У меня есть основания, сеньор адмирал, как вы увидите, боюсь, довольно скоро.

– Мы будем иметь честь оставить вас здесь пока в качестве гостя адмирала Винтера, – сказал вице-король.

– Но не мой меч, по-видимому!

– Простите, сэр, никто не лишал вас вашего меча, – заявил Винтер.

– Я не хотел бы огорчить вас, сэр, – сказал Эмиас, – но, боюсь, мы были оба настолько беззаботны, что бросили его вчера.

По лицу испанца пробежала молния, которая вскрыла глубину ярости и ненависти, таящихся под этой спокойной маской. Но, словно солнечный луч, она промелькнула почти незаметно, и он спокойно ответил:

– Я могу простить вас за такую небрежность легче, чем самого себя. Прощайте, сэр. Тот, кто потерял свой меч, недостоин вашего общества.

И лишь только Эмиас и остальные ушли, он, ломая руки от ярости и стыда, бросился в глубь палатки. Когда Эмиас проходил мимо батареи, подошел Рэли.

– Они просят выпустить их со всеми пожитками.

– Не унесут они и былинки, – сказал лорд Грэй. – Кончайте скорей, сэр!

– Я не знаю, что из этого выйдет, милорд! Когда я подходил, какой-то капитан крикнул мне со стены, что он не сдается, хотел опустить белый флаг, но солдаты оттолкнули его.

– Крепость, где одна часть идет против другой, недолго продержится. Скажите им, что я не принимаю никаких условий. Пусть они сложат оружие и уповают на папу, который послал их сюда! Канониры, как только вы увидите, что белый флаг спускается, тотчас открывайте огонь. Капитан Рэли, нам нужен ваш совет здесь. Мистер Карри, будьте моим глашатаем на это время.

Карри ушел, и начались рассуждения о том, что делать с пленниками в случае сдачи. Как поступить с врагом? Численность его уже превышала численность англичан. Англичане не могли увезти испанцев с собой, так как не имели ни кораблей, ни провианта, ни даже достаточного количества ручных кандалов; не могли и оставить их на свободе из боязни, что испанцы используют шаткое положение в Ирландии. Так думали все без исключения начальники.

– Что же делать? – нетерпеливо спросил Грэй. – Не хотят ли они, чтоб их хладнокровно перебили?

И несколько мгновений, хотя каждый знал, что это неизбежно, никто не осмеливался подтвердить его слова. В эту минуту вернулся Карри.

– Милорд, – начал он несколько смущенно, – я предложил ваши условия, но капитаны все еще просят смягчить их; и по правде сказать, один из них настоял на том, чтобы сопровождать меня сюда и самому выступить в защиту своей просьбы.

– Я не хочу видеть его, сэр. Кто он?

– Его имя Себастьян Модена, милорд.

– Себастьян Модена? Как вы думаете, джентльмены? Можем мы сделать исключение ради такого знаменитого воина?

Все хотели говорить с этим знаменитым человеком. Вошел невысокий итальянец в полном вооружении с бычьей шеей и, очевидно, огромной силой.

– Угодно вам сесть, сэр? – холодно произнес сэр Грэй.

– Целую ваши руки, знаменитейший, но я не сажусь в лагере врага. Ха, приятель Зух! Как поживает ваша милость с тех пор, как мы сражались с вами бок о бок при Лепанто?⁵² И так, вы также присутствуете на совете о том, как меня повесить?

– В чем состоит ваше поручение, сэр? Времени мало, – сказал Грэй.

– Черт возьми! Его было достаточно утром, когда мои негодяи удерживали меня и моего друга, полковника Геркулеса (который вам известен, без сомнения), пленниками в наших палатках, приставив нам копья к груди. Я скажу всего несколько слов. Я буду вам очень благодарен, если вы заберете всех солдат нашей крепости – итальянских, испанских и ирландских – и вздернете как можно выше это сборище взбунтовавшихся трусов с архиубийцей Сан Джозефо во главе.

– Очень обязан вам за ваше предложение, сэр, и тотчас подвергну его обсуждению, хотя не уверен, приму ли я его.

– Но в отношении нас, капитанов, право, ваша светлость должна принять во внимание, что мы – джентльмены, и дать нам *buena guerra*⁵³, как говорят испанцы, либо достойную возможность жить. Перейдем к моему делу. Мы готовы встретиться с любым джентльменом из вашего лагеря лицом к лицу, вооруженные только мечом, на полдороге между вашей линией и нашей, и я не сомневаюсь, что ваша милость увидит прекрасную стычку. Желаете кто-нибудь из джентльменов принять столь вежливое предложение? Вот в том углу сидит высокий юноша, который очень подошел бы ко мне. Желает кто-нибудь наградить моих храбрых товарищей получасовым пунто и стоккадо?⁵⁴

Все молчали.

– Никакого ответа? Тогда я принужден приступить к увещанию. Так этого недостаточно?

И степенно пройдя на другой конец палатки, он бесстрашно и спокойно ударил Эмиаса Лэя прямо в лицо. Эмиас вскочил и, не обращая внимания на высокое собрание, одним ударом кулака свалил итальянца на землю.

– Великолепно, – сказал тот, вставая без всякого смущения. – Я всегда верю своему инстинкту. Я знал, как только увидел его, что этот кавалер достоин пролития крови. Ваш меч, сэр, и доспехи, и я к вашим услугам за этими стенами.

Но тут вмешался Грэй:

---

⁵² Морская битва при Лепанто между испанцами под предводительством Хуана Австрийского и турками, кончившаяся победой испанцев (7 октября 1571 г.).

⁵³ Хорошую войну.

⁵⁴ Фехтовальные термины.

– Никаких поединков здесь, джентльмены. Это может подождать и подождет. Опустите мечи! Полковник Себастьян, угодно ли вам вернуться, как вы пришли, в полной безопасности, ничего не потеряв, но и ничего не выиграв вашей дикой выходкой? Мы обсудим вашу судьбу.

– Я надеюсь, милорд, – сказал Эмиас, – что вы сохраните жизнь этому хвастуну на один-два дня. Я должен иметь с ним дело, иначе моя щека восстанет против меня.

– Хорошо сказано, молодец, – сказал полковник, выходя раскачивающейся походкой. – Так я удостоен отсрочки благодаря этому мечу, чтобы перед виселицей еще раз услышать звон рапир! Я не получу никакого другого ответа? – и, переваливаясь, он вышел.

– А теперь, капитан Рэли, – сказал лорд Грэй, – раз вы так убежденно проповедовали эту бойню, я имею честь просить именно вас привести ее в исполнение.

Рэли поджал губы и ответил с язвительной вежливостью:

– По крайней мере, милорд, я – человек, считающий постыдным позволить другому сделать то, чего я не осмеливаюсь сделать сам.

– А я, милорд, – сказал Маквора, – будучи в этом отношении человеком одного закала с капитаном Рэли, хочу пойти с ним и посмотреть, чтоб он не пострадал оттого, что у него хватает смелости выполнить безобразное дело.

Эмиас последовал за Рэли. Последний был бледен, но решителен и очень раздражен против Грэя.

– Не принимает ли он меня за палача, – сказал он, – что говорит со мной таким образом? Но таков обычай высоких особ. Если вы пренебрегаете своим долгом, они тащат вас на костер, если вы выполняете его – вы должны его выполнить на свою ответственность. Прощайте, Эмиас. Вы не отшатнетесь от меня, как от мясника, когда я вернусь?

– Нет! Но как вы сделаете это?

– Выведу одну роту и погоню ее вперед, а затем заставлю следующих перерезать их – паф!

Это было сделано. Правильно или нет, но это было сделано. Крики и проклятия замерли, и форт Обруга стал рынком кровавого мяса, которое солдаты хотели скрыть от взоров неба и земли, сбрасывая тела в ров и засыпая их развалинами насыпи. Ирландцы, видевшие из леса это ужасное предостережение, в страхе удрали в глубочайшие дебри лесов.

Однако, расправившись с «пушечным мясом», англичане пощадили испанских и итальянских офицеров.

И Эмиас получил дону Гузмана Марию Магдалину Сотомайора де Сото, должным образом ему присужденного, в качестве приза по праву войны. Эмиас, разумеется, был вполне готов сразиться с Себастьяном Моденой, но лорд Грэй запретил дуэль. Следующий вопрос был, как устроить дону Гузмана, пока прибудет его выкуп, и, так как Эмиас не мог поместить храброго испанца в мирном заточении у миссис Лэй в Бэрүффе и тем менее у Фрэнка при дворе, то он был вынужден спросить совета у Ричарда Гренвайля. В ожидании Эмиас держал дону при себе, взяв с него честное слово, которое тот искренно дал, заявив, что бежать ему некуда. Эмиас нашел в нем очень приятного собеседника.

Однажды утром вошел Рэли.

– Я оказал вам хорошую услугу, если вы сочтете ее таковой. Я сказал Леджеру, чтобы он сделал вас моим лейтенантом и поручил вам охрану замка Шакатори или какого-нибудь другого не менее приятного и пустынного места, где время течет легко и безмятежно, заполненное охотой на диких ирландцев, ловлей бекасов и водкой, настоянной на диких кореньях.

– Я согласен, – ответил Эмиас. – Все для дела.

Остаток зимы он провел в одном из ирландских замков, сражаясь или охотясь весь день, болтая и читая весь вечер с доном Гузманом, который, как всякий добрый искатель приключений, скоро сделался совершенно своим человеком и любимцем солдат.

Сначала, разумеется, испанская гордость одного и английская сдержанность другого держали их в некотором отдалении, но вскоре они начали если не доверять, то по крайней мере

нравиться друг другу. Мало-помалу дон Гузман рассказал Эмиасу, кто он и из какого рода. Он подсмеивался над мыслью, что его выкуп будет собран, и уверял, что, во всяком случае, он придет не раньше, чем через два года, так как единственный де Сото, имеющий лишние деньги, – это жирный старый декан в Сантьяго-де-Леон в Каракасе, в том месте, где родился дон Гузман.

Все это, разумеется, привело к многочисленным разговорам о Вест-Индии.

Дон Гузман был настолько же заинтересован, узнав, что Эмиас принадлежал к экипажу Дрейка, насколько и Эмиас, узнав, что его пленник – внук знаменитого охотника за людьми, дона Фердинанда де Сото, покорителя Флориды. Эмиас много читал о нем у Лас-Казаса⁵⁵, «как о командире тиранов, самом закоренелом и самом опытном среди них, который причинил больше вреда, несчастий и разрушений во многих государствах». И кровь Эмиаса закипела, ему стоило большого труда вспомнить, что говоривший – его гость, когда дон Гузман болтал об охоте своего деда на невинных женщин и детей, об убийстве индейских князьков и сожжении живыми проводников.

Но тем не менее дон Гузман рассказывал много интересных историй об Индии и хорошо их рассказывал. А в добавление ко всем его рассказам среди его багажа были две книги – одна Антония Гальвано «Открытие мира», источник развлечения для Эмиаса в зимние вечера, другая – рукописная книга. Быть может, было бы лучше для Эмиаса, если бы он никогда ее не видел. Это был род дневника, который вел дон Гузман подростком, когда спускался вместе с Аделантадо Гонзалес де Касада из Перу по реке Амазонке в поисках золотой страны Эльдorado⁵⁶ и города Маньоа, что стоит среди Белого озера и равен или превышает своим великолепием даже дворец инки Хюэйнакапак, в чьем доме и кухне вся посуда из золота и серебра, в чьих шкафах – гигантские статуи, изображающие в натуральную величину всех зверей, птиц, деревья и травы на земле и рыб в воде. Веревки, сумки, ящики и корыта – все там из золота. Да, и есть при дворце сад для развлечений – на острове близ Пуны, куда отправляются отдыхать, когда хотят дышать морским воздухом. В саду – цветы, травы и деревья всех пород из золота и серебра, красоты и великолепия дотолле невиданных. Большая часть этих сокровищ, – так говорилось в этом дневнике, – была спрятана индейцами, когда Писарро⁵⁷ покорил Перу и умертвил Атахуальпу – сына Хюэйнакапака. После его смерти, говорят, один из младших братьев инки убежал из Перу. Собрав большую армию, он покорил всю область, расположенную между большой рекой Амазонкой и Бараканом⁵⁸, иначе называемым Мараном и Ориноко.

Дон Гузман как будто инстинктивно чувствовал, что книга может оказаться роковой для его победителя. Однажды, еще прежде чем заглянуть в нее, Эмиас начал расспрашивать дона Гузмана об Эльдorado. Дон Гузман ответил с одной из тех своих улыбок, которые (как говорил впоследствии Эмиас) так походили на насмешку, что у Эмиаса часто чесались руки.

– А, вы отведали плодов древа познания, сэр? Хорошо, если у вас есть охота последовать за многими другими славными капитанами в могилу, я не знаю более короткого и легкого пути, чем тот, о котором говорится в этой маленькой книжке.

– Я не открывал вашей книги, – сказал Эмиас, – ваши частные записки меня не касаются, но мой человек, который нашел ваш багаж, прочел часть ее за неимением лучшего. И вы вольны мне ничего не говорить.

Человек, нужно сказать, был не кто иной, как Сальвейшин Иео, который всюду неотлучно следовал за Эмиасом в качестве его телохранителя. Иео остался с Эмиасом, в то время как Карри попал в другое место с сэром Вархамом Леджером, и в течение многих месяцев друзья

---

⁵⁵ Испанский миссионер, автор разоблачительного памфлета об испанских зверствах в Америке.

⁵⁶ Несуществующая, долго разыскиваемая испанцами область необычайно богатых золотых приисков.

⁵⁷ Франсиско Писарро (1475–1541) – один из спутников Эрнандо Кортеса. Писарро с небольшим отрядом отбился от армии Кортеса, заблудился в горах и вышел в Перу, которое и завоевал (1533).

⁵⁸ Порт на северо-востоке Кубы, издавна пункт, указывающий путь мореходам.

встречались лишь изредка; таким образом, единственное общество Эмиаса составлял дон Гузман. Становясь все более фамильярным и относясь все более беззаботно к тому, что он говорит и делает в присутствии своего победителя, испанец часто смущал и возмущал последнего своим поведением.

– Несчастный! – сказал однажды ночью в припадке откровенности дон Гузман. – А разве я не имею права быть несчастным? У меня нет ни одного друга на земле, ни одного дуката, ни даже меча! Ад и фурии! Меч был всем моим достоянием – единственным, что завещал мне отец. Я жил и зарабатывал им. Два года тому назад у меня была кругленькая сумма денег, а теперь?!

– Так что же с ней случилось? Я не слыхал, чтоб наши люди отняли у вас что-нибудь!

– Ваши люди? Нет, сеньор! То, чего не смели сделать пятьдесят мужчин, сделала одна женщина. Разрисованная, раскрашенная, надутая, с мушками, в парике, людоедка! Мегера! Зачем только я попал в этот проклятый Неаполь! Его женщины, я думаю, были бы завтра же поглощены Везувием, если бы черт не боялся, что они сделают самое пекло слишком горячим даже для него. После двадцати лет сражений от Леванта до Ореланы, потому что я начал прежде, чем первый волос появился на моем подбородке, – и такой конец! Нет, это не конец! Я еще попаду в Эльдорадо! Я могу совершить это, сеньор. Я знаю путь, план. Дорога лежит через льяносы. Я буду еще императором Маньоа, я буду обладать всеми драгоценностями инков и золотом, золотом!

Наконец пришло письмо от сэра Ричарда Гренвайля, поздравляющее Эмиаса с его успехами и повышением и содержащее длинное и любезное послание к дону Гузмону, которого Гренвайль знал еще со времен битвы при Лепанто. В письме сэр Ричард предлагал Гузману быть его гостем в Байдфорде, пока не придет выкуп. Предложение это испанец (разумеется, уже достаточно уставший от ирландских болот) с радостью принял.

Один из винтеровских кораблей, возвращаясь в Англию весной 1581 года, доставил до самой набережной Байдфорда дону Гузмана.

Рэли наконец осуществил свое желание и уехал в Англию ко дворцу. А Эмиас остался в Ирландии один с бекасами еще на два длинных скучных года.

Глава X

Как мэр Байдфорда попался на собственную приманку

Дон Гузман прекрасно устроился в Байдфорде и, как настоящий искатель приключений, без ропота примирился с ходом вещей.

Однажды, после того как он провел месяц с Гренвайлем, к ужину явился мэр Байдфорда, старый Солтерн.

Пожав плечами, дон Гузман подчинился необходимости есть и пить за одним столом с торговцем, который сидит за конторкой, ведет счетные книги и принимает учеников. Однако, услышав, как мэр говорит с Гренвайлем – умно и с достоинством, – Гузман сам повел с ним беседу.

К концу ужина Солтерн попросил Гренвайля оказать честь его скромному крову, отужинав с ним на следующий вечер, а затем, обернувшись к испанцу, сказал очень радушно, что если тот удостоит его своим посещением, то найдет достойное угощение. Дон Гузман, будучи рад всякому случаю повеселиться, принял это приглашение и был вознагражден превосходным ужином.

Мистер Солтерн, как умный купец, был, разумеется, готов рискнуть послать свои товары в чужие земли. И поэтому он интересовался всяким гостем, которого подозревал в знании чужих стран. Он не считал постыдным попытаться развязать язык гостю большим количеством хорошего глинтвейна, а затем задать ему осторожно и хорошо поставленные вопросы, касающиеся испанского Перу, Молукки, Китая и прочих стран.

Первое из этих намерений не удалось, так как испанец ничего не пил, кроме воды; второе удалось не слишком хорошо, так как испанец был хитер, как лиса, и ничего не отвечал, кроме пустяков. Во время этого словесного турнира вошла Роза.

Услышав, о чем идет речь, она безыскусно добавляла свои вопросы к вопросам отца. Ей дон Гузман не мог не отвечать и, не разоблачая никаких важных коммерческих тайн, он доставил своему хозяину и его дочери очень занимательный вечер.

За последнее время мысли дон Гузмана приобрели определенную окраску. Пребывая в праздности (к чему вынуждены все пленные) и очень хорошо питаясь (так как Ричард Гренвайль держал прекрасный стол), он уже давно думал, в кого бы влюбиться ради развлечения. Роза Солтерн могла занять пустое место.

Дни текли так медленно, а леди Гренвайль, когда бывала дома, не говорила и не думала ни о ком, кроме своего супруга. Когда же она уехала в Стоу и оставила дон Гузмана одного в большом доме в Байдфорде, ему ничего другого не оставалось делать, как шататься в сад для стрельбы в цель, показывать свой черный плащ и перья, смотреть, как стреляют, играть в волан с юнцами или в шары со стариками и идти, наконец, ужинать к мистеру Солтерну.

То было время первого расцвета английской торговли. Воображение всех купцов Байдфорда и всей Англии было воспламенено проектами открытий, компаний, привилегий, патентов и колоний. Английская торговля распространялась и пускала корни всюду. Дон Гузман, беседуя со своими новыми друзьями, скоро увидел, что они принадлежат к породе, которая должна быть истреблена, если Испания намеревается (а она действительно намеревалась) стать госпожой мира. Недостаточно Испании захватить именем папы весь Новый Свет и объявить своим исключительным правом плавание по американским морям; недостаточно покорить голландцев, недостаточно превратить венецианцев в своих банкиров, а генуэзцев – в своих наемников; недостаточно овладеть вместе с королевством Португалией всей торговлей Португалии с Ост-Индией. Ведь в это время эти островитяне хитрой политикой, текстами из писаний, а там, где их не хватает, меткими выстрелами и холодной сталью утверждают «свободу»

морей и «свободу» торговли. Как и его соотечественники, дон Гузман видел это: поэтому-то и появилась испанская Армада. Дон Гузман знал также благодаря жестокому опыту, что эти самые островитяне, которые сидят в гостинной Солтерна и говорят в нос с настоящим девонским акцентом, умеют не только считать деньги и быть торгашами. Эти люди, предпочитающие делать деньги, могут при случае упорно и жестоко сражаться.

Они вооружают свои торговые суда и наполняют их молодцами, с детства обученными обращению с оружием и получающими распоряжение пускать его в ход без пощады, если какой-нибудь испанец, португалец или другое человеческое существо осмелится помешать им делать деньги.

Однажды вечером испанец дошел почти до бешенства.

Он довольно вежливо намекнул, что, если англичане явятся туда, куда они не имеют права являться, их могут отослать обратно, и получил в ответ залпом:

– Мы это увидим, сэр.

– Зависит от того, кто говорит: «не имеют права».

– Вы основываетесь на силе права, – сказал другой, – когда вы присваиваете себе Индийские моря; мы можем основываться на праве силы, когда пытаемся сделать то же.

– Пытайтесь всеми способами, какие будут вам угодны, и вы найдете священный флаг Испании столь же непобедимым, как некогда был римский орел.

– Мы это сделали. Слыхали вы когда-нибудь о Фрэнсисе Дрейке?

– Или о Джордже Феннере⁵⁹ и португальцах на Азорских островах, как один шел на семейных?

– Или о Джоне Хаукинсе в Сан-Хуан-д'Ульоа?⁶⁰

– Вы – дерзкие мещане, – сказал дон Гузман и ушел, называя себя глупцом и ослом за то, что унился до таких разговоров.

Солтерн пришел к нему на следующий день просить прощения, обещая, что больше не станет приглашать никого из тех, кто был так груб, если только дон Гузман снова удостоит его дом чести своего посещения. Испанец на самом деле успокоился и пришел на следующий же вечер, все время издеваясь над самим собой за то, что идет.

«Эта девушка, кажется, околдовала меня. Я должен идти и проглотить ради нее свою долю унижения».

Он очень ловко намекнул старому Солтерну, что питает к нему такую склонность и чувствует себя настолько обязанным ему за его вежливость и гостеприимство, что не может не сказать ему некоторых вещей, которых не сказал бы никому другому: испанцы столь ревниво относятся не к отдельным торговцам, а ко всякому общему намерению лишить их с трудом завоеванного благосостояния; но для одного человека сейчас есть масса возможностей разбогатеть.

Старый Солтерн, как он ни был проникателен, имел свое слабое место, и испанец затронул его. В восторге от удобного случая проникнуть в тайны испанской монополии, старик часто заставлял Розу привлекать испанца, без малейшего опасения, что она может быть сама увлечена. Солтерн был уверен, что девушка и молодой человек будут держаться в отдалении друг от друга, как существа двух различных пород. Таким образом, случилось, что в течение многих недель и месяцев дом купца был излюбленным пристанищем испанца, и он ежедневно видел Розу Торриджа, а Роза Торриджа слушала его.

Что касается ее, то, бедное дитя, она никогда не видела подобного человека. У него был неисчерпаемый запас чудесных рассказов, как у Эмиаса или даже больше; и он рассказывал их с изяществом и красноречием, которых не было у скромного Эмиаса.

---

⁵⁹ Один из мелких пиратов того времени.

⁶⁰ Сан-Хуан-д'Ульоа (Сан-Хуан-де-Улуа) – остров у побережья Мексики, против города Санта-Крус.

Притом же Гузман был здесь, а братьев Лэй не было и не было никого из прежних поклонников. Что же ей еще оставалось делать, как не развлекаться с единственным человеком, который был возле нее?

Его рассказы, конечно, были достойны того, чтобы их слушать. Он, казалось, бывал всюду и видел все. Рожденный в Перу и десяти лет отосланный домой в Испанию, воспитанный в Италии, солдат на Леванте⁶¹, искатель приключений в Индии, снова в Америке, сначала на островах, затем в Мексике, затем опять посланный назад в Испанию, оттуда в Рим и оттуда в Ирландию, потерпевший кораблекрушение, пленник у дикарей, глядевший в кратеры вулканов, побывавший при всех дворах Европы, сражавшийся с турками, индейцами, львами, слонами, аллигаторами – с кем только он ни сражался! – в тридцать пять лет он видел достаточно для трех жизней и умел использовать то, что видел.

– А теперь, – сказал он Розе однажды вечером, – что осталось у меня кроме сердца, истоптанного, как мостовая? Кого ему любить? Кто его любит? Ему не для чего жить кроме славы, и даже в этом отказано ему, пленнику, в чужой стране.

– Разве у вас нет родных? – спросила жалостливая Роза.

– Обе мои сестры в монастыре – у них нет ни денег, ни красоты, поэтому они умерли для меня. Брат мой – иезуит. Мой отец попал в руки индейцев в Мексике. Моя мать, не имеющая ни гроша вдова, состоит компаньонкой, дуэньей, как бы они ни предпочитали это называть, носящей веер и болонку за какой-нибудь принцессой или другой дамой Севильи. А я, я потерял даже мой меч – такова судьба дома де Сото.

Дон Гузман, разумеется, рассчитывал, что его пожалеют, и его пожалели. А затем он изменил тему и начал рассказывать итальянские истории, принаравливаясь к аудитории: патетические в присутствии Розы и легкомысленные – в ее отсутствие.

Нужны ли еще слова? Прежде чем прошел год, Роза Солтерн была больше влюблена в дона Гузмана, чем он в нее; и оба подозревали чувства друг друга, хотя ни один не выдавал себя, пока дон Гузман не открыл ей своего сердца.

– Я люблю вас, сударыня! – сказал он, бросаясь к ее ногам. – Я обожаю вас. Имейте сожаление ко мне, к моему одиночеству, моей бездомности, к отсутствию у меня друзей. Ах, Роза, простите безумие моей страсти, вы не знаете сердца, которое разбиваете. Холодные северяне, вы плохо представляете себе, как может любить южанин. Не обманывают ли меня мои слезы, или я вижу слезы и в этих лучезарных очах?

– Ступайте, сэра! Вы – дворянин, а я – дочь горожанина. Вам следует помнить об этом, – воскликнула бедная Роза, наконец овладев собой, – и не показывайтесь мне больше на глаза! – И она бросилась прочь из комнаты.

– Ваш раб подчиняется вам, сударыня, и целует ваши руки и ноги навеки, – ответил лукавый испанец и, приведя себя в порядок, спокойно вышел из дома. Она же, бедная дурочка, следила за ним из верхнего окна, и ее сердце невольно сжалось, когда она заметила его веселый и беззаботный вид.

---

⁶¹ Европейское название мусульманской, восточной части Средиземного моря.

Глава XI

Обед во дворце Эннери

В большом зале замка Эннери шло пиршество. В то время как все ели и пили, Рози Солтерн и дон Гузман, делая вид, что не замечают друг друга, усиленно следили один за другим. При этом Рози пришлось быть очень осторожной, так как за столом был не только ее отец: как раз против нее сидели Вильям Карри и Артур Леджер, лейтенанты ирландской армии, приехавшие в отпуск несколько дней тому назад.

Дон Гузман и Рози Солтерн не обменялись ни словом за последние шесть месяцев, хотя встречались много раз.

Испанец не избегал ее общества, но он признал негодной свою первоначальную тактику и теперь стал применять другую, гораздо более опасную. Спокойно и ненавязчиво он показывал ей, что может обойтись без нее, а она, бедная дурочка, тотчас начала спрашивать себя: почему? Шаг за шагом она была доведена до того, что стала домогаться того самого человека, которым пренебрегла когда-то.

В тот день за столом в Эннери она почувствовала себя ужасно уставшей от маски, которую носила. Дон Гузман прочел это в ее беспокойном печальном взоре и, решив, что она уже достаточно наказана, стал украдкой поглядывать на нее, несколько не смущаясь, когда замечал, что, встречая его взгляд, она опускает глаза. Он видел, как ее молчаливость и рассеянность возрастают и как румянец вспыхивает на ее щеках. Тогда он притворился таким же печальным и рассеянным и продолжал на нее поглядывать, пока не заметил, что она смотрит на него.

Теперь он знал, что добыча поймана. Дон Гузман ликующе рассыпался, как соловей на ветке, историями, шутками, меткими словечками и тотчас же сделался душой общества, самым очаровательным собеседником.

Прекрасное зрелище являла в тот день терраса Эннери: дамы в пышных нарядах прогуливались по две и по три взад и вперед перед великолепным домом или любовались парком с его старыми дубами, оленями и спокойной, замкнутой в своих берегах рекой, расстилающейся внизу, как озеро. Все шутили, смеялись; рассматривали платья друг друга и сплетничали о своих мужьях и слугах. Только Рози Солтерн держалась в стороне; ей хотелось спрятаться в угол и плакать или смеяться – она сама не знала.

– Развеселитесь, дитя, – сказала леди Гренвайль, подходя к ней. – Мы просим вас спеть нам.

Рози что-то ответила, сама не зная что, и механически повиновалась. Она взяла лютню и села на скамью перед домом, а все остальные сгруппировались вокруг нее.

Рози пропела старую балладу, почти не слыша ни слов, ни музыки. Как только она кончила, раздался ровный голос с иностранным выговором:

– На Востоке говорят: соловей поет для розы, а Девон более счастливый – обладает и соловьем и розой в одном лице.

– У нас в Девоне нет соловьев, дон Гузман, – сказала леди Гренвайль, – но наши маленькие дрозды поют, как вы слышите, достаточно сладко, чтобы удовлетворить всякий слух. Но что же заставило вас столь рано покинуть мужское общество?

– Эти письма, – ответил он, – мне их только что вручили и, так как они зовут меня домой, в Испанию, я пожалел потерять хотя бы мгновение вдаль от этого восхитительного общества, которого я так скоро буду лишен.

– В Испанию? – спросило полдюжины голосов.

– Да, и оттуда в Индию. Мой выкуп прибыл и вместе с ним – предложение службы. Я буду правителем Ла-Гвайры⁶² в Каракасе. Поздравьте меня с повышением.

Туман застлал взгляд Розы. Как пылают ее щеки! Каждому должно быть заметно. Чем бы отвлечь от себя внимание? И с той нервной поспешностью, которая заставляет людей говорить и говорить глупости, она спросила:

– А где находится Ла-Гвайра?

– На полдороге вокруг света на берегу Антильского моря. Восхитительное место на земле и восхитительнейший дом правителя. В пальмовом лесу у подножия горы восьми тысяч футов вышиною; мне будет не хватать там только жены.

– Я не сомневаюсь, что вы сумеете убедить какую-нибудь прекрасную севильскую леди сопровождать вас туда, – сказала леди Гренвайль.

– Благодарю, милостивая сударыня, но с тех пор, как я имею счастье знать английских леди, я начал думать, что они – единственные на земле, на которых стоит жениться.

Какая-то дама вмешалась в разговор и сделала банальное замечание о ревности испанских мужей.

– Миледи, – вспыхнув, сказал дон Гузман, – поверьте мне, что все это лишь измышления невежд. Если мы более ревнивы, чем другие народы, то это потому, что мы любим более страстно. Я могу рассказать вам ряд историй о постоянстве и преданности испанских мужей даже в Индии, настолько необыкновенных, как будто их выдумал сам рассказчик.

– Тогда мы умоляем вас подарить нам одну из этих историй на прощанье.

Рассказывание в те старинные времена, когда книги были редки, было общепринятым развлечением, и так как искусство испанца в этой области было хорошо известно, все дамы столпились вокруг него, слуги принесли стулья и скамьи, а дон Гузман начал рассказывать длинную и трогательную историю о прекрасной испанке, похищенной влюбленным в нее индейским вождем, и о ее муже, который предпочел умереть, оставаясь вблизи нее, чем бежать и спасти свою жизнь.

Дон Гузман рассказывал для Розы Солтерн. Время от времени он прозрачными намеками давал ей понять, что говорит для нее. Лицо бедной девушки стало малиновым от удовольствия, и она совершенно предалась очарованию. Он все еще любит ее: быть может, он знает, что она его тоже любит. Он должен узнать это когда-нибудь. Теперь она чувствовала, что нет спасения, и была почти рада этому. О, почему так скоро кончился рассказ? Она охотно слушала бы его до самой полуночи. Но она была достаточно умна, чтобы хранить свою тайну про себя, и сидела позади других с жадно горящими глазами и скромно поджатыми губами, преисполненная странного и нового ощущения счастья или несчастья – она сама не знала.

Между тем благодаря устройству дома Карри через окно зала видел и слышал большую часть происходившего.

– Как строит глазки Розы этот испанский крокодил, – шепнул Билл молодому Леджеру.

– Что ж тут удивительного?

– Эй, но черт побери, и она стреляет в его сторону своими томными очами, эта маленькая негодница.

– Что ж тут удивительного? Он не первый, я повторяю, и не последний. Пей, брат.

– Довольно с меня. У меня в голове все смешалось, как на корабле в сильную качку.

С этими словами Карри встал и вышел. Он был трезв, но возбужден вином как раз достаточно для того, чтоб быть готовым ко всякой ссоре. К счастью для себя, он не прошел и двадцати шагов по большой террасе, как встретил леди Гренвайль.

– Не видели ли вы дона Гузмана?

---

⁶² Ла-Гвайра (Ла-Гвейра) – город в нынешней Венесуэле, на северном побережье Южной Америки, возле залива Печального.

– Да, в самом деле, где же он? Нет десяти минут, как он был со мной. Вы знаете, он возвращается в Испанию.

– Возвращается? Разве прибыл его выкуп?

– Да, и вместе с ним назначение правителем одной из областей Индии.

– Правителем? Много добра может он принести управляемым.

– Но почему же нет? Он безусловно очень и очень храбрый человек.

– Храбрый... да, – небрежно ответил Карри. – Я должен найти его и поздравить с полученной честью.

– Я помогу вам найти его, – сказала леди Гренвайль, женским чутьем уже что-то заподозрив. – Сопровождайте меня, сэр.

Но они не нашли дона Гузмана ни в саду, ни в зале для игр.

– Вероятно, – сказала одна из дам, кивнув головой назад, – вы встретите его у Ханкфордского дуба.

– У Ханкфордского дуба? Что его привлекло туда?

– Приятное общество, я полагаю? – Новый кивок. – Я слышала, как он и мисс Солтерн только что говорили об этом дубе.

Карри побледнел и затаил дыхание.

– Очень возможно, – спокойно сказала леди Гренвайль. – Хотите ли вы пойти со мной так далеко, мистер Карри?

Леди Гренвайль желала бы пойти куда-нибудь в другое место, но боялась отпустить Карри одного, предвидя неизбежное столкновение.

Они спустились вниз, прошли мимо оленьего стада и вошли в уединенную долину, где стоял роковой дуб.

Лишь только они приблизились, Карри так крепко сжал руку леди Гренвайль, что она вскрикнула от боли.

– Вот они, – прошептал он, не обращая на нее внимания, и указал на дуб, где, наполовину скрытые высоким папоротником, стояли Розы и испанец. Ее голова лежала у него на груди. Казалось, она дрожала и плакала; он говорил серьезно и страстно. Легкий крик леди Гренвайль заставил их оглянуться. Повернуться и убежать значило во всем сознаться; и оба, тотчас овладев собой, пошли ей навстречу, причем Розы рада была провалиться сквозь землю.

– Помните, – прошептала леди Гренвайль, – вы ничего не видели.

Карри сжал губы и вежливо поклонился испанцу.

– Как я слышал, сеньор, вас можно поздравить с приближающимся отъездом?

– Целую ваши руки в ответ, сеньор, но я хотел бы знать, может ли это дать повод к поздравлениям, принимая во внимание все, что я покидаю?

– Я также, – ответил Карри довольно резко, и все четверо направились обратно к дому. Леди Гренвайль делала вид, что все обстоит как нельзя лучше, и болтала со своими тремя молчаливыми спутниками, пока они снова не взошли на террасу.

Карри ускользнул от нее, лишь только она очутилась за дверью, и бросился к мужчинам. Он весь горел: вся его прошлая страсть к Розы вновь вспыхнула. Билл готов был перерезать испанцу горло. Но он помнил, что Солтерн здесь, и боялся подвергнуть неприятностям Розы. Он не хотел также начать публичную ссору в чужом доме. Ничего не значит! Было б желание, а способ найдется. Он может отвести Гузмана в угол и вызвать на ссору, придравшись к прическе или к цветку его лент. Билл приблизился и, к счастью или несчастью, увидел стоящих вместе в стороне от других сэра Ричарда, испанца и молодого Леджера.

– Итак, дон Гузман, вы ускользнули от нас, пьянчуг, после обеда. Я надеюсь, вы хорошо использовали это время?

– Восхитительно для меня, сеньор, – ответил испанец.

Разъяренный, что ему помешали, он готов был драться, как и Карри, но, разумеется, так же не хотел взрыва, как и тот.

– Говорят, – промолвил Леджер, – что он всех дам заставил плакать своим рассказом, одновременно лишив нас удовольствия, которое мы надеялись получить от его испанских песен.

– Черт побери испанские песни, – пробормотал Карри тихим голосом, но достаточно громко.

Дон Гузман тотчас опустил руку на рукоять своего меча.

– Лейтенант Карри, – грозно сказал сэр Ричард, – по-видимому, вино заставило вас забыть.

– Я так же трезв, как вы сами, но если вам угодно послушать испанскую песню, я спою вам ее. Дрянная песня, как и ее герой.

Дон Десперадо⁶³
Гулял вдоль Прадо,
Встретил врага,
Всадил в него нож,
Лишил его жизни и
Ради спасенья
Удрал без замедленья.

И Билл низко поклонился дону.

Оскорбление было слишком явным, чтоб не понять его.

– Сеньор Карри, мы встретимся?

– Благодарю за быстрое соображение, дон Гузман Мария Магдалина Сотомайор де Сото, где, когда и с каким оружием?

– Что все это значит? – удивленно спросил сэр Ричард. Карри быстро ответил:

– Старая ирландская ссора, уверяю вас, сэр. История многолетней давности. Снимая шлем с сеньора в тот вечер, когда его взяли в плен, я был так неловок, что оторвал ему ус. Вы вспоминаете, конечно, сэр?

– Великолепно, – сказал испанец, а затем, полузабавляясь-полувосхищаясь, несмотря на жестокий гнев, находчивостью, проявленной Карри, чтобы выгородить Розу, он поклонился:

– И мне очень приятно убедиться, что тот, кого я надеюсь иметь честь убить завтра утром, – настоящий джентльмен, чье тонкое чувство приличий делает его вполне достойным меча одного из де Сото.

Карри поклонился в ответ, а сэр Ричард, ясно видевший, что предлог выдуман, пожал плечами.

– Какое оружие, сеньор? – вновь спросил Билл.

– Я предпочел бы лошадь и пистолеты, – сказал дон Гузман спустя мгновение по-испански, наполовину про себя. – Они действуют вернее, чем рапиры, но, – со вздохом и одной из своих улыбок, – нищим не дано выбирать. Мы смоем оскорбление завтра утром простыми рапирами и кинжалами. Кто ваш секундант?

– Мистер Артур Леджер, а кто ваш?

– Я самый подходящий секундант для моего гостя, – сказал сэр Ричард.

– Прекрасно, – сказал Карри, облизываясь при мысли о дуэли. – Рапиры и рубашки, завтра в три утра – таково наше расписание? В каком месте?

---

⁶³ Десперадо – испанское слово, буквально – отчаявшийся, готовый на все человек; обычно: головорез, авантюрист, бандит и т. д.

– На песках с противоположной стороны. К трем вода спадает, – ответил сэр Ричард. – А теперь, джентльмены, – добавил он, – пора присоединиться к играющим.

Они вернулись на лужайку и провели веселый вечер – все, исключая бедной Розы, которая, прежде чем присоединиться к обществу, излила все свои горести перед леди Гренвайль. Добрая женщина повела ее наверх в комнату миссис Леджер и там упростила рассказать правду, что Розы и сделала, хотя это и не принесло ей покоя.

Чудесный день, чудесное место! Все разукрашено праздничными гирляндами, праздничными ароматами, праздничными песнями. Но что делают здесь, на берегу реки, эти четыре закутанные в плащи фигуры, это темное пятно на прекрасном лице летнего утра? Только один из них так весел, как будто и он, подобно всей окружающей природе, готовится к празднику – это Билл Карри. Он выкупался, чтобы охладить себе кровь и придать большую уверенность руке; он намерен навеки прекратить ухаживания дон Гузмана. Настроение последнего сильно отличается от настроения Билла: свирепый и угрюмый шагает испанец взад и вперед по песку.

Он рассчитывает убить Билла Карри, а затем? Станет ли он благодаря этому ближе к Розы? Сможет ли он остаться в Байдфорде? Пойдет ли она за ним? Решится ли он покрыть позором свою семью, женившись на дочери мещанина? Все это очень запутанно и почти безнадежно; дон Гузман твердо уверен лишь в одной вещи, что он до безумия влюблен в эту очаровательную девушку и что, если она откажет ему, он скорее убьет ее своей собственной рукой, чем отдаст другому.

Сэр Ричард Гренвайль также не в лучшем настроении, в чем скоро убедился Леджер, когда оба секунданта начали сговариваться о порядке дуэли.

– Мы не можем допустить гибели ни одного из них, Артур.

– Мистер Карри клянется, что убьет испанца, сэр.

– Он не убьет его, – испанец мой гость. Я несу ответственность за него перед Лэем и за его выкуп также. А как может Лэй принять выкуп, если человек не будет возвращен здоровым и невредимым? Они не станут платить за мертвое тело, мальчик. Жизнь этого молодца стоит двести фунтов.

– Очень невыгодная сделка для тех, кто платит эти двести фунтов. Но что, если он убьет Карри?

– Еще хуже. Карри не должен быть убит. Я очень зол на него, но он слишком хороший парень, чтобы лишиться его. И его отец никогда не простит нам этого. Мы должны остановить их мечи при первой же царапине.

– Они придут в бешенство, сэр.

– Черт с ними. Пусть дерутся с нами, если им не понравится наш совет. Так должно быть, Артур.

– Будьте уверены, сэр, – сказал Артур, – что мы сумеем заставить их подчиниться.

Сэр Ричард улыбнулся и сказал:

– Итак, джентльмены, вы готовы?

– Вполне готовы.

Плащи и камзолы сброшены, люди на местах, рапиры вымерены от рукоятки до острия; сэр Ричард и Леджер становятся по правую и левую стороны от дуэлянтов. Их обнаженные шпаги опущены. Карри и дон Гузман одно мгновение стоят, совершенно выпрямившись. Правая рука вытянута вперед и горизонтально держит длинную рапиру.

Левая прижимает к груди кинжал. Они стоят лицом к лицу, стиснув зубы и крепко сжав бледные губы, столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до двадцати. Леджер слышит биение своего сердца. Ричард Гренвайль внутренне молится, чтобы ни одна жизнь не погибла. Внезапно быстрое движение кисти Карри, прыжок вперед. Блеснул кинжал испанца, и рапира отбита в сторону. Карри отпрянул на шесть шагов, так как испанец в свою очередь бросился на него. Отбой, удар, отбой, сталь звенит, искры летят, люди дышат громко и гневно. Дьяволь-

ская игра началась всерьез. Пять минут подстерегала обоих неминуемая смерть на расстоянии шести коротких дюймов от их буйных сердец, и ни одна царапина не была нанесена. Но вот рапира испанца тронула левую руку Карри. Хлынула кровь.

– А, удар? Удар! Подними шпагу, Арчи.

И шпаги тотчас поднялись.

Карри, раздраженный жгучей болью, пытался приблизиться к врагу, но секунданты скрестили перед ним свои шпаги.

– Довольно, джентльмены! Дон Гузман получил удовлетворение своей чести.

– Но не моей мести, – нахмурился, возразил испанец. – Это дуэль до конца с моей стороны и, полагаю, со стороны мистера Карри также.

– Клянусь, это так! – воскликнул Карри, стараясь прорваться. – Пропусти меня, Артур. Один из нас должен погибнуть. Пропусти меня, говорю я.

– Если вы шевельнетесь, мистер Карри, вы будете иметь дело с Ричардом Гренвайлем! – загремел львиный голос. – Я достаточно уже зол на вас за то, что вы затеяли эту дуэль. Не раздражайте меня более, юный сорвиголова.

Карри угрюмо остановился.

– Вы не знаете всего, сэр Ричард, иначе вы бы так не говорили.

– Я знаю все, сэр; я буду иметь честь сам говорить об этом с доном Гузманом.

– Эге? – сказал испанец. – Вы явились сюда в качестве моего секунданта, сэр Ричард, насколько я понимаю, но не в качестве моего советника?

– Артур, заведи своего молодца. Карри, повинуйтесь мне, как вы повиновались бы своему отцу. Неужто вы не можете поверить мне?

– Уходи, ради бога! – просил бедный Артур, отнимая у Карри шпагу. – Он прав.

Надувшегося Карри увели, а Ричард Гренвайль обратился к испанцу:

– А теперь, дон Гузман, разрешите мне, хоть, право, против моей воли, поговорить с вами по-дружески. Вы простите меня, если я скажу, что не мог не видеть вашего вчерашнего внимания к...

– Не угодно ли вам, сеньор, не упоминать имени ни одной из тех дам, которым я мог вчера выказывать внимание. Я не привык обсуждать свои дела с непрошеными советниками.

– Хорошо, сеньор, если вы видите обиду там, где вас не хотят обидеть. Только я предупреждаю вас, со всяческими извинениями за кажущуюся поспешность, что то желание, которое, по-видимому, есть у вас, вам не позволят осуществить.

– А что может помешать мне? – спросил испанец.

– Разве вам не известно, – ответил сэр Ричард вопросом на вопрос, – что наши миряне смотрят на смешанные браки с неодобрением?

– Брак, сэр? Кто разрешил вам упомянуть при мне это слово?

Взгляд сэра Ричарда омрачился. Испанец возбудил в нем подозрение, которое не вполне соответствовало действительности.

– Возможно ли, сеньор дон Гузман, что я, к стыду моему, должен употребить худшее слово?

– Говорите все, что хотите, сэр. Все слова для меня одинаковы, так как, справедливы они или нет, я одинаково буду отвечать на них только мечом.

– Если вы сочтете возможным позабыть то, что вы сейчас произнесли в вполне простительном порыве гнева, вы найдете во мне, как всегда, самого преданного слугу и хозяина. В противном случае вам надлежит лишь указать, куда угодно вам, чтоб были посланы ваши вещи, и я с безграничным сожалением подчинюсь вашему приказанию.

– В ближайшую таверну, сеньор, – принужденно ответил дон Гузман и быстро удалился.

Его багаж был послан по указанию. В тот же день он нанял лодку до Аппельдора и исчез неизвестно куда.

Всем провинциальным городам свойственна любовь к скандалам, и хотя все участники старались сохранить дуэль в секрете, но еще до обеда весь Байдфорд знал, что произошло, и даже много больше. Хуже того, бедная Роза в мучительном страхе видела, как сэр Ричард Гренвайль вошел в комнату ее отца и, запершись с ним, просидел больше часа. Когда он ушел, старый Солтерн пришел наверх с палкой в руках и, основательно выбравив ее за нечто гораздо худшее, чем флирт, так ее поколотил, что ее бедные бока в течение долгого времени были покрыты черными и синими пятнами. Затем, посадив дочь перед собой в седло, он отвез ее за двадцать миль в ее старую темницу на мельнице Стоу и приказал ее тетке смирить ее дерзкий нрав, посадив ее на хлеб и воду. Это приказание было охотно исполнено старой дамой, которая всегда таила злобу против Розы. Среди злых шуток, насмешек и почти открытых намеков на то, что она – позор своей семьи, невинное дитя в течение двух недель орошало слезами свою подушку, простирая руки к далекому океану, призывая дону Гузмана вернуться и взять ее, куда он хочет, а она будет жить для него и умрет за него. И, быть может, она звала не напрасно.

Глава XII

Как Эмиас второй раз вернулся домой

После долгих лет отсутствия Эмиас возвращался на родину. Грустные мысли овладели им, когда он увидел перед собой широкую сверкающую реку, длинный мост и белые домики, лепящиеся по склону холма. Его мать не жила больше в Бэруффе. Уступая настояниям своего старшего сына, она переселилась к нему в Лондон. И – увы! – Норшэм и Байдфорд также опустели для Эмиаса, так как, подъехав к дому Ричарда Гренвайля, он узнал, что тот в Ирландии, а леди Гренвайль – в Стоу. Тогда он поехал обратно вдоль главной улицы к той самой корабельной таверне с низкими окнами, где принесло свою клятву братство Розы, и уселся в той же комнате, где они ужинали.

– А! Капитан Лэй, – засуетился хозяин. – Байдфорд совсем опустел, и в нем нет ничего интересного, сэр. Закажите пинту хересу, сэр, для аппетита. Помните вы мой старый херес? Джен! Хересу и сахару, живо, пока я стащу сапоги с капитана.

Эмиас сидел усталый и грустный, а хозяин гостиницы продолжал болтать.

– Ах, сэр. Странные дела творятся со времени вашего отъезда. Вы должны знать испанского капитана, пленника?

– Того, что я прислал сюда из Смервика?

– Вы прислали? Тогда вы, быть может, уж слышали?

– Как мог я слышать? Что?

– Он удрал.

– Не уплатив выкупа?

– Этого я не могу сказать, но с ним ушла и девушка, дочь Солтерна.

– Розы Солтерн, дочь мэра – Роза Торриджа?

– Да, она, но что с вами?

Эмиас откинулся на спинку кресла с таким расстроенным лицом, что хозяин, взглянув на него, сказал себе:

«А, бедный молодой человек, он – один из тяжело пострадавших».

– Как старик? – спросил Эмиас, помолчав немного.

– Переносит это довольно хорошо, сэр, но он очень изменился. Ни с кем не разговаривает. Некоторые говорят, что у него голова не совсем в порядке; он стал скупым, ничего не ест, кроме хлеба, и не пьет, кроме воды, и целые ночи напролет проводит в ее комнате, перебирая ее платья. Говорят, что он был слишком строг с ней, и это довело ее до такого поступка. Я знаю одно, что он ни разу не зашел сюда выпить хоть каплю вина (а он приходил каждый вечер аккуратно, словно городские часы), с тех пор как она ушла. Он пришел только один раз, дней десять тому назад; он тогда встретил у дверей молодого Карри, и я слышал, как он спросил мистера Карри, когда вы вернетесь.

– Надень мне опять сапоги. Я пойду повидать его.

– Но не увидите же вы так поздно с пустым желудком?

– Наполни желудки моих людей и не беспокойся о моем. Сегодня базарный день, не правда ли? Пошли узнать, в городе ли еще Карри.

И Эмиас быстро вышел и пошел вдоль набережной к Мостовой улице. Он постучал в дверь Солтерна. Солтерн сам открыл ему со своей обычной суровой вежливостью.

– Я видел, как вы шли по улице, сэр. Входите же, входите. Я разучился быть вежливым. – Он ввел Эмиаса в гостиную и сейчас же послал учеников в одну сторону, а повара – в другую.

– Вы не должны беспокоить себя, чтобы раздобыть мне ужин.

– Я должен, сэр, и ужин и лучшее вино; у старого Солтерна была не одна бочка аликантского в старое время, в старое время, сэр.

И старик вышел отдать распоряжения. Эмиас сел, ожидая, что будет дальше, смущенный внезапной веселостью старика и его гостеприимством, так не похожим на то, что он ждал на основании слов хозяина гостиницы. Спустя минуту один из учеников вошел, чтоб накрыть стол, и Эмиас спросил его, как живет его хозяин.

– Спасибо, что вы пришли, сэр, – сказал мальчуган.

– Но почему?

– Потому что будет повод для нас, бедных, получить немного жареного мяса. Мы наполовину умерли с голоду за эти три месяца – хлеб и сало, хлеб и сало – ох, горе! А теперь он послал в гостиницу за цыплятами, за дичью и салатом и за всем, что только можно купить за деньги, а вниз в погреб вытащить лучшее вино. – И мальчик громко чмокнул губами в предвкушении вкусного ужина.

– Он лишился рассудка?

– Я не могу сказать. Но он говорит: ему нужно собрать много денег, потому что он собирается начать большое дело, а какое, он никому не говорит. Его теперь по всему городу все называют «хлеб и сало», – по секрету сообщил Эмиасу ученик.

– Они называют, называют, бездельник! Вот увидишь, завтра начнут называть меня «хлеб без сала». – И старый Солтерн, подойдя сзади, хотел было дать бедному малому по уху, но, к счастью, вспомнил, что держит по паре бутылок в каждой руке.

– Дорогой сэр, – сказал Эмиас, – не думаете же вы, что мы вдвоем выпьем это вино?

– Почему нет, сэр? – ответил Солтерн отвратительным полуиздевательским тоном, поглаживая свой подбородок и четырехугольную седеющую бороду. – Почему нет? Почему мне не веселиться, когда я имею честь принимать у себя в доме благородного капитана, капитана, который плавал по морям и резал горло испанцам и может еще перерезать, сэр?

«Какая цель у этого старика? – подумал Эмиас. – Лыстит он мне или издевается надо мной?»

– Гм! А! Не имеет смысла торопиться. Я не торопился. Нет, я ждал вас; и вот вы явились, и вам рады, сэр! А вот и ужин – неважный, как видите. Каплун и пара куропаток. Я не имел времени приготовить вам угощение, какого вы заслуживаете.

И так продолжалось в течение всего ужина. Старик не позволил Эмиасу вставить ни слова, осыпая его грубой лестью и заставляя пить, а когда убрали со стола и собеседники остались вдвоем, он стал настолько невыносим, что Эмиас принужден был добродушно пожуричь его.

– Я буду откровенен с вами. Вы слышали, вы слышали, что со мной случилось, с тех пор как вы видели меня последний раз?

Эмиас кивнул головой.

– Я так и думал. Весть о позоре быстро распространяется. Теперь слушайте меня, капитан Лэй. Что бы вы сделали на моем месте?

– Гм, – ответил Эмиас, – это сильно зависело бы от того, было ли бы «мое место» вызвано моей собственной виной или нет.

Неожиданно Солтерн поднялся и сказал:

– Пойдемте со мной наверх, сэр, раз вы не хотите больше пить. У меня слабость к вам. Я наблюдал за вами с той поры, как вы были мальчиком; я доверяю вам и покажу вам то, чего не показывал ни единому смертному, исключая одного человека.

И, взяв свечу, старик пошел вперед, указывая дорогу наверх, а Эмиас, полный удивления, следовал за ним. Старик остановился у одной двери и открыл замок.

– Здесь, входите. Эти ставни не открывались с тех пор, как она... – И старик замолчал.

Эмиас оглядел комнату. Это была низкая, обитая панелями комната безукоризненной чистоты. Белоснежные простыни на постели были подвернуты, как бы приготовленные для своей владелицы. На полке были расставлены книги, а на столе стояли свежие цветы. На туалетном столике красовался целый женский мир булавок, колец и брошек. Даже платье лежало на спинке стула. Ясно было, что все сохранилось в том самом виде, как было оставлено.

– Это была ее комната, сэр! – прошептал старик. Эмиас молча кивнул и подался немного назад.

– Вы не должны стесняться войти сюда теперь, – зашептал старик с насмешкой. – Здесь давно уже не было ни одной живой души.

Эмиас вздохнул.

– Я подметаю ее сам каждое утро и держу все в чистоте. Взгляните сюда!

И он открыл шкаф, где лежали в ряд куклы Розы и ее старые детские игрушки.

– Это самое приятное для меня место во всей комнате, так как они напоминают мне то время... А теперь, – шепнул старик, – еще одна вещь. Посмотрите сюда!

И, вытащив ключ, он открыл сундук.

– Смотрите сюда. За две тысячи фунтов нельзя купить этот сундук. Двадцать лет собирал я эти вещи. Здесь цвет того, что было куплено во время многочисленных поездок на Левант и в Вест- и Ост-Индию. – Старик пожирал глазами свои сокровища.

– А для кого, думаете вы, я все это хранил? Это предназначалось ко дню ее свадьбы – ее свадьбы. Вашей свадьбы, если вам угодно! Да, вашей, сэр! А теперь, – сказал он, указывая на открытый сундук, – вот то, чего я хотел, а вот, – указывая на пустую кровать, – то, что есть. Ничего не поделаешь. Пойдемте вниз кончать вино. Я вижу, все это мало вас трогает. И почему это должно вас трогать? Идем и будем веселы, пока вы молоды! И все же все это могло быть вашим. И – но я не думаю, что вы из тех, кого можно купить деньгами, – все это еще может быть вашим и двадцать тысяч фунтов в придачу.

– Мне не нужно денег, сэр, мне нужно только то, что я могу заработать своим мечом.

– Заработайте мои деньги в таком случае!

– Чего вы хотите от меня?

– Чтоб вы сдержали вашу клятву, – ответил старый Солтерн, хватая его за руку и смотря ему в лицо испытующим взглядом.

– Мою клятву! Откуда вы знаете о ней?

– А! Я полагаю, вы были смущены ею на следующий день! И в пьяной шалости – везде дочь какого-то купца! Но нет ничего тайного, что не стало бы явным, и всякое скрытое деяние находит своего глашатая.

– Смущен ею я никогда не был, но я имею право спросить вас, откуда вы о ней узнали?

– Что, если бедный, толстый, плаксивый малый, которого вы обманули, сделав из него мишень для насмешек, пришел ко мне в моем одиночестве и поклялся, что, если вы не сдержите своего слова, он, шут, сдержит?

– Джек Браймблекомб?

– И что если я привел его туда, куда привел вас, и показал ему все, что показал вам, и, вместо того чтобы стоять неподвижно, как сделали вы, он упал на колени у изголовья кровати и плакал, пока открылось мое суровое сердце в первый и последний раз, и я упал на колени и стал плакать вместе с ним?

– Я не создан для слез, мистер Солтерн, – заявил Эмиас, – мое дело действовать. Покажите мне, что я могу сделать; потом у вас будет достаточно времени упрекать меня в том, что я не выполню.

– Вы можете перерезать горло этому молодцу?

– Потребуется очень длинное оружие, чтобы достать его.

– Я полагаю, что добраться до Испанского моря не труднее, чем объехать вокруг света.

– Мой дорогой сэр, – сказал Эмиас, – в настоящее время я не имею других мирских благ, кроме моей одежды и моего меча, поэтому мне не совсем ясно, как могу я добраться до Испанского моря?

– А вы полагаете, что я намекнул бы вам на подобную поездку, если б считал, что вам придется тратиться на нее? Нет, если вам понадобятся две тысячи фунтов или пять тысяч, чтоб снарядить корабль, вы их получите! Вы их получите! Я копил деньги для своего ребенка, теперь я буду их тратить, чтобы отомстить за него.

Эмиас молчал несколько мгновений. Старик все еще держал его за руку.

Глава XIII

Как Эмиас отправился искать новые рынки для английских изделий

Недель через шесть после дуэли мельник из Стоу явился в господский дом в большом смятении и попросил займы собак-ищеек: Розы Солтерн исчезла ночью, никто не знал куда.

Сэр Ричард был в Байдфорде, но старый слуга на свою ответственность послал за собаками, и ловчие отправились на мельницу в сопровождении всех досужих мальчишек прихода, решивших, что охота за девушкой – прелестная игра, и, разумеется, смотревших на случившееся с самой благоприятной для Розы точки зрения. Они откровенно ругали мельника и его жену за их жестокосердие и не сомневались, что они заставили бедную девушку броситься со скалы или утопиться в море. В то же время все женщины в Стоу единогласно утверждали, что плутовка с кем-нибудь сбежала. Достоверно было одно: все драгоценные безделушки Розы остались целы, все было на месте, за исключением небольшого количества белья.

Единственным следом был маленький отпечаток ноги под окном ее спальни. К нему подвели ищеек. Они завыли, потом громко залаяли и пустились через ворота сада, вдоль переулка, таща за собой задыхающихся ловчих, пока очутились над дюнами. Они подбежали прямо к «Марачандскому устью» и, задыхаясь, ткнулись в дверь Люси Пассимор.

Люси была теперь вдовой и находила, что вдовство не очень противоречит ее интересам. Ее предсказание насчет ее старого мужа исполнилось. Он больше не вернулся с той ночи, как ушел в море с Евстафием и иезуитами.

Что общего имела Люси с исчезновением Розы и где была сама Люси? Ее дверь была на запоре, и вокруг стояло стадо коз, тщетно призывающих хозяйку выйти и подоить их. А с верхушки дюны ее ослы, бредущие на свободе, отвечали на лай ищеек гармоничным ревом.

– Они смеются над нами, ловчие, наверное, мы даром теряем здесь время.

Но ищейки, повозившись немного около двери, повернули вниз по долине и, нигде не останавливаясь, добежали до самой воды.

– Они уехали морем. Идем обратно и разнесем дом старой колдуньи.

На обратном пути ловчие напали на коттедж и с общего согласия разграбили маленький домик, частью из негодования, а частью (по правде сказать) в надежде на добычу. Но никакой добычи не оказалось. Люси удрала со всем своим движимым имуществом, за исключением огромного черного кота.

Коз и ослов пригнали в Стоу. И вся ватага, когда прошел ее быстрый гнев, вернулась туда же. Ричард Гренвайль продал ослов и коз, обещая возместить Люси все потери, если она явится и отдаст себя в руки правосудия.

Но Люси не вернулась. Несколько дней спустя Ричард по дороге из Байдфорда в Стоу заглянул в Кловелли и упомянул между прочим о новостях, которые заставили Билла Карри подпрыгнуть до потолка.

– И нет никаких указаний? – спросил старый Карри, так как сын его безмолвствовал.

– Только одно: я слышал, что какой-то парень, бродивший в ту ночь по скалам, видел лодку, плывшую по направлению к Лэнди.

Билл встал и поспешно вышел из комнаты. Через полчаса он и несколько вооруженных слуг сидели в рыбацкой лодке, плывшей в Лэнди. Он не возвращался в течение трех дней. По приезде рассказал, что какой-то старый человек, по-видимому, иностранец, поселился несколько месяцев тому назад в одной половине разрушенного замка Мореско, арендуемого неким Джоном Брауном. Через несколько недель к нему приехал на корабле молодой человек, тоже иностранец – корабль был из Флешингера, или Истерлинга, или откуда-то в этом роде.

Корабль приходил и уходил не один раз, и молодой человек приезжал и уезжал на нем. Через несколько дней вместе с ним приехала в замок дама с толстой служанкой, и они долго разговаривали о чем-то со стариком так, чтобы никто не слышал. Они пробыли там всю ночь, а затем утром все трое уехали на корабле. Рыбак на берегу слышал, как молодой человек называл старого отцом. Последний был очень тихий человек. Больше никто ничего не знал.

Билл Карри в течение некоторого времени был похож на помешанного. Он осыпал себя всевозможными напрасными упреками. Леджер, который был очень рассудительным человеком, тщетно старался убедить Билла, что здесь вовсе не было его вины, что те двое привязались друг к другу задолго до ссоры, что это должно было так кончиться рано или поздно, что строгость старого Солтерна ускорила катастрофу больше, чем ярость Карри, и, наконец, что Розы и ее судьба теперь, когда она убежала с испанцем, больше не стоят того, чтобы ломать из-за них голову.

Бедный Билл никак не мог успокоиться.

После того дело на несколько дней заглохло, пока не выступил на сцену некто, кто совсем не собирался дать ему заглохнуть – Джек Браймблекомб, ныне викарий города Хартланда.

– Я надеюсь, вы не обидитесь на меня, мистер Вильям, но когда собираетесь вы и другие отправиться за... за ней? – Имя застряло у него в горле.

Карри смутился.

– Тебе какое дело, Катилина, пьющий кровь? – спросил он, пытаясь смеяться.

Но Джек пристально смотрел ему в лицо и после некоторого молчания спросил:

– Как далеко до Каракаса, сэр?

– Что тебе до того, дружище?

– Я слышал, он назначен туда правителем, значит – это место, где ее можно найти.

– Не собираешься же ты отправиться туда отыскивать ее? – воскликнул Карри с насильственным смехом.

– Это зависит от того, смогу ли я отправиться; но если я смогу наскрести денег или получить место на каком-нибудь корабле, это будет исполнено.

Билл посмотрел на Браймблекомба, чтобы убедиться, не пьян ли тот, не сошел ли с ума. Но маленькие свиные глазки были трезвы. Билл не знал, что ответить. Смеяться над бедным малым было очень легко, отрицать, что он прав, было труднее.

– Вы увидите, – сказал Джек со свойственным ему глупым упорством. – Это трудно лишь с первого взгляда, и, кроме того, никому не причинит вреда, если я никогда не вернусь.

Карри изумленно молчал.

– Одолжите мне пять фунтов и возьмите в залог мои книги, чтобы помочь мне уехать.

– Ты сошел с ума или гредишь. Ты никогда не найдешь ее.

– Это не основание не искать ее.

– Но, мой добрый друг, если ты даже доберешься до Индии, то попадешь в руки инквизиции и тебя сожгут живьем, – это так же верно, как то, что твое имя Джек.

– Я думал об этом, – ответил Джек страдальческим тоном. – И я перенес тяжкую борьбу со своей плотью, так как я – большой трус, подлый трус и всегда им был, вы знаете. Но пусть лучше меня сожгут и все будет кончено, чем жить дальше таким образом! – И Джек горько заплакал.

– Я хотел бы знать, что сказал бы на все это Эмиас Лэй, будь он дома?

– Сказал бы? Он сделал бы. Он не из тех, кто разговаривает. Он пойдет за нее в огонь и воду, поверьте мне, Билл Карри, и назовите меня ослом, если он этого не сделает.

– Будь рассудителен, Джек. Если ты подождешь, как разумный и терпеливый человек, вместо того чтобы очертя голову бросаться навстречу гибели, что-нибудь может выйти.

– Вы так думаете?

– Я не могу обещать, но... ты не должен ехать, пока не вернется Эмиас. Жизнью клянусь, я все расскажу твоему отцу, если ты не обещаешь мне сделать так, как я говорю, а отца ты не посмеешь послушаться.

– Я не уверен даже в этом, по совести говоря, – с выражением сомнения промолвил Джек.

– Во всяком случае, ты останешься пообедать со мной, старина, и мы обсудим, нарушил ты пятую заповедь⁶⁴ или нет.

Джек любил (как мы знаем) хорошо покушать, и любовь его слишком часто оставалась неудовлетворенной, поэтому он подчинился, и Карри думал, когда Джек уходил, что почти уговорил его. По крайней мере Джек отправился домой, и в течение недели его не было видно.

Но к концу этого срока он вернулся и радостно сообщил:

– Я все устроил, мистер Билл, я отправляюсь в Лондон переговорить с Фрэнком.

– В Лондон? Как ты туда попадешь?

– На своих на двоих, – ответил Джек, указывая на свои кривые ноги. – Но я надеюсь получить место на каком-нибудь каботажном судне до Бристоля, а оттуда, я слышал, остается уже совсем незначительное расстояние.

Напрасно старался Карри разубедить его. Получив насильно врученную ему маленькую ссуду, Джек ушел.

Через некоторое время он опять появился в поместье Кловелли, как раз перед ужином, похуевший и усталый, и уселся среди слуг, пока не появился Билл.

Билл позвал его наверх и после ужина отвел в сторону и спросил, что он успел.

– Я узнал, что есть на земле человек, который любит ее еще больше, чем я. Он говорит то, что я говорю: «поезжай!», и он говорит то, что вы говорите: «жди!»

– Что ж ты решил?

– Я послушаюсь того, кто лучше меня, и подожду.

И в тот же вечер Джек отправился домой в свой приход, несмотря на усталость и на все уговоры провести ночь в Кловелли.

Но его пребывание оставило ряд мыслей в голове Карри, которые не давали бедняге покоя ни днем ни ночью, пока незначительный случай не облек их внезапно в определенную форму.

В один пасмурный день Билл шатался (как он рассказывал потом Эмиасу) по набережной Байдфорда, когда подошел Солтерн. Карри избегал его раньше отчасти из деликатности, отчасти из неприязненного отношения к его предполагаемому жестокосердию. Но на этот раз они встретились лицом к лицу, и Карри не мог пройти мимо, не заговорив с ним.

– Ну, мистер Солтерн, как подвигается морская торговля?

– Подвигалась бы достаточно хорошо, сэр, если бы кто-нибудь из вас, молодых, последовал примеру мистера Лэя и отправился искать за нас, остающихся дома, новых рынков для наших изделий.

– Что? Вы хотите избавиться от нас, а?

– Не знаю, зачем мне этого хотеть, сэр. Нам не придется теперь столкнуться, как некогда могло случиться. Но если бы я был на вашем месте, я уже сейчас был бы в Индии, если б не сражался где-нибудь ближе к дому.

– В Индии? Вряд ли бы мне удалось ремесло Дрейка. На этом беседа прервалась, но Карри не забыл намека.

– Одним словом, брат, – сказал он Эмиасу, – если ты собираешься принять предложение старика, я тоже последую с тобой за бедой или победой. Если она с ним, мы найдем их в Ла-Гвайре.

– А если их там нет, Билл, найдутся корабли с драгоценными грузами, и стыдно нам будет, если мы вернемся домой с пустыми руками.

---

⁶⁴ Пятая заповедь: «Чти отца и мать своих, дабы Господь продлил дни твои на земле».

– Только помни, если мы поедем, мы должны взять с собой Джека Браймблекомба, не то он пронзит себя оленьим рогом.

– Джек непременно поедет. Никто не заслуживает этого больше, чем он.

Затем последовало длинное совещание по практическим вопросам, и было решено, что Эмиас поедет в Лондон навестить Фрэнка и свою мать, прежде чем предпринять какой-либо дальнейший шаг.

И на следующее утро Эмиас отбыл в Лондон.

Глава XIV

Как появился славный корабль «Рози»

Возьмем лодку у лестницы Уайтхолла, как сделал Эмиас, и проскользнем впереди него под старый лондонский мост и дальше к набережной Дартфорда, где стоит как бы набальзамированный знаменитый корабль «Пеликан», на котором Дрейк совершил плавание вокруг света.

Корабль стоит на суше, на поросшем травой берегу Темзы, выставленный напоказ, а сверх того служит обеденным залом для веселых компаний из Сити.

Одна из таких компаний находится сегодня на борту. Мэр дает обед группе людей, интересующихся открытием новых стран. Здесь были богатые купцы – искатели приключений, отважные мореплаватели и среди них наши старые знакомые – адмирал Винтер, капитан Рэли и Фрэнк Лэй.

В это время слуга докладывает, что там снаружи высокий джентльмен желает говорить с сэром Вальтером Рэли.

– Веди его сюда, малый!

Эмиас вошел и в раздумье остановился у двери.

– Капитан Лэй! – вскричало полдюжины голосов.

– Почему вы не вошли, сэр? – спросил один из присутствующих. – Вы достаточно хорошо должны знать дорогу среди этих палуб.

– Достаточно хорошо. Но, джентльмены, вы простите меня. – И он бросил на Рэли взгляд, значение которого тот сразу понял.

Побледнев как смерть, он встал и последовал за Эмиасом в соседнюю каюту. Они пробыли там вместе пять минут, а затем Эмиас вышел один. В немногих словах он рассказал всему обществу грустную историю о смерти брата Рэли, Гомфри Джильберта. Рэли вернулся через несколько минут, но был молчалив и скоро вышел позвать ялик, сделав Эмиасу знак следовать за ним. Фрэнк поехал за ними на другой лодке.

Эмиас и Фрэнк вместе с матерью стояли во дворце у окна, выходящего на реку, говорили о различных вещах и внимательно смотрели на лица друг друга при свете умирающего дня, так как три года прошло с тех пор, как они виделись в последний раз.

Длинные локоны Эмиаса были срезаны, но в вознаграждение за их потерю подбородок был покрыт густой золотистой бородой; его лицо потемнело от солнца и бурь; длинный шрам, трофей боя, перерезал его правый висок; его громадная фигура приобрела ширину, пропорциональную ее вышине, а его рука, лежавшая на подоконнике, была жестка и массивна, как рука кузнеца. Фрэнк положил на нее свою. Эмиас посмотрел и испугался контраста – так слабы, бескровны, прозрачны были тонкие пальцы придворного. Эмиас беспокойно заглянул в лицо брата. Конечно, оно изменилось с тех пор, как они виделись в последний раз. Сверкающий румянец еще сиял на щеках, но белизна поблекла и затуманилась; губы были бледны, черты лица заострены; глаза горели неестественным огнем; а когда Фрэнк заметил, что Эмиас постарел, Эмиас не мог удержаться от мысли, что это замечание было гораздо более верно в отношении самого говорившего.

Стараясь закрыть глаза перед неизбежностью, Эмиас продолжал свою болтовню, спрашивая название одного здания за другим.

– Итак, это древняя матушка Темза?

– Да, ее берега очень хороши, но, видишь, она не может остановиться, чтобы взглянуть на них. Она стремится к морю, а море – в океан, а океан – вперед на запад. Все движется на запад. Быть может, мы когда-нибудь двинемся сами по той же дороге, Эмиас.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что океан следует изначальному движению и всегда течет с востока на запад. Что может быть странного в моих мыслях об этом, когда я только что вернулся с праздника, где мы пили за успех движения на запад? Разве не запад – страна покоя и грез? Эта страстная тяга на запад заложена в глубине человеческой души. Я не жалею никого из бежавших туда, за отдаленнейшие моря.

– Не жалеешь никого из бежавших туда? – спросил Эмиас.

Фрэнк пытливо посмотрел на него, а затем ответил:

– Нет. Если бы я и жалел кого-нибудь, то только тебя, так как ты, кажется, устал от путешествий на запад.

– Значит, ты хотел бы, чтобы я туда поехал?

– Не знаю, – промолвил Фрэнк после минутной паузы, – но я должен рассказать тебе теперь, я полагаю, то, что случилось в Байдфорде, где...

– Пощади нас обоих, Фрэнк, я все знаю. Я был в Байдфорде и приехал сюда не просто повидать тебя и мою мать, но спросить твоего совета и ее разрешения.

– И взять меня с собой?

– Дорогой мой, один месяц путешествия убьет тебя.

Фрэнк улыбнулся и свойственным ему движением склонил голову набок.

– Я принадлежу к школе Фалеса⁶⁵, который утверждает, что жизнь зародилась в океане. Меня не пугает мысль вернуться в его лоно.

– Хорошо было бы, – сказала мать, – если бы я тоже могла отправиться с вами и разделить вашу участь. Послушай, – продолжала она, кладя голову на грудь Эмиаса и с улыбкой заглядывая в лицо ему, – я слышала и раньше о героических матерях, которые шли в битву со своими сыновьями и ободряли их к победе. Почему не могу я отправиться с вами с более мирной целью? Я могла бы ухаживать за больными, если кто-нибудь заболеет. Наконец я смогу чинить и стирать для вас. Я полагаю, на море не труднее играть роль хорошей хозяйки, чем на берегу? Возьми меня!

Эмиас переводил взгляд с одной на другого.

– Матушка! Вы не знаете, о чем просите. Я не хочу, Фрэнк, брать тебя с собой. Это более суровое дело, чем кто-либо из вас может себе представить. Дело, которое должно быть сделано огнем и мечом.

– Почему? – воскликнули оба в ужасе.

– Я должен платить своим матросам и своим товарищам, искателям приключений, и должен платить им испанским золотом. И, больше того, как могу я отправиться в Испанское море из-за своей личной ссоры, если я не буду в то же время бороться с врагами моей родины?

– Неужели и Фрэнк тоже так думает? – произнесла миссис Лэй наполовину про себя.

Но ее сыновья поняли, что она хочет сказать.

Воинственную жизнь Эмиаса она приняла как грустную необходимость. Но чтобы и Фрэнк также сделался человеком крови – с этим ее сердце не могло примириться. Слишком ужасным казалось соединение его ума с ужасами и резней войны. И, хватаясь за последнюю надежду, она ответила:

– Наконец Фрэнк должен спросить разрешения королевы, и, если она разрешит, как могу я противоречить?

На этом беседа грустно оборвалась.

Разрешение Фрэнк получил. Мать с сыновьями вернулись в Байдфорд и принялись за работу. Фрэнк закладывал ферму. Билл Карри делал то же (ему осталось от матери небольшое имущество). Старый Солтерн снарядил прекрасный корабль в двести тонн и, сверх того, дал пятьсот фунтов на его оборудование. Миссис Лэй день и ночь готовилась. Эмиасу нечего

---

⁶⁵ Философ Древней Греции.

было дать, кроме своего времени и своих мозгов, но, как сказал старый Солтерн, без этого все остальное было бы им ни к чему.

День за днем Эмиас и старый купец являлись на корабль, наблюдая собственными глазами за установкой каждой снасти и каждого паруса. Карри занимался набором рекрутов и оказался благодаря своим шуткам и щедрости лучшим из вербовщиков. В то же время Джек Браймблекомб вне себя от радости ковылял за ним из таверны в таверну, с одной набережной на другую и так горячо проповедовал, что Эмиас мог заполучить полтораста забубенных голов в первые же две недели.

Но Эмиас лучше знал, что ему нужно. Он твердо решил не брать никого, кроме испытанных людей; и, потрудившись как следует, он их раздобыл. Лишь одного повесу принял Эмиас в свою команду. Звали его Парракомб. Он был школьным товарищем Эмиаса и сыном байдфордского купца. Это был один из тех людей, которые «не бывают врагами никому, кроме самих себя». Красивый, ленивый, неглупый малый, он употреблял приобретенные им в школе поверхностные познания преимущественно на сочинительство песенок. Пропив все, что было ценного в доме, он в припадке раскаяния проклял пьянство и замучил Эмиаса просьбами взять его в море. Впоследствии он сделался таким же хорошим матросом, как все остальные, но жестоко скандализировал Джека Браймблекомба всевозможными еретическими рассуждениями.

Однажды, вскоре после того, как Эмиас согласился дать этому старому товарищу место на корабле, Эмиаса, направлявшегося по делам в Аппельдор, остановили у дверей маленькой гостиницы «Привал моряков». Его просили извлечь оттуда бедного Билла Парракомба, который (несмотря на свою клятву) напился и буянил, угрожая смертью хозяйке и всей ее родне. Эмиас вытащил его за шиворот и повел домой в Байдфорд. По дороге Билл рассказал ему длинную и запутанную историю. Какой-то бродячий цыган встретил его сегодня утром на песках близ Боазиса, предложил погадать ему и предсказал ему много денег и почестей; потом заманил его в «Привал моряков» и стал играть с ним на выпивку, при этом Билл все время выигрывал и, разумеется, сейчас же пропивал свой выигрыш. Затем бродяга начал задавать ему всякие вопросы относительно предполагаемого путешествия «Рози», и на многие из них, признался Билл, он ответил, прежде чем распознал намерение молодца, после чего тот предложил ему большую сумму денег, чтобы он сделал какую-то отчаянную гадость, но какую именно – убить ли Эмиаса, или проткнуть дно славного корабля «Рози», или поджечь Торридж посредством черной магии – он не помнит. Эмиас счел три четверти этой истории пьяным вымыслом и удовлетворился, добившись приказа о смещении хозяйки за укрывательство бродяг цыган, что было тогда тяжким преступлением, ибо одежда цыган была излюбленной маской иезуитов и их лазутчиков. Она, разумеется, утверждала, что никакого цыгана не было. При этом Эмиас воспользовался случаем спросить, что стало с подозрительным папистским конюхом, которого он видел в «Привале моряков» три года тому назад. К своему удивлению, он узнал, что этот конюх исчез в день отъезда донна Гузмана из Байдфорда. Очевидно, тут скрывалась какая-то тайна, но ничего определенного нельзя было доказать. Хозяйка была уволена с выговором, а Эмиас, сильно выбравив Парракомба, скоро забыл всю эту историю. Во всяком случае, Парракомб не мог рассказать цыгану (если таковой существовал) ничего важного, так как основная цель путешествия (как было принято в те времена из страха перед иезуитами) тщательно сохранялась втайне самими искателями приключений, и, исключая Иео, никто из команды не подозревал, что корабль идет в Ла-Гвайру.

А Сальвейшин Иео?

Сальвейшин на несколько дней почти взбесился от внезапной надежды отправиться на поиски своей малютки. Но у старика была практическая сметка, и он настоял, чтобы его послали в Плимут найти матросов.

– Там есть много людей со старого «Пеликана» и с «Миньоны» капитана Хаукинса, которые знают Индию так же хорошо, как и я, и мечтают туда вернуться. Там есть Дрю – он лучший штурман Западного края. Вы обещали ему взять его с собой в первое же ваше плавание.

Иео уехал в Плимут и вернулся с Дрю и двадцатью старыми морскими волками. Один взгляд на их лица, когда Иео гордо ввел их в «Корабельную таверну», показал Эмиасу, что они – из того материала, какой ему нужен. В лице этих людей вместе с четырьмя молодцами из Северного Девона, ходившими с ним вокруг света на «Пеликане», Эмиас получил запасную силу, на которую мог положиться в беде. А что беда может случиться, он хорошо понимал.

15 ноября 1583 года от набережной Байдфорда отошел по направлению к Аппельдорскому пруду высокий корабль «Рози» с сотней людей на борту, с обильным количеством говядины, свинины, сухарей и доброго эля (в то время в море всегда брали эль), с четырьмя кулеверинами на верхней палубе и с таким количеством мушкетов, пищалей, луков, копий и мечей, что, по общему мнению, никогда еще не выходил из гавани корабль, который был бы так хорошо снаряжен.

Глава XV

Как они пристали к Барбадосу и никого там не нашли

Земля! Земля! Земля!

Да, там, далеко на юго-западе, подле заходящего солнца, была земля – длинная синяя полоса, отделяющая пурпурное море от золотого неба. Наконец земля со свежей водой, охлаждающими плодами и свободным пространством для скрюченных, искалеченных цингою людей.

И здесь же может быть золото, золото и драгоценные камни и все богатства Индии. Кто знает? Почему бы и нет? Старый мир действительности и прозы остался на тысячу миль позади, а впереди и вокруг было царство чудес и сказок, бесконечных надежд и возможностей.

Прошло несколько минут, радуга заката поблекла. Изумруды и топазы, аметисты и рубины сменились серебристо-серым полусветом. Еще немного, и, властвуя над морем, сквозь темную сапфировую глубину поднялась луна.

– Это должен быть Барбадос, ваша милость, – сказал Дрю, штурман, – если только мои вычисления меня не обманывают.

– Барбадос? Я не слыхал о нем.

– Очень возможно, сэ. Но Иео и я были здесь с капитаном Дрейком, а я был еще после того с капитаном Барлоу. Здесь на юго-западе, мне помнится, есть хорошая гавань.

– И никаких испанцев, каннибалов и диких зверей, – сказал Иео. – Настоящий сад лежит посреди моря. Я слышал, как капитан Дрейк говорил, что следовало бы заселить его.

– Теперь я припоминаю, – ответил Эмиас, – что он говорил о каком-то острове в этих местах. Ну что вы скажете, друзья? Самое лучшее, что мы можем сделать, это провести здесь несколько дней и дать нашим больным поправиться, прежде чем мы достигнем Испанского моря и примемся за работу.

Решение было объявлено и радостно принято командой. Почти до самого рассвета они плыли вдоль южного побережья острова и нащупывали дорогу в бухту, где ныне стоит Бриджетстаун. Все глаза были пристально устремлены на низкие лесистые холмы, залитые лунным светом, усыпанные миллионами танцующих звезд – огненных мух. Все ноздри жадно впили душистый запах, который несся с земли, сотканный из ароматов тысячи цветов. Все уши радостно слушали после однообразного журчания волн жужжание насекомых, шорох листвы и жалобные крики береговых птиц, наполняющие тропическую ночь шумной жизнью.

Наконец корабль остановился, канат прогремел через клюз⁶⁶. А затем все позабыли о том, что на острове могут быть испанцы или туземцы, – из каждой груди инстинктивно вырвалось «ура». Бедному Эмиасу стоило большого труда отговорить матросов немедленно ехать на берег: они хотели высадиться, несмотря на темноту и несмотря на то, что до утра оставалось всего лишь два часа.

Наконец встало солнце, и его горизонтальные лучи заблестели на гладких стволах пальм, переломились радугой сквозь пену на коралловых рифах и далеко позолотили пустынное плоскогорье. Длинная вереница пеликанов с криком полетела к морю. Жужжание насекомых усилилось. Тысяча птиц разразилась ликующими песнями. Легкий голубой туман пополз вверх и исчез, сменившись ослепительным светом. Береговой ветер, который всю ночь освежающе дул на море, замер в неподвижном покое, и тропический день начался.

Больных подняли наверх и, погрузив на лодки, перевезли на землю, чтобы дать им возможность вытянуться в тени широколиственных пальм. Через полчаса вся команда рассыпа-

---

⁶⁶ Отверстие в носовой части корабельного борта, в клюзах проходит якорная цепь.

лась по берегу, за исключением дюжины достойных малых, которые добровольно вызвались держать вахту и охранять корабль до полудня. Первый инстинктивный вопль был:

– Плодов! Плодов! Плодов!

Больные переползали с места на место, жадно обрывая фиолетовые гроздья с вьющихся по берегу виноградных лоз. Они измазали себе рты и искололи губы колючими грушами. Здоровые начали рубить кокосовые деревья, чтобы достать орехи, но только иступили свои топоры. Наконец Иео и Дрю собрали полдюжины разумных людей, отправились в глубину острова и вернулись через час, нагруженные самыми вкусными плодами этого первобытного фруктового сада – терпкими гранатами, приторно сладкой гуавой и роскошными ананасами, этими лучшими из плодов, сотни которых валялись и жарились на солнце на низких туфовых скалах. Затем все уселись на песке, пренебрегая опасностью, и, разделив добычу на равные доли, устроили пир.

Фрэнк бродил взад и вперед; Эмиас шел за ним, со ртом, набитым ананасами, и с покровительственным видом изображал человека, которому уже знакомы все эти чудеса и который уже не удостаивает их вниманием.

– Ново, ново, все ново! – говорил Фрэнк. – О, ужасное чувство! Все меняется вокруг нас, самые крошечные мушки и цветы, лишь мы все те же, навеки те же!

Эмиас, для которого подобный язык был загадочен и непонятен, ответил:

– Смотри, Фрэнк, вот колибри. Ты слышал о колибри?

Фрэнк взглянул на живую драгоценность, которая с громким жужжанием висела на каком-то фантастическом цветке, переливая всеми цветами радуги при каждой перемене освещения.

– В море больше рыб, чем когда-либо можно увидеть, и я уверен, что в мире больше чудес, чем можно себе представить. Я никогда не был в этих местах. А в Южных морях, должен признаться, я никогда не встречал ни сирен, ни тритонов, хотя Иео и говорил, что слышал прекрасную музыку, несущуюся ночью из залива, очень далеко от земли. Посмотри на бабочек. Не хочется ли тебе снова стать мальчиком и попробовать наловить их в шляпу?

И братья пустились в странствие по пышному тропическому лесу, а затем вернулись на берег, где нашли больных уже поправившимися. Многие из тех, кто утром не мог подняться с койки, теперь гуляли и с каждым шагом становились крепче.

– Правильно, молодцы, – крикнул Эмиас, – держитесь веселее! После обеда мы устроим музыку на берегу, так как нет сирен, чтобы петь нам. Кто захочет, сможет танцевать.

Так прошли четыре дня. И взрослые люди, как школьники в праздник, предавались незатейливым развлечениям, не забывая, однако, выстирать одежду, взять свежую воду и набрать хороший запас тех фруктов, которые казались годными для хранения.

Матросы, устав от бесплодных поисков золота, которое они надеялись найти в каждой расщелине, несмотря на предупреждения Иео, что никакого золота на этом острове нет, – стали слоняться без дела. Эти большие дети набивали карманы раковинами и морскими диковинками, чтобы привезти домой своим возлюбленным; с шумом и смехом выкуривали агути из дуплистых деревьев и мучили всякое подвернувшееся под руки живое существо.

Наконец они благополучно выбрались из гавани и вновь пустились в путь на запад.

Глава XVI

Как они раздобыли жемчуг на Маргарите

67

Ночью корабль обогнул южный берег Гренады⁶⁸ и наконец очутился в том прекрасном кольце островов, где природа сосредоточила все свои красоты. Если в глазах этих новых пришельцев даже Барбадос был облечен необыкновенной славой, насколько более славными должны были им казаться моря, куда они теперь входили. Моря улыбочивые, почти всегда спокойные, не тронутые ураганом, который бушевал далеко к северу. Небо, море и острова были одной сплошной радугой. Даже грубые матросы, чьи мысли были заняты испанским золотом и жемчугом; даже Эмиас, привыкший к зрелищу тропиков и беспрестанно думавший об истреблении испанцев и присоединении Вест-Индии к владениям Англии, – не могли не испытывать восхищения при виде этих земель, вокруг которых сосредоточились все чудеса, вся зависть и вся алчность века. Страшила и возбуждала мысль, что они попали в область, совершенно неведомую англичанам, где наказание за проступок может быть хуже смерти – мучения инквизиции. Быть может, не более пяти раз заходили английские суда в эти таинственные воды; но на корабле были люди, которым они были хорошо известны. У старых моряков с «Пеликана» и «Миньоны» целый день спрашивали названия каждого острова и мыса, каждой птицы и рыбы.

На следующий день они плыли вдоль северного берега острова, незаметно проскользнув мимо укрепления, которое испанцы воздвигли на восточном побережье для охраны жемчужных промыслов. Наконец они увидели глубокую и спокойную бухту, заросшую лесом до самой воды. На рейде стояла каравелла и подле нее три лодки. При этом зрелище все сразу высыпали на палубу, и каждый спешил высказать свое мнение о том, что следует предпринять. Большинство настаивало на том, чтобы плыть прямо в бухту, так как ветер дул по направлению к берегу. Тем не менее, заметив, как разбиваются волны в некоторых местах у входа в бухту, и опасаясь подводных камней, Эмиас решил подойти сначала ближе, а затем послать внутрь бухты лодку. Дойдя до намеченного места, лодки спустили. Карри с двадцатью матросами поместились в большой лодке, а Эмиас с еще пятнадцатью – в другой, поменьше. Среди последних был Джек Браймблекомб со старым мечом своего дяди. Он очень гордился этим мечом.

У входа в бухту они увидели, как и ожидали, множество коралловых рифов, так что им пришлось долго плыть вдоль стены кораллов, прежде чем они нашли проход для лодки. В то время как они шли, внизу внезапно появился, как выжался Иео, «выводок акул». Многие из них были почти одной длины с лодкой и жадно смотрели вверх своими злобными хмурыми глазами.

– Джек, – сказал Эмиас, сидевший рядом с ним, – смотри, как эта большая штука уставилась на тебя: она, наверное, мечтает о твоей жирной шкуре и думает, что твое мясо нежно, как мясо новорожденного поросенка.

Джек сильно побледнел, но ничего не ответил.

Пройдя через рифы, они с попутным ветром вошли в бухту. Каравелла была от них теперь не дальше мушкетного выстрела. Карри пристал к ней прежде, чем испанцы успели добежать до своих пушек, и, стоя на носу лодки, громко предложил им сдаться.

– Чьим именем он приказывает? – смело спросил его капитан.

– Именем здравого смысла! – крикнул Карри. – Разве вы не видите, что вас всего пятьдесят против наших двадцати?

---

⁶⁷ Крупнейший остров, один из самых восточных в группе Малых Антильских.

⁶⁸ Самый южный в группе Наветренных островов (Антильское море).

Затем Билл вскарабкался на борт, и капитан выстрелил в него из пистолета. Карри свалил его на палубу, не желая проливать кровь, после чего экипаж сдался, некоторые упали на колени, другие попрыгали в воду. Добыча была поймана.

Тем временем Эмиас обогнул каравеллу и причалил ко второй от нее лодке, так как первая была пуста и, следовательно, была верным призом. Испанцы с той лодки, к которой подошел Эмиас, сдались без единого удара, негры бросились в воду и поплыли к берегу. В это время третья лодка, которая находилась примерно на расстоянии весла, повернула, чтобы удрать.

При этом случилось замечательное происшествие.

Джек Браймблекомб мечтавший, как бы отличиться в этот день, зацепил эту лодку абордажным крюком и попытался влезть на ее корму с крюком:

– Стойте вы, паписты, стойте!

Как и следовало ожидать, – их было десятеро против одного, – его тотчас столкнули за борт, и, выпустив крюк, он шлепнулся в море. Охваченный паническим ужасом (его живое воображение населило все море ужасными акулами, которых он видел), Джек зарычал от страха. Ему не пришло в голову влезть обратно в свою лодку, и он храбро поплыл за испанцами – в надежде ли схватиться за конец крюка, который волочился за лодкой, или в припадке безумной храбрости, – никто не мог решить, – но он продолжал плыть, озираясь, как большая черная обезьяна.

– Стойте, испанские собаки! Помогите, хорошие люди! Разве вы не видите, что я погибший человек! Они уже отъели мне пальцы на ногах! Они схватили мою ногу! У меня уже нет правого бедра! Я не Иона!⁶⁹ Если они меня проглотят, я никогда уже не вернусь обратно! Лучше попасть в руки людей, чем в лапы дьявола с тремя рядами зубов!

И так кричал он до тех пор, пока англичане, каждую минуту ожидавшие, что славного Джека сцапают акулы или хватит по голове вражеское весло, выпустили залп в беглецов, после которого они все бросились за борт. Джек вскарабкался в лодку и, рассекая воздух мечом, кричал:

– Сдавайтесь! Сдавайтесь, испанские собаки!

Немного спустя, придя в себя и увидев, что ему не в кого вонзить свой девственный клинок, он, задыхаясь, уселся на офицерское место и начал стаскивать штаны. При виде этого Эмиас, в полной уверенности, что добрый малый сошел с ума от солнечного удара или от того, что упал в воду, приказал своим гребцам идти борт о борт с лодкой Джека и спросил:

– Что ты делаешь со своими нижними принадлежностями?

Джек среди общего смеха стал уверять и клясться, что акулы до кости прогрызли его правое бедро, да – и он чувствует это, – его штаны полны крови. Он лишился бы чувств от воображаемой потери крови, если бы друзья не убедили его, что он цел и невредим.

Затем они принялись разбирать свою новую добычу. Лодки были полны шкур и соленой свинины. Но это было не все. В каюте капитана и в офицерской скамье той лодки, которую так храбро взял на абордаж Браймблекомб, оказалось несколько корзин, искусно сплетенных из листьев. Корзины были полны прекрасного жемчуга.

Они уехали довольные этим трофеем.

На следующий день, заметив рядом отлогий берег со струей чистой воды, бегущей в море, Эмиас решил, что им следует здесь высадиться, выстирать одежду и запастись водой, так как почти с самого Барбадоса они не встречали свежей воды. В этом походе пожелал принять участие Джек Браймблекомб, взявший с собой свой меч и большой аркебуз. Ему снилось прошлую ночь (объяснил он), что на него напали испанцы; он уверял, что его сон оправдается и что он очень беспокоится, вернется ли живым или нет.

---

⁶⁹ Иона (*библ.*) за грехи был проглочен китом и по отбытии наказания здоровым и невредимым изрыгнут на волю.

Итак, они высадились на берег, причем Эмиас отдал строгое распоряжение не пускать в ход огнестрельного оружия, чтобы не переполошить испанцев. На берегу матросы выстирали одежду и с удовольствием размяли ноги, восхищаясь красотой места. Затем они принялись за работу и, вытащив лодку к истоку речушки, стали наполнять бочки.

Джек Браймблекомб, лишь только они высадились, с пристыженным и страдальческим видом отошел в сторону. Усевшись под большим деревом, он вытащил из-за пазухи книгу и стал внимательно читать. Он был опоясан мечом, а аркебуз лежал возле него. И то и другое было хорошо для него и для остальных. Не успели они набрать воды, как раздался крик: «Испанцы, испанцы!» Из лесу, на расстоянии не более двадцати шагов от Браймблекомба, вышли человек пятьдесят с мушкетами. Позади них бежало множество негров, а впереди ехал верхом офицер с большим пером на шляпе и обнаженным мечом в руках.

– Вставайте, если хотите остаться в живых! – закричал Эмиас, и как раз вовремя, так как добрых десять минут было потеряно в беганье взад и вперед, прежде чем ему удалось привести своих людей хоть в какой-нибудь боевой порядок.

Но когда Джек заметил испанцев, он, словно ожидая нападения, сорвал лист, вложил его в свою книгу, чтоб отметить страницу, хладнокровно положил книгу на землю, поднял свой аркебуз, подбежал, как бешеная собака, прямо к капитану и прострелил его насквозь, затем, швырнув аркебуз в голову ближайшего солдата, продолжал драться одним мечом, пробиваясь среди аркебузов и нанося направо и налево такие ужасные удары, что враги в беспорядке отступили. Пять или шесть раз они выстрелили в Джека, но из страха перед ним или из опасения ранить друг друга стрелявшие так плохо целились, что только один раз ему слегка оцарапало бедро. Однако с той же скоростью, как испанцы отступали, Джек наступал. Тем временем подбежали остальные, всего около сорока хорошо вооруженных человек. Увидев их, испанцы повернули и быстро удалились.

– Джек, вернись, ты с ума сошел! – кричал Эмиас.

Но Джек, который за все это время не произнес ни слова, все с той же яростью преследовал врага, пока не зацепился ногой за какой-то пень. Он упал, ударился головой о землю, окончательно задохнулся (при его толщине да еще во время боя дышать было не так-то легко) и остался лежать. Эмиас, увидев, что испанцы ушли, не нашел нужным их преследовать. Он поднял Джека, который, вытаращив глаза, кричал:

– Слава богу! Слава богу! Сколько я убил? Сколько я убил?

– Девятнадцать по меньшей мере, – промолвил Карри, – семерых одним ударом, – и показал Браймблекомбу мертвых капитана и двух аркебузирова и, кроме того, еще двух или трех раненых. Некоторые из них были ранены выстрелами своих же товарищей.

– Ну, – сказал Джек, помолчав и отдышавшись, – будете вы теперь смеяться надо мной, мистер Карри, или говорить, что я не умею сражаться потому, что я сын пастора?

Карри взял его за руку и попросил прощения за свои насмешки.

Джек, который долго не помнил зла, в свою очередь рассмеялся:

– О, Карри, мы все привыкли к вашим шуткам с тех самых пор, как вы имели обыкновение пускать пчел ко мне в попугай в байдфордской школе.

Затем все вернулись к лодкам, и вся команда приветствовала Джека, который вскоре сильно ослабел (потеряв много крови и не заметив этого); но он столь же мало придавал значения своей действительной ране, как накануне воображаемой. Они привезли с собой меч убитого офицера (прекрасный клинок) и большую золотую цепь, которую тот носил вокруг шеи.

И то и другое было присуждено Браймблекомбу как боевая награда.

Глава XVII

Что случилось в Ла-Гвайре

Матросы с радостью поохотились бы еще вокруг «Маргариты» за новой партией жемчуга, но Эмиас, «накормив своих собак», как он выражался, не имел ни малейшей охоты кружиться среди островов, после того как была поднята тревога. Англичане направились на юго-запад через устье большой бухты, что лежит между полуостровом Парна и мысом Кодера, оставив по правую руку Тортугу, а по левую – покрытые лугами острова Пиритоа. Иео и Дрю знали каждую пядь этого пути, так как они с Хаукинсом были первыми английскими моряками, посетившими эти берега. Прямо над головой, словно выходя из моря, поднималась величественная гряда Каракасских гор. По сравнению с ними все возвышенности, которые когда-либо до сих пор приходилось видеть большинству экипажа, казались игрушечными холмиками. Вскоре море стало изменчивым и бурным, хотя ветер продолжал быть легким и ласковым. И, прежде чем подойти к самому мысу, путешественники познакомились с сильным течением на восток, которое в зимние месяцы так часто сбивает с пути моряков, держащих курс на запад.

Утром они увидели большой корабль, который ночью прошел мимо них в противоположном направлении и теперь был на расстоянии добрых десяти миль к востоку. Иео уговаривал вернуться и атаковать его, но Фрэнк и Эмиас не согласились, так как это еще на день задержало бы их вдаль от Ла-Гвайры. И они продолжали свой путь на запад. Около полудня к ним подошло качающееся каноэ под огромным треугольным парусом. Когда лодка подошла ближе, англичане обнаружили в ней двух индейцев.

– Металл не тонет в этих водах, видишь, – заявил Карри, – вот новое чудо для тебя, Фрэнк.

– Объясни, – промолвил Фрэнк, который готов был проглотить любое новое чудо.

– Как иначе посмели бы эти две бронзовые статуи пуститься в море в такой скорлупке? Понял, господин придворный?

– Я уже давно понял, Билл, что это за смелые создания, так бесстрашно плывущие борт о борт с нами.

– Я подозреваю – они приняли нас за испанцев и хотят продать нам орехи какао. Видишь, их каноэ полно плодов.

– Окликни их, Иео, – сказал Эмиас, – ты прекрасно говоришь по-испански, а я хочу потолковать с одним из них.

Иео исполнил просьбу. Каноэ бесшумно плыло борт о борт с кораблем, спустив свой парус; тем временем великолепный индеец, как кошка, вскарабкался на борт. В нем было полных шесть футов роста, и держался он смело и грациозно. Он посмотрел вокруг с улыбкой, показывая свои белые зубы; но тотчас же его поведение изменилось, и, прыгнув в сторону, он крикнул своему товарищу по-испански:

– Измена! Не испанцы! – и хотел броситься за борт, но дюжина сильных молодцов схватила его прежде, чем он успел это сделать.

Нелегко было держать индейца, так он был силен и так скользки были его обнаженные члены. Между тем Эмиас одновременно уговаривал матросов не обижать индейца, а индейца – успокоиться, так как ему не причинят никакого вреда. После пятиминутной борьбы чужеземец подчинился.

– Не надо вязать его. Оставьте его на свободе и окружите его кольцом. Теперь, мой друг, вот тебе доллар⁷⁰.

---

⁷⁰ Доллар в те времена название, которым обозначали как английский шиллинг, так и испанский пиастр.

Глаза индейца блеснули, и он взял монету.

– Я хочу от тебя, во-первых, чтобы ты сказал мне, какие корабли стоят в Ла-Гвайре, во-вторых, чтобы ты сопровождал меня туда и указал мне дом губернатора и таможеню.

Индеец положил монету на палубу и посмотрел Эмиасу в глаза.

– Нет, сеньор, я – свободный человек, и я ничего не скажу врагам.

Ропот поднялся среди той части матросов, которая поняла его; и многие стали намекать, что веревка вокруг головы или щепка между пальцев быстро вытянули бы из него нужные сведения.

– Нет, – сказал Эмиас. – Он храбрый и верный человек, и я буду с ним обращаться так, как он заслуживает. Скажи мне, храбрый малый, как ты узнал в нас врагов?

Индеец с лукавой улыбкой указал на полдюжины различных предметов, каждый раз приговаривая:

– Не испанский.

– Хорошо, так что ж из этого?

– Никто, кроме испанцев, не имеет права плавать в этих морях.

Эмиас рассмеялся:

– Так ты, выходит, храбрый парень. Подыми мой доллар и ступай с миром. Пропустите его, молодцы. Мы узнаем то, что нам нужно, и без твоей помощи.

Индеец медлил, недоверчивый и изумленный.

– Прыгай за борт, – молвил Эмиас. – Разве ты не знаешь, где мы?

– Доблестный сеньор, – начал индеец протяжно и торжественно по обычаю своего народа (когда они дают себе труд говорить), – я был обманут. Я слышал, что вы, еретики, жарите и едите всех верных католиков, таких, как мы, и что у всех ваших патеров есть хвосты.

– Подавись ты, бездельник, – пропищал Джек Браймблекомб. – Разве у меня есть хвост? Смотри!

– Кто знает? – протянул в нос индеец.

– Откуда ты знаешь, что мы еретики? – спросил Эмиас.

– Гм!.. Но в благодарность за вашу доброту я хочу предупредить вас: не ходите в Ла-Гвайру. Там стоят военные корабли, которые ждут вас. Более того, правитель дон Гузман только вчера отплыл на восток искать вас. Я очень удивляюсь, что вы его не встретили.

– Искать нас! Ждут нас! – воскликнул Карри. – Быть не может, ложь! Эмиас, он надувает нас, чтобы отпугнуть.

– Дон Гузман выехал только вчера искать нас? Ты уверен, что говоришь правду?

– Клянусь жизнью, сеньор, и с ним еще корабль, за который я и принял ваш.

Эмиас взволновался. Значит, это и был корабль, который они пропустили!

– Дурак! Быть так близко к врагу и проспять такой удобный случай!

Но раскаиваться было слишком поздно, и, сверх того, сообщение индейца могло быть ложным.

– Ступай, – сказал Эмиас, и индеец прыгнул за борт в каноэ, заставив весь экипаж удивляться его смелости.

Так они плыли вперед на запад под сенью огромной северной стены – высочайшей скалы на земле, камня в семь тысяч футов, отделенного от моря лишь узкой полосой яркой зелени. Там и сям клочок сахарного тростника или пучок какаоовых деревьев, растущих у самой воды, напоминали им, что они в тропиках. Но наверху все было дико, сурово и голо, как в каком-нибудь альпийском ущелье.

– Среди этих гор, три тысячи футов над нашими головами, – сказал штурман Дрю, – лежит Сантьяго-де-Леон, большой город, который основан испанцами пятнадцать лет тому назад.

– Это богатое место? – спросил Карри.

– Говорят, очень.

– Это доступное место? – спросил Эмиас.

– Там нет никаких укреплений. Испанцы говорят, что сама природа создала вокруг него такие хорошие стены, что людям незачем больше стараться.

– Не знаю, – промолвил Эмиас. – Как вы думаете, молодцы, осилите вы эти горы?

– Они немного выше, чем пик Харти⁷¹, сэр, но это главным образом зависит от того, что за ними.

Последний поворот, и вот перед ними то место, ради которого они плыли тысячи миль. Открылась гавань, защищенная батарееями, а за нею небольшой город – Ла-Гвайра.

Но где же охрана? Здесь ее нет... Открытый рейд, на якорях качаются пять кораблей. Две маленькие каравеллы, а позади них – два длинных, низких безобразных судна, при виде которых Иео громко вскричал:

– Если это не галеры, то я святой. А что это за большая штука рядом с ними, Роберт Дрю? Я думаю, она содержит не одни только люки.

– Мы увидим, обогнув галеры, – сказал Эмиас.

– Взгляни-ка, Карри, твои глаза лучше моих.

– Шесть пушек на верхней палубе, – заявил Билл.

– И я могу разглядеть желтую медь, которая блестит на корме, – добавил Эмиас. – Билл, мы попали в скверное положение.

– В неважное, капитан.

Прощайте, прощайте, родные, друзья,
Боюсь, не увидеть мне вас никогда...

И все же идем туда и переломаем кости испанцу, моему старому другу из Смервика. Эх! Трое против одного – не так уж плохо!

– Прошу прощения, но не полезете же вы прямо под пушки, – вмешался Иео.

– Совершенно верно, – сказал Эмиас, – можно быть хорошими боевыми петухами, но следует слушаться голоса рассудка.

– Они, кажется, собираются послать нам вестника, – крикнул Карри. – Смотрите, берегите головы!

В то время как он говорил, облачко белого дыма взвилось над восточным фортом, и тяжелое ядро шлепнулось в воду рядом с кораблем.

– Мне это не нравится, – заявил Эмиас. – Почему они стреляют в нас без предупреждения? И что делают здесь эти военные корабли? Дрю, вы говорили мне, что военные суда никогда не стоят здесь.

– Прежде никогда не стояли, сэр. Как видите, здесь очень трудно бросить якорь. Я до смерти боюсь, что тот бездельник сказал нам правду и что испанцев известили о нашем прибытии.

– Во всяком случае, подними белый флаг. Если они ждут нас, значит, они давно уже знают о нашем приближении, иначе как бы они успели привести сюда свои суда?

– Правильно, сэр. Эти суда пришли не ближе, чем из Санта-Марии⁷², может быть, из Картахены. А это по меньшей мере месяц пути туда и обратно.

– Во всяком случае, нужно устроить военный совет.

---

⁷¹ Высшая точка Корнуэльских гор.

⁷² Порт и область на Антильском море, в нынешней Республике Колумбия.

Это был грустный совет, где все чуть не упрекали друг друга. Три искателя приключений и с ними Браймблекомб, Иео и Дрю отошли в сторону на корму. Некоторое время все смотрели друг на друга. Что делать? Планы и надежды долгих месяцев были разбиты в один час.

– Вы видите, – сказал наконец Эмиас, – невозможно высадиться и напасть на город, пока эти корабли здесь. Если матросы будут на берегу, корабль останется без защиты.

– Это так же невозможно, как вызвать на дуэль дона Гузмана, пока его здесь нет, – подтвердил Карри.

– Я удивляюсь, почему корабли еще не открыли огня, – сказал Дрю.

– Может быть, из уважения к нашему белому флагу, – заметил Карри. – Почему бы нам не послать лодку начать с ними переговоры и не распробовать их?

– Что касается уважения к белому флагу, джентльмены, – заявил Иео, – послушайтесь совета старого человека: не доверяйте им. Я вижу только одну причину, почему они не нападают на нас: на кораблях нет матросов.

– Значит, они там скоро будут, – ответил Эмиас. – Я вижу солдат, бегущих к берегу.

И в самом деле лодки, полные вооруженных людей, начали двигаться по направлению к кораблям.

– Мы можем благодарить судьбу, – сказал Дрю, – что не пришли сюда двумя часами раньше. Солнце сядет прежде, чем они будут готовы выйти в море, и у молодцов не хватит духа идти искать нас ночью.

– Тем хуже для нас. Если бы они это сделали, мы могли бы ускользнуть от них, вернуться к городу и попытаться счастья. Я не могу примириться с тем, что мы покинем это место без единой попытки прорваться.

Иео покачал головой.

– На этом берегу сколько угодно городов, заслуживающих большего внимания.

Во время их разговора солнце погрузилось в море, и сразу стало темно.

Наконец было решено бросить якорь и ждать до полуночи. Если военные корабли выйдут в море, «Рози» постарается пройти мимо них и, чего бы ни стоила эта попытка, осуществить свой первоначальный план: высадиться к западу от города, разграбить правительственные склады, находящиеся очень близко от предполагаемого места высадки, а затем пробиться обратно к своим лодкам и сняться с рейда. Двух часов было достаточно для всей операции, если только испанские суда сдвинутся с мест.

Эмиас вышел вперед, созвал людей и сообщил им план. Он был принят не очень весело, но ничего другого не оставалось делать.

Они прошли мили полторы к западу и бросили якорь. Время шло. Среди вражеских судов не было заметно ни малейшего движения. Раздраженные матросы беспрестанно курили. Под самым носом лежала богатая добыча (так как, разумеется, город был вымощен золотом!), и она была недосыгаема!

Но, хотя попасть в город было невозможно, оставалась другая возможность, которой Фрэнк не хотел упустить. Огонь, ярко сиявший теперь в одном из окон дома правителя, был путеводной звездой. Сидя в каюте с Эмиасом, Карри и Джеком, он жалобно спросил:

– Значит, мы уйдем, не сделав ничего для нее?

Некоторое время все молчали. Наконец Джек Браймблекомб заговорил:

– Покажи мне путь, Фрэнк, и я пойду по этому пути.

– Мой дорогой, – сказал Эмиас, – чего же ты хочешь?

– Всякая попытка увидеть ее, даже если она здесь, сегодня ночью и... прощайте! – сказал Фрэнк. – Пусть так, пусть так, Эмиас, но выслушай меня. Я давно перестал бояться смерти! Дайте мне увидеть ее сегодня ночью и... прощайте!

– Если ты пойдешь, я пойду с тобой! – воскликнули все трое в один голос.

– Нет, Эмиас, на тебе лежит забота о матери и корабле.

– Кто-нибудь должен пойти с тобой, Фрэнк, – сказал Эмиас, – хотя бы для того, чтобы привести обратно команду, в случае если... – И он запнулся.

– Если я погибну, – промолвил с улыбкой Фрэнк, – я окончил за тебя твою мысль, старина; я не боюсь смерти, хоть ты можешь бояться за меня. Да, к сожалению, кто-нибудь должен пойти.

– Я скажу вам, что мы сделаем, джентльмены. Мы трое бросим жребий, кому выпадет честь идти с ним, – заявил Джек.

– Правильно, Джек! – ответил Фрэнк. Все согласились, не видя другого исхода, и Джек опустил три клочка бумаги в руку Фрэнка. Жребий пал на Эмиаса Лэя. Фрэнк вздрогнул и всплеснул руками.

– Ладно, – сказал Карри, – мне не повезло сегодня, но по крайней мере Фрэнк пойдет в хорошей компании.

– Эмиас, – сказал Фрэнк, – нам нужна лодка и команда. Уже почти полночь.

Эмиас вышел на палубу и вызвал шесть добровольцев. Каждому, кто пойдет с ним, Эмиас обещал удвоить из собственного кошелька ту сумму, которая достанется при разделе на долю этого человека. Симон Эванс из Кловелли, один из команды «Пеликана», сразу поднялся.

– Почему только шесть, капитан? Скажите слово – и любой из нас пойдет с вами, взломает дверь и принесет сокровища, прежде чем пройдет два часа.

– Нет, нет, мои славные молодцы. Если там и были сокровища, то они, наверное, спрятаны в крепости или в горах, а что касается леди, то боже сохрани, чтобы мы заставили ее ступить хоть шаг против ее воли.

– Ладно, капитан, – ответил он, – как вам угодно; никто не сможет сказать, что, когда вам понадобились в опасную минуту охотники, я не отозвался первый из всей команды.

После такого примера выступили вперед еще три или четыре человека. Иео очень хотел идти, но Эмиас запретил ему.

– Я пошел бы без вознаграждения, – заявил Симон Эванс, – если бы это было дело военное или государственное, но раз тут только личная ссора капитана, а у меня остались дома жена и дети, я не стыжусь взять плату за свою жизнь.

Команда была составлена, но, прежде чем сойти, Эмиас отозвал Карри в сторону:

– Если я погибну, Билл...

– Не говори о таких вещах, дорогой.

– Я должен говорить. Ты будешь капитаном. Не делай ничего без Иео и Дрю. Но если они одобряют, иди прямо на север от Сан-Доминго⁷³ и Кубы и нападай на порты. Там не могут ничего знать о нас, а добычи там несметное количество. Расскажешь моей матери, как я умер, и помни, дорогой, будь сдержан с матросами, если они будут ворчать... Помни об этом, и все будет в порядке.

Карри пожал руку Эмиаса и проводил обоих братьев.

Лодка подошла к каменистому берегу. Найти тропинку к дому оказалось не трудно – так ярко светила луна. Оставив матросов в лодке (они были хорошо вооружены), братья вышли на берег с одними мечами. Фрэнк уверял Эмиаса, что они найдут дорожку, ведущую от берега к самому дому, и он не ошибся. Они легко нашли ее, так как она была усыпана белыми ракушками. По дороге они попали в «туннель» или пояс высоких колючих кактусов. За этим туннелем тропинка шла зигзагами по крутому каменистому откосу и кончалась у калитки. Братья толкнули калитку, и она оказалась открытой.

– Она ждет нас, – прошептал Фрэнк.

– Невозможно.

---

⁷³ Город и область на острове Гаити.

– Почему нет? Она должна была видеть наш корабль. И если в городе знают, кто мы, то она, конечно, тоже должна знать это. Да, не сомневайся, она стремится получить вести со своей родины! Смотри: в одном окне все еще горит огонь!

– Ну а если нет? – сказал Эмиас, который не разделял надежд брата. – Каков твой план?

– У меня нет никакого. Я придумал двадцать различных планов за последний час, но все одинаково неверны и невыполнимы. Я перестал стараться; я иду, куда меня влечет.

Эмиас окончательно стал в тупик. Судя о брате по самому себе, он был уверен, что у Фрэнка есть какой-то хорошо обдуманый проект, как проникнуть к Розе; и так как любовные приключения были совершенно вне его области, он с полным доверием следовал за таким мастером по этой части, каким считал Фрэнка. Но теперь он почти сомневался в здравом рассудке брата, хотя движения Фрэнка были безукоризненно спокойны, а голос совершенно тверд.

Эмиас едва осмеливался заговорить из страха показать слишком многое, но не мог удержаться, чтобы не заметить:

– Ты идешь на верную смерть, Фрэнк.

– Разве я не просил, – очень спокойно ответил тот, – отпустить меня одного?

Эмиас наполовину решил силой принудить его вернуться, но он боялся упорства Фрэнка и, кроме того, стыдился вернуться на корабль, ничего не сделав. Они открыли калитку и по мягкой, устланной дерном дорожке вступили в чудесный сад. При свете луны и бесчисленных светлячков, которые метались во все стороны, как огненные демоны, братья могли рассмотреть, что кусты на другой стороне и деревья над их головами покрыты цветами необычайной красоты. Всюду вокруг стояли апельсиновые и лимонные деревья, плоды которых при фантастическом свете светлячков казались сверкающими золотыми и изумрудными шарами.

Молча они подошли к дому.

Это было длинное низкое здание, верхний этаж которого был окружен балконом, а нижняя часть была совсем открыта. Свет все еще горел в окне.

– Куда теперь? – спросил Эмиас тоном безнадежной покорности.

– Туда! Куда ж еще? – Фрэнк указал на огонь и бросился вперед.

– Тише! Посмотри на негров!

И в самом деле, пора было остановиться: на белой оштукатуренной террасе, идущей вдоль фасада, спали двадцать черных фигур.

– Что нам делать теперь? Мы не сможем войти, не наступив на них.

– Подожди здесь, а я тихонько подойду к окну. Она может увидеть меня. Она непременно увидит меня, если я стану в полосе лунного света. Наконец я знаю одну арию, по которой она сразу узнает меня; если я промурлычу хоть один такт.

– Как? Ты ведь даже не знаешь, ее ли это окно? Назад, если жизнь тебе дорога!

И Эмиас левой рукой потащил брата назад в кусты, так как один из негров, внезапно проснувшись, с криком сел, начал креститься и бормотать псалмы и молитвы. Свет наверху тотчас погас.

– Видел ты ее? – тихо спросил Фрэнк.

– Нет.

– Я видел тень лица и шеи. Мог ли я ошибиться?

– Пойдем обратно. Мы не можем попасть к ней так, чтобы нас не обнаружили. Уйдем, пока еще не все пропало. Если ты видел ее, как ты говоришь, ты по крайней мере знаешь, что она жива и невредима в его доме.

– Как его любовница или как его жена? Этого я все-таки не знаю, Эмиас. Как же мне уйти, пока я не узнаю этого?

Несколько минут оба молчали. Потом Эмиас сделал последнюю попытку убедить Фрэнка в нелепости всей затеи, решив, если возможно, рассмешить его, раз никакие доводы не помогают.

– Мой дорогой, я очень голоден и очень хочу спать, а кусты такие колючие, и мои сапоги полны муравьев.

– Мои тоже... Смотри!.. – Фрэнк схватил руку Эмиаса и крепко сжал ее.

Из-за угла дома осторожно вышла темная, закутанная в плащ фигура, несколько раз оглянулась на спящих негров и повернула по направлению к ним.

– Разве я не сказал тебе, что она выйдет? – торжествующе прошептал Фрэнк.

Эмиас был потрясен. Это появление казалось ему непонятным. Как ни старался Эмиас не верить в это чудо, но, когда фигура приблизилась, уже нельзя было отрицать, что это была ее походка. Но что это позади нее? Ее тень на белой стене дома? Нет. Другая фигура, тоже в плаще, но гораздо более высокая, шла следом за ней. Это была фигура мужчины. Они могли видеть, что на нем широкое сомбреро. Это не мог быть дон Гузман, так как он находился в море. Тогда кто же? Здесь таится какая-то тайна, быть может, трагедия. И оба брата затаили дыхание, а Эмиас попробовал, легко ли вынимается его меч из ножен.

Рози (разумеется, если это была она) находилась на расстоянии десяти шагов от них, когда заметила, что кто-то идет за ней. Тот прыгнул вперед, вежливо снял шляпу и с низким поклоном подошел к ней. Луна осветила его лицо.

– Это Евстафий! Как он попал сюда, во имя всех чертей?

– Евстафий! Значит, это все-таки она! – воскликнул Фрэнк, забывая обо всем, кроме нее.

В памяти Эмиаса всплыл рассказ Парракомба о подозрительном цыгане. Евстафий опередил их и предупредил дона Гузмана! Теперь все объяснилось. Но как он попал сюда?

– Не все ли равно как! Он здесь, и мы здесь... Не повезло нам! – и, сжав зубы, Эмиас стал ждать конца.

Евстафий и Рози двинулись вперед. Они разговаривали и шли очень медленно, так что братья могли слышать каждое слово.

– Так куда ж это вы направляетесь, дорогая сударыня? – услышали они вкрадчивый голос Евстафия. – Сможете ли вы удивляться, если ваше странное поведение по меньшей мере огорчит вашего супруга?

– Супруга! – слабея, прошептал Фрэнк Эмиасу. – Я доволен. Пойдем.

Но уйти было невозможно. Словно по воле рока те двое остановились прямо против них.

– Бесценный сеньор дон Гузман... – начал снова Евстафий.

– Чего вы добиваетесь, сэр, восхваляя его передо мной таким отвратительным образом? Не думаете ли вы, что его достоинства известны мне хуже, чем вам?

– Если они вам известны, сударыня (это было сказано более жестко), было бы разумнее с вашей стороны не подвергать их слишком суровому испытанию, спускаясь к берегу в ту самую ночь, когда, как вы знаете, его злейшие враги ждут случая убить его, разграбить ваш дом и, всего вероятнее, увезти вас от него.

– Увезти меня? Я скорее умру!

– Кто может доказать это ему? Видимость по крайней мере против вас.

– Моя любовь к нему и его доверие ко мне, сэр!

– Его доверие? Разве вы забыли, сударыня, что произошло на прошлой неделе и почему он вчера уехал?

Единственным ответом был поток слез. Евстафий стоял и смотрел на нее; и братья могли видеть, как дергалось его освещенное луной лицо.

– Ох! – всхлипнула она наконец. – Если я и была непослушна... Разве не естественно желать еще раз взглянуть на английский корабль? Разве вы не такой же англичанин, как и я? Разве у вас нет прекрасных воспоминаний о дорогой старой родине?

Евстафий молчал, но его лицо дергалось больше, чем когда-либо.

– Как мог он узнать об этом?

– Почему бы ему не знать этого?

– Ах! – запальчиво вскричала она. – Разумеется, как ему не знать, раз вы здесь? Вы, сэр, искуситель и шпион. Вы – змея, которая нашла рай в нашем доме и превратила его в ад.

– Смеете ли вы обвинять меня в подобных вещах, сударыня, не имея ни малейших улик?

– Смею ли? Смею все, что угодно, потому что я знаю все! Я наблюдала за вами, сэр, и вы слишком измучили меня!

– А разве не вы испортили мне жизнь, не вы разбили мое сердце? А как я отплатил вам? Пожертвовал собой, чтобы отыскать вас за океаном! И вот моя награда!

– Уходите и не мучьте меня больше! Вы спросили меня, что я посмею сделать. Так вот я, донья Розы де Сото, приказываю вам удалиться немедленно и навсегда, так как вы оскорбили меня, осмелившись говорить о своей любви. Ступайте, сэр!

Оба брата слушали, затаив дыхание, столь же удивленные, сколь возмущенные. Любовь и, может быть, гордость преобразили некогда кроткую и мечтательную Розы. Но это был только мгновенный порыв. Едва только слова вылетели из ее уст, как испуганная тем, что она сказала, она разразилась новым потоком слез. Евстафий спокойно ответил:

– Я ухажу, сударыня, но откуда вы знаете, что я не получил распоряжения и что после ваших странных последних слов совесть не принудит меня подчиниться этому распоряжению: взять вас с собой?

– Меня? С собой?

– Мое сердце болит о вас, оно с радостью отдало бы свою кровь до последней капли, лишь бы не знать последнего ужаснейшего мучения... Сказать вам... – и, вплотную приблизившись к ней, Евстафий шепнул ей что-то на ухо; что именно, братья не слышали, но в ответ раздался крик, который прозвенел в чаще и согнал всех ночных птиц с ветвей.

– Клянусь небом, – воскликнул Эмиас, – я больше не могу так стоять! Я должен перерезать глотку этому дьяволу.

– Она погибнет, если подле нее найдут его труп.

– А мы погибнем, если останемся здесь стоять, – возразил Эмиас, – потому что на ее крик прибегут негры и найдут нас.

– Вы с ума сошли, сударыня, выдавая себя собственным криком! Негры будут здесь в одно мгновение. Я даю вам последний шанс спасти свою жизнь. – И Евстафий изо всех сил закричал по-испански: – На помощь, на помощь, слуги! Бандиты хотят похитить вашу госпожу!

– Что это значит, сэр?

– Пусть ваше женское чутье дополнит остальное, и не забудьте того, кто спас вас от бесчестья.

Неизвестно, слышали ли братья последние слова или нет, но, предполагая, что Евстафий открыл их присутствие, оба сразу вскочили на ноги, решив обратиться к Розы с последним призывом, а затем продать свою жизнь как можно дороже.

Евстафий отскочил при неожиданном появлении, но сейчас же узнал громадную фигуру Эмиаса и спокойно сказал:

– Видите, сударыня, я звал не напрасно. Добро пожаловать, любезные кузены. Итак, как вам уж ясно, мое милосердие нашло способ предупредить вашу хитрость, хотя прекрасная леди сдержала слово и пришла на свидание.

– Лжец! – крикнул Фрэнк. – Она не подозревала о нашем присутствии.

– Блаженны верующие! – ответил Евстафий, но не успел он кончить, как Эмиас бросился на него через кусты. Нельзя было терять ни минуты, и прежде чем великан выпутался из сучьев и кустарника, Евстафий сорвал свой длинный плащ, набросил его на голову Эмиаса и бросился бежать, призывая на помощь. Обезумевший от ярости Эмиас пустился в погоню, но через две минуты Евстафий был в безопасности среди группы негров, которые с криками и бормотаньем бежали вниз по тропинке. Эмиас бросился обратно. Фрэнк обратился с горячим призывом к Розы.

– Нет, никогда! Лучше смерть, чем разлука с ним. Уходите! Бога ради, оставьте меня!

– Тогда вы погибли, и я погубил вас!

– Идем сейчас или никогда! – крикнул Эмиас, хватая брата за руку и таща его за собой, как малое дитя.

– Вы прощаете меня? – крикнул Фрэнк.

– Прощаю ли я вас? – И она снова разрыдалась.

Когда Эмиас оглянулся, он увидел, что она спокойно стоит, скрестив руки, и ждет приближения Евстафия со слугами. И Эмиас почти решил вернуться. Оба понимали, что роковое стечение обстоятельств отдало Розу во власть Евстафия. Разве он не имел права подозревать, что они были там по уговору с ней, что она собиралась бежать с ними? И не воспользуется ли Евстафий своей властью? Мысль об инквизиции пронзила обоих.

– Так это была та угроза, которую шепнул ей Евстафий? – спросил Эмиас.

– Да, это! – простонал в ответ Фрэнк. Эмиас Лэй стоял в нерешительности. О, если б Эмиас был один, а Фрэнк был в безопасности дома, в Англии! Напасть на всю эту шайку, убить ее, убить Евстафия, а затем с мечом в руках пробить себе дорогу обратно на корабль или умереть... Не все ли равно? Когда-нибудь он должен умереть! Но Фрэнк! И перед его глазами мелькнуло скорбное лицо матери, в ушах прозвучало ее последнее напутствие: беречь брата. Пусть Розу, пусть весь мир погибнет – он должен спасти Фрэнка.

– Гляди: негры подбежали к ней, миновали ее! Вперед, если жизнь тебе дорога! – И он опять потащил брата вниз по горе, через калитку. Погоня была в десяти шагах от них.

– Фрэнк, – резко сказал Эмиас, – если ты хочешь еще раз когда-нибудь увидеть нашу мать, очнись и бейся. – И, не ожидая ответа, он повернулся и обрушился на своих преследователей, которые, увидев длинный светлый клинок, тотчас обратились в бегство.

Опять Эмиас потащил брата вниз с горы. Тропинка шла зигзагами, и Эмиас боялся, что негры спустятся прямо по скале и отрежут им отступление. Но негры боялись колючих кактусов и были вынуждены идти по тропинке, причем братья (Фрэнк как будто пришел в себя) время от времени поворачивались и грозили им своими мечами. Но тропинка была покрыта камнями, и очень скоро эти камни были пущены в ход. К счастью, они были невелики и летели вкривь и вкось из-за недостатка света. Но что-то будет, когда негры достигнут скалистого берега! Наконец пройдены последние двадцать шагов, отделявшие их от воды.

– Теперь, Фрэнк, беги к лодке изо всех сил, а я задержу этих собак.

– Эмиас! За кого ты меня принимаешь? Мое безумие привело тебя сюда. Ничто не заставит меня вернуться без тебя!

– Тогда вместе!

И, схватившись за руки, братья бросились вперед, призывая своих людей. Лодка была не больше, чем в пятидесяти ярдах, но невозможно было быстро пробраться сквозь камни. Задолго до того, как это расстояние было пройдено, негры очутились на берегу – и разразилась буря.

Ураган больших кварцевых камней засвистел над головами братьев.

– Беги, Фрэнк, наша жизнь на волоске! Матросы, на выручку! А! Что это такое?

Тяжелый камень попал в голову Фрэнка. Теряя силы, он повис на руке Эмиаса. Перебросив брата через плечо, Эмиас опрометью бросился вперед. Камни попадали в него один за другим.

– Стреляйте, матросы! Получайте вы, черные черти! С лодки раздался залп. Глухой гул ответил ему сзади.

Эхо? Нет. Над его головой засвистели пули. К берегу приближалась военная стража. Это она стреляла из мушкетов через головы негров, в то время как те бомбардировали братьев камнями. Если бывают минуты, которые кажутся часами, то сколько часов добирался Эмиас

до своей лодки? Увы! Негры подросли одновременно с ним, а вслед за неграми приближалась стража с обнаженными мечами.

Эмиас стоит по колена в воде, избитый камнями, ослепленный кровью. Лодка то поднимается, то опускается около отвесного каменистого берега. Он хватается за нее, выпускает, падает, вскакивает, почти захлебнувшись; но Фрэнк все еще в его руках. Новый тяжелый удар, смешанный гул криков, выстрелов, проклятий, люди, пена, крики – и больше он ничего не помнит.

Эмиас лежит на корме лодки окоченевший, слабый, почти ослепший от крови. Он смотрит вверх; луна все еще ярко сияет над головой, но лодка уже далеко от берега. Лодка кажется странно пустой. Двое людей гребут вместо шести. Что-то тяжелое давит его грудь. Он толкает, и ему отвечает стон. Он хочет опереться, чтобы подняться, и ему отвечает другой стон.

– Что это?

– Все, что осталось от нас, – говорит Симон Эванс из Кловелли.

– Все?

Дно лодки кажется устанным человеческими телами.

– О, боже, боже! – стонет Эмиас, пытаясь встать. – А где Фрэнк? Фрэнк!

– Фрэнк! – кричит Эванс. Никакого ответа.

– Умер? – вскрикивает Эмиас. – Ищите его, ищите! – и, выкарабкавшись из-под своей живой ноши, он внимательно вглядывается в бледные, окровавленные лица.

– Где же он? Почему вы не говорите? Он умер?

– Потому что нам нечего сказать, сэр, – почти грубо отвечает Эванс. – Фрэнка здесь нет.

– Поверните лодку! На берег! – гремит Эмиас.

– Взгляните на шкафут и посудите сами, сэр! Сильнейший береговой ветер гонит навстречу высокие свирепые волны. Вернуться невыносимо.

– Трусы! Вы бросили его.

– Слушайте меня, капитан Эмиас Лэй, – говорит Симон Эванс, откладывая свое весло, – повесьте меня за бунт, если вам будет угодно, когда мы вернемся на корабль, если мы только когда-нибудь доберемся до него. Мало того, что вы повели нас на смерть из-за прихоти вашего брата, вы еще называете трусом честного человека, который только что спас вам жизнь? И не он один может показать вам свои раны.

Эмиас молчал. Упрек был справедлив.

– Тогда как я сюда попал?

– Том Хорт вытащил вас, вытянув из воды. Над вами было добрых пять футов. Потом он оттолкнул лодку, и в награду ему раскроили череп. Кроме нас двоих все свалились. Тогда мы решили, что вы бросили Фрэнка в лодку в ту самую минуту, как вас сшибли. Мы видели, как Вильям Фрост тащил его.

Но Вильям Фрост лежал без чувств на дне лодки. Никакого объяснения от него нельзя было получить. Да и не нужно было.

– Я получил три раны от камней, а этот человек рядом со мной еще гораздо больше, не считая огнестрельной раны в плечо. Так что же – мы трусы?

Эмиас сел и стал плакать так, словно у него сердце разрывалось. Затем он вскочил и, несмотря на раны, взял весло из рук Эванса. С большими усилиями они достигли корабля, но в таком состоянии, что пришлось спустить вторую лодку, чтоб помочь им взобраться на борт. Теперь, когда тревога была поднята, вряд ли было безопасно оставаться на том же месте. После бурного и грустного совета было решено сняться с якоря и до утра переходить с места на место. Эмиас отказывался уйти, пока его не вынудят к тому, хотя не имел никакой надежды, что Фрэнк еще жив.

Так кончилось это печальное приключение.

Глава XVIII

Неравный морской бой и посадка

Когда на следующее утро взошло солнце и тропическая ночь внезапно сменилась тропическим днем, Эмиас в разорванной одежде, с растрепанными волосами и красными от слез и ярости глазами метался по палубе. Голова Эмиаса была полна невыполнимых проектов. Он вернется и сожжет виллу. Он возьмет Ла-Гвайру и отомстит за своего брата.

– Мы справимся с ними, молодцы! – воскликнул он. – Если Дрейк взял Номбре-де-Диос, мы сможем взять Ла-Гвайру!

– Мы возьмем ее, Эмиас, и еще вытащим Фрэнка! – крикнул Карри, но Эмиас покачал головой; он чувствовал, что все порты Новой Испании не вернут ему любимого брата.

– Да, мы отомстим! Смотрите! Вот первая мишень нашей мести. – И он указал в направлении берега. Между ними и ясно видимой теперь вершиной горы появились три судна – не дальше пяти миль с наветренной стороны.

– Вот испанские ищейки, которых пустили по нашим следам, – те самые корабли, которые мы вчера выпроводили из Ла-Гвайры. Назад, молодцы, мы приветствуем их, хоть бы их была целая дюжина.

Одобрительный рокот раздался вокруг:

– Готовьтесь, молодцы, мы поработаем сегодня на славу.

И судно поставили в бейдевинд⁷⁴.

Эмиас ожил при первых признаках битвы. Он больше не чувствовал ни ран, ни горя. Он суетился на палубе, и не прошло и четверти часа – его голос по-старому стал звучать твердо и весело.

– Теперь, – кричал Эмиас, – идите завтракать! Француз сражается лучше всего натощак, немец – когда пьян, а англичанин – с полным желудком.

– Идемте вниз, капитан, – добавил Карри. – Вы тоже должны поесть.

Эмиас покачал головой, взял румпель⁷⁵ из рук рулевого и послал его вниз подкрепиться. Билл Карри через пять минут вернулся с блюдом мяса и хлеба и с большой кружкой эля, впихнул все это Эмиасу в глотку, как нянька ребенку, а затем быстро побежал опять вниз.

Эмиас все еще стоял и правил. Его лицо за последнюю ночь постарело.

– Здесь три штуки, видите, друзья мои, – сказал Эмиас, когда команда вновь поднялась наверх. – Впереди большой корабль, а за ним две галеры. Большой корабль может долго сопротивляться. Это быстроходное судно, и если только нам удастся его обогнать, мы посмотрим, даст ли наша вышина преимущество перед его длиной. Мы должны пропустить его и захватить сначала галеры.

После этого все принялись за работу. И хотя дела было сравнительно мало, так как на корабле всю ночь поддерживали боевой порядок, началась такая чистка палуб, подвязывание абордажных сетей⁷⁶, возведение укреплений, оснащение мачт и прочее, что самый педантичный моряк был бы удовлетворен. Эмиас взял на себя заботу о корме, Карри – о передней части корабля, Иео как канонир – о верхней палубе. Дрю как штурман поместился на шкафуте⁷⁷. Все было готово, прежде чем большой корабль очутился на расстоянии двух мушкетных выстрелов от «Рози». На корме его развевался золотой флаг Испании. Его двенадцать медных труб играли

---

⁷⁴ Курс корабля возможно ближе к направлению ветра.

⁷⁵ Помещающийся на палубе рычаг, при помощи которого поворачивают руль.

⁷⁶ Абордажная сеть натягивается вдоль бортов корабля, чтобы затруднить противнику нападение.

⁷⁷ Часть верхней палубы между фок-мачтой и бизанью.

вызов. Им бодро ответили две трубы «Рози», на корме которой вздымался английский флаг, несущий на передней части гербы фамилий Лэй и Карри. Как и рассчитывал Эмиас, испанский корабль охотнее всего прошел бы под носом «Рози» и остановился бы по другую сторону; но, боясь быстроты действий противника, он не смел этого сделать из опасения быть обстрелянным бортовым огнем. Поэтому единственное, что ему оставалось (так как сами испанцы не собирались стрелять), – это, имея врага с подветренной стороны, стать в бейдевинд и ждать «Рози» с того же галса⁷⁸.

Эмиас про себя рассмеялся.

– Подождите еще немного! Можно найти лучший способ убить кошку, чем дать ей захлебнуться сливками. Дрю, все готово?

– Эге!

И англичане двинулись вперед, быстро приближаясь к испанцам, пока расстояние не сократилось до пистолетного выстрела.

– К повороту!

И, вывернувшись, как угорь, «Рози» легла на другой галс под самой кормой испанца. Удивленный быстротой маневра, противник минуту размышлял, а затем попытался также сделать поворот, но было слишком поздно, и, пока его малоподвижная громада боролась с ветром, бушприт Эмиаса чуть не срезал его кормовую часть, и «Рози» медленно прошла мимо его кормы на расстоянии не больше десяти шагов.

– Теперь, – кричал Эмиас, – стреляйте без разбора! Стреляйте из луков, из мушкетов, все стреляйте!

И в одну секунду град простых, цепных ядер и картечи прогнал противника с носа на корму; сквозь клубы белого дыма со свистом помчались пули и смертоносные стрелы; а когда дым рассеялся, золотой флаг, который красовался над головами испанцев, печально волочился по воде. Корабль, потерявший румпель и рулевого, одно мгновение безнадежно сопротивлялся, а затем отдался на волю ветра.

На «Рози» поднялся радостный рев.

– Хорошо сделано, молодцы из Девона! – воскликнул Эмиас.

– Он сдался! – крикнули некоторые, после того как замерло оглушительное «ура».

– Ничуть, – возразил Эмиас. – Вперед, рулевые! Пусть себе чинит свои снасти, а мы займемся галерами.

«Рози» двинулась вперед и, задолго до того как корабль успел привести себя в порядок, прошла добрых две мили навстречу быстро несущимся прямо на них галерам.

Угрожающий вид имели эти два судна, летящие по бурному морю на сорока веслах каждое, выставив из воды длинные, как у меч-рыбы, носы, словно вынохивающие добычу. Позади этого длинного носа находилось четырехугольное возвышение, наполненное солдатами. Пушки скалили свои жерла из пушечных портов не только по бокам этого возвышения, но и впереди него, в сторону движения галеры, так, чтобы она могла поддерживать непрерывный огонь против корабля, идущего прямо перед ней. Длинный низкий шкафут был битком набит рабами, по пять, по шесть на каждом весле; в центре между двух скамей медленно прохаживались взад и вперед надсмотрщики с бичом в руках. На шканцах, на корме, всюду были солдаты; солнце весело играло на их доспехах и на стволах их ружей. Приблизившись, можно было ясно слышать щелканье бича и вой, похожий на вой диких зверей, раздающийся в ответ; стук и скрип весел; громкое «ха» рабов, сопровождающее каждый взмах весла, и проклятия и брань надсмотрщиков. Ветер доносил из этой ужасной ямы противный мускусный запах, похожий на запах собачьей конуры, в которой заперта целая свора собак.

– Должны ли мы стрелять в рабов? – спрашивали на «Рози».

---

⁷⁸ Курс, направление, которое держит корабль.

– Щадите их, насколько возможно, но если они будут стараться нас потопить, нам придется стрелять в них.

Две галеры подошли одновременно и остановились приблизительно в сорока шагах по бокам «Рози». Эмиас понимал, что уйти от их весел так, как он ушел от парусов большого корабля, невозможно. Бежать от них значило очутиться между ними и кораблем.

Эмиас напряг весь ум, как при трудной игре.

– Рулевые, поставьте корабль носом к ветру. Мы будем ждать их.

Теперь расстояние между «Рози» и галерами не превышало мушкетного выстрела. С «Рози» открыли огонь из пушек, но благодаря сильному волнению нельзя было взять верный прицел. Матросы стояли по местам, не зная, что будет дальше. Эмиас решительно отдавал распоряжения.

Испанцы, заметив, что он ждет их, испустили крик радости – не сошел ли с ума англичанин? И обе галеры полным ходом устремились в одну точку, решив врезаться в «Рози» с двух сторон. Они были в сорока шагах, – еще минута, и удар неминуем. Поворот руля, скрип мачт – и «Рози» быстро пошла навстречу галере, подхотившей слева.

– Дюжина золотых тому, кто уберет рулевого! – крикнул Карри, у которого был свой план.

И туча стрел полетела на шканцы галеры. Неизвестно, был ли задет рулевой, но он потерял присутствие духа и удрал. Руль галеры повернул влево, и ее нос без всякого вреда скользнул вдоль борта противника. Долгий тяжелый нажим, потом громкий треск, словно «Рози» медленно перерезала скамьи с гребцами от носа до кормы, швырнув несчастных рабов друг на друга.

И прежде чем товарка злополучной галеры успела повернуть, чтобы атаковать врага в его новом положении, с английского корабля был дан одновременно пушечный и ружейный залпы, в ответ на которые раздался душераздирающий вой.

– Щадите рабов! Стреляйте в солдат! – крикнул Эмиас, но в горячей схватке было не до различий. Левая галера, поврежденная, но не уstraшенная, обошла вокруг, став по другую сторону кормы «Рози», и угрожающе набросила абордажный крюк. Это движение было скорее храбрым, чем мудрым, потому что оно помешало второй галере возобновить атаку, не подвергая себя вторично английскому залпу. Отчаянная попытка испанцев взять врага на абордаж сразу с кормы и со шканцев была встречена порцией огня и железа; и через три минуты нападающие снова очутились на корме галеры, сопровождаемые Эмиасом Лэем и двадцатью матросами, вооруженными мечами. Пять минут жестокой схватки один на один, и корма была очищена. Солдаты с переднего укрепления не могли оказать никакой помощи своим товарищам, не имея прикрытия от стрел и пуль, несущихся с высокой кормы «Рози».

Эмиас бросился вдоль центрального шкафута и, крича по-испански: «Свобода рабам! Смерть господам!», вскарабкался на переднее укрепление. Еще через три минуты на борту не осталось ни одного испанца, кроме мертвых и умирающих.

– Освободите рабов! – кричал Эмиас. – Бросьте нам сюда молоток, ребята! Слушайте! Это английский голос!

Да, в самом деле, из отвратительной груды обломков, разбитых весел и оторванных конечностей чей-то голос взывал к штурману, который смотрел сверху:

– О, Роберт Дрю! Роберт Дрю! Спустишь и вытащи меня из этого ада!

– Кто ты?

– Разве ты не помнишь Виллиама Пруста, которого капитан Хаукинс оставил в Гондурасе много лет тому назад? Нас здесь девять человек, если только ваши выстрелы не освободили их от всех горестей. Спустишь, если у тебя есть сердце, спустишь!

Забыв всякую дисциплину, Дрю прыгнул вниз с молотком в руках, и два старых товарища бросились в объятия друг друга.

Стоит ли долго рассказывать о том, что было сделано в пять минут? Девять человек (к счастью, никто из них не был ранен) были тотчас же освобождены; им помогли взойти на корабль, где их ждали объятия и поцелуи старых товарищей. Остальных рабов снабдили молотками и предложили им самим освободить себя. Несчастные ответили ликующим криком.

Эмиас, очутившийся снова в безопасности на своем корабле, ринулся в погоню за второй галерой, которая унеслась за пределы досягаемости его пушек. Но оказалось, что из-за нее не стоило беспокоиться: она беспомощно боролась с ветром, лежа на боку, и, казалось, готова была потонуть.

Тогда англичане принялись чинить собственные повреждения. Между тем освобожденные рабы, переменяя часть весел, изо всех сил стали грести, чтобы догнать вторую галеру, – и так успешно, что через десять минут они поддели ее на крючья, пренебрегая стрельбой испанцев, всей массой с диким воем взяли ее на бордаж. Рабы жестоко отомстили своим мучителям, несмотря на мужество тех.

Тем временем на «Рози» половина экипажа кормила, одевала, расспрашивала и ласкала девять спасенных от медленной смерти. Их история не внушила экипажу особенно добрых чувств к испанскому судну, которое находилось на расстоянии двух миль от них с подветренной стороны.

Предстояло вступить в бой и с этим кораблем или удрать от него в течение ближайшей четверти часа.

Едва палубы были заново вычищены, а повреждения по возможности исправлены, как неприятель подошел и стал с подветренной стороны параллельно с «Рози» так близко, как только возможно. Это был длинный корабль с ровной палубой, вместимостью пятьсот тонн, размером превышающий «Рози» больше, чем вдвое, хотя меньших пропорций. Много сердец сильно забилося, когда он весело начал готовиться к стрельбе, решившись утопить в английской крови позор своего недавнего поражения.

– Ничего, друзья мои, – сказал Эмиас, – на его стороне количество, зато на нашей – качество.

– Это верно! – заметил кто-то. – Одна кулеврина стоит трех их маленьких пушек.

– Мы справимся с ним, капитан, – сказал другой.

– Дайте им подойти к нам вплотную и берегите порох. Ветер с нашей стороны, и мы сможем сделать с ними все, что нам заблагорассудится. Повар, обнеси всю команду элем, и не спешите, ребята.

Подождав еще пять минут, англичане принялись за дело.

Эмиас, пользуясь тем, что ветер был с его стороны, поставил свой корабль так, чтобы противник оказался прямо под обстрелом двух его восемнадцатифунтовых кулеврин⁷⁹, около которых возились Иео и его товарищи.

– Все наши выстрелы попадают в них, – сказал Эмиас. – Теперь на некоторое время оставьте в покое малые орудия: мы потопим его и без них.

– Уинг, уинг! – словно множество волчков, жужжали испанские пули и ядра над их головами, так как плохо построенные пушечные порты тех времен не давали возможности выстрелам попасть во вражеский корабль, стоящий с наветренной стороны, даже если он стоял почти вплотную.

– Дуй, ветер, дуй! – вскричал один из матросов. – Вреди испанцам везде, где можешь. Что за черт! Что там случилось наверху?

Увы! Треск, хруст, скрип и общее смятение! Несчастный выстрел перерезал надвое фок-мачту (уже прежде поврежденную), и верхняя ее часть беспомощно повисла.

---

⁷⁹ Восемнадцатифунтовая пушка. Величина орудия определялась в то время не калибром (диаметром дула), а весом выбрасываемого снаряда.

– Срубить и убрать! – твердо сказал Эмиас. – Готовьте луки и мушкеты. Через пять минут они будут у нас на борту.

Он был прав. «Рози», не поддающаяся управлению после потери своего главного паруса, очутилась во власти испанцев. Лучники и мушкетеры едва успели выстроиться с подветренной стороны, как завизжали цепи, абордажные крючья вцепились в борта «Рози» с носа до кормы.

– Не пропускать их! – прогремел Эмиас. – Пусть подходят, мы покажем им потеху! Теперь вперед!

И начался кровопролитный бой. Противник, по обыкновению, шел на абордаж, а те с дикими возгласами отбрасывали его, осыпая градом пуль и стрел, пронзая пиками, швыряя с марсов гранаты и глиняные горшки с душливым составом; в то же время фальконеты с обеих сторон слали картечь и цепные ядра.

Неистовый бой продолжался уже час. Все руки устали, и все языки присохли к гортани. Больные, изнуренные цингой, притащились на палубу и сражались с той силой, которую придает бешенство; маленькие мальчики, таскавшие патроны из трюма, смеялись, когда пули свистели мимо их ушей; старый Сальвейшин Иео продолжал свое дело, спокойный и страшный, но подвижный, как играющий мальчик. Время от времени в дыму показывался испанский капитан, в черных стальных доспехах, пренебрегающий железным дождем, но слишком важный, чтобы испачкать свои перчатки чем-либо, кроме рукоятки рыцарского меча.

Между тем Эмиас и Билл разделись почти так же, как матросы, и ободряли, толкали, рубили, тащили и тут и там – всюду, вызывая в матросах уважение, чувство товарищества и ответственности, чего никогда не могла бы сделать испанская дисциплина, технически более совершенная, но холодная, деспотическая и унижающая человеческое достоинство. Сеньору с черными перьями подчинялись, а за золотоволосым Эмиасом шли и пошли бы в самое пекло.

Не прошло и пяти минут, как испанцы всей массой ринулись в середину «Рози». И здесь ждала их гибель: между кормой и передним укреплением (как было тогда принято) бимсы⁸⁰ самой верхней палубы были оставлены открытыми, не имея никакого ограждения, кроме узкого шкафута с одной стороны; с этого-то рокового края первые ряды берущих на абордаж под напором идущих сзади провалились между бимсами вниз, на верхнюю палубу, и оказались в западне, под двойным обстрелом спереди и сзади. Те немногие, которым удалось удержаться на ногах на шкафуте, после тщетных попыток прорваться на корму и в переднее укрепление попрыгали обратно за борт под градом пуль и стрел. Англичане стреляли метко и часто; и хотя три четверти команды ни разу не нюхали пороха, они вполне доказали правдивость слов старой хроники: «Лучше всего дерутся в первой битве». Испанцы трижды шли на абордаж и трижды отступали перед этим смертоносным градом. Палубы обеих сторон стали похожи на бойню. Джеку Браймблекомбу, который тоже сражался, пришлось, когда он наконец решил обратиться к занятию, более приличествующему его сану, ограничиться перетаскиванием раненых к хирургу.

Наконец наступило затишье. Ни одного выстрела не было больше слышно со стороны испанцев.

Эмиас взобрался на бизань-мачту и всмотрелся в дым: сквозь туманную завесу он увидел множество тел, сваленных в одну кучу, лежащих плашмя, – мертвых и умирающих, но ни одного стоящего на ногах. Последний залп начисто вымел всю палубу. Оставшиеся в живых спустились вниз, чтобы спрятаться от этого страшного града; и у руля один, скрежеща зубами от ярости, с поднимающимися до самых глаз усами, стоял испанский капитан. Настало время для ответного удара. Эмиас вызвал абордажников; спустя две минуты он был на борту и схватил рукой испанскую бизань-мачту.

---

⁸⁰ Балки, на которые настилаются доски, образующие палубу.

Но что это? Расстояние между ним и бортом испанского корабля увеличивается. Разве он удаляется? Да, и одновременно поднимается его бок, с каждым мгновением становясь выше. Эмиас с удивлением посмотрел вверх и понял, в чем дело. Испанский корабль быстро кренился в подветренную сторону. Мачты наклонялись вперед все быстрее и быстрее – конец был близок.

– Назад, назад! Он тонет!

В смятении все бросились обратно.

Внезапно прекрасный корабль выпрямился и, как бы устыдившись, снова поднялся для последней борьбы за жизнь. Выпрямился, но ненадолго, еще мгновение, и волны поглотили свою жертву. От корабля ничего не осталось, кроме нескольких плавающих обломков и барахтающихся бедняг. Ужас охватил команду «Рози»; наступило торжественное молчание.

Первый заговорил Сальвейшин Иео:

– Значит, теперь мы вернемся в Ла-Гвайру?

– Неужто ты никогда не пресытишься кровью, старый волк? – спросил Билл Карри.

– Никогда, – ответил Иео.

– Напьемся крови в Сантьяго, – сказал Эмиас, – если мы сможем туда добраться, но... –

И он грустно посмотрел вокруг. Ему незачем было кончать свою фразу или объяснять свое «но».

Фок-мачта исчезла, грот-рея треснула, снасти висят, кузов прострелен насквозь в двадцати местах. На палубе лежат девять трупов и шестнадцать раненых – внизу, а безжалостное солнце стоит прямо над головой и льет потоки огня на стеклянное море.

Но хорошо было бы, если бы все беды ограничивались слабостью и усталостью; хуже было то, что теперь, когда прошло возбуждение, началась реакция. Матросы сидели на палубе злые и угрюмые, группами по два-по три человека, вздрагивая и вскакивая, когда какой-нибудь бедняга внизу начинал кричать под ножом хирурга, и шептались друг другу, что все пропало. Дрю тщетно старался установить временные мачты. Матросы отвечали только ворчанием и наконец разразились открытыми упреками. Даже легкомыслие Карри, не покидавшее его за все время боя, улетучилось, когда Иео и плотник подошли сзади и тихо сказали Эмиасу:

– Мы получили большую пробоину, сэр, где-то ниже ватерлинии. Через нее сильно бьет вода, но мы не можем найти ее, несмотря на все старания. Я хотел бы, чтобы вы сами поговорили с матросами, иначе ничего не будет сделано.

Эмиас тотчас вышел вперед.

– В чем дело, славные молодцы? Почему вы все сидите, как обезьяны на собственных хвостах?

– Уф, – огрызнулся один, – не кажется ли вам, капитан, что мы сегодня уже достаточно поработали? Не захотите же вы, чтобы мы снова пошли в Ла-Гвайру, сэр? Достаточно и так народу погибло.

– Лучше сидеть здесь и спокойно пойти ко дну. Домой мы все равно не доберемся – это ясно.

– Зачем мы пришли сюда на свою погибель?

– Ну, ну, славные ребята! – весело ответил им Эмиас. – Стыдно, стыдно! Полчаса тому назад вы были львами, не сделали же вы сразу баранами? Только вчера вечером вы ворчали, почему я не хочу вернуться и сразиться с этими тремя кораблями под самыми батареями Ла-Гвайры, а теперь вы считаете, что сделали слишком много, хорошенько разбив их на море? То, что произошло, – лишь обычная превратность войны и могло случиться всюду. Кто ничем не рискует – ничего не выигрывает; и птица не свивает гнезда без случайных ошибок. Тому, кто хочет быть всегда в безопасности, лучше сидеть дома за печкой, хотя даже там на него может обвалиться потолок.

– Все это очень хорошо для вас, капитан, – заявил какой-то сердитый юнга, смутно представляя себе, что Эмиасу должно быть лучше, чем им, потому что он богат.

Кровь Эмиаса вскипела.

– Не воображаешь ли ты, молодчик, что мне нечего терять? Мне, который рискует в этом путешествии всем своим достоянием, который в случае ошибки обречен на нищету и презрение! И если я опрометчиво рискнул вашими жизнями ради своей личной ссоры, разве я не наказан? Разве я не потерял...

Его голос дрогнул и прервался, но он быстро овладел собой.

– Но я не могу стоять тут и болтать. Плотник, топор! И помоги мне обрубить эти болтающиеся обломки. Уходите с дороги вы, раскудахтавшиеся куры! Ко мне, все старые друзья, на помощь! Команда «Пеликана» постоит за своего капитана! Даром мы, что ли, плавали вокруг света?

Последний призыв попал в цель: полдюжины бывших пеликанцев поднялись и принялись вместе с ним устанавливать временные мачты.

– Идемте! – крикнул Карри недовольным. – Хоть мы и неопытные сухопутные крысы, мы ни в чем не уступим этим старым морским волкам.

Он горячо взялся за работу, и вскоре за ним последовал один, потом другой, – порядок был восстановлен, и работа наладилась.

– А куда мы пойдём, когда поставим мачты? – спросил чей-то дерзкий голос.

– Куда ты не посмеешь пойти один, поэтому лучше иди с нами, – огрызнулся Иео.

– Я скажу вам, ребята, куда мы пойдём, – сказал Эмиас, отрываясь от своей работы. – Нравится ли вам или нет, но у меня нет тайн от команды. Мы выйдем на берег, найдем себе там пристанище, положим наш корабль на бок и займемся его починкой.

Началось движение и ропот.

– На берег? Прямо в пасть испанцам?

– А через неделю в лапы инквизиции?

– Уже лучше оставаться здесь и позволить себя утопить.

– В последнем вы правы! – крикнул Карри. – Самая подходящая смерть для слепых щенят! Слушайте, вы! Я меньше всего знаю, где мы, и я вряд ли могу отличить нос корабля от кормы, а капитан может быть прав и может ошибаться. Все это меня не касается, я знаю одно: я – солдат. Куда пойдет капитан, туда и я пойду, и если кто-нибудь вздумает мне помешать, ему придется прежде отнять у меня меч.

Эмиас пожал руку Карри, а затем сказал:

– Вот что я вам заявляю: я никуда не пойду и ничего не сделаю без совета Сальвейшина Иео и Роберта Дрю; если кто-нибудь из команды знает больше, чем эти двое, пусть встанет, и мы охотно выслушаем его. Так, пеликанцы?

Среди пеликанцев раздалось одобрительное ворчание; тогда Эмиас возобновил атаку:

– У нас пять пробоин в ватерлинии и одна где-то внизу. Сможем мы выдержать шторм в таком состоянии или не сможем?

Молчание.

– Можем мы добраться до дому с продырявленным дном?

Молчание.

– Тогда что же нам остается делать кроме того, как пристать к берегу и попытаться счастья? Говорите! Это повадка трусов – не делать ничего, потому что неприятно сделать то, что нужно. Хотите вы быть детьми, которые предпочитают лучше умереть, чем принять гадкое лекарство, что ли?

По-прежнему молчание.

– Тогда идем! Ветер переменялся и дует к северо-западу. Вперед по ветру!

Сумрачно матросы принялись за работу. Судно было повернуто носом к земле. Но лишь только оно двинулось, течь стала увеличиваться так быстро, что все остальное время пришлось непрерывно работать у помп.

Тем временем течение отнесло их к самой бухте Хугерот. Взглянув на землю, путешественники увидели на юго-западе ряд возвышенностей, заканчивающихся Каракасскими горами. А прямо перед ними, к югу, берег внезапно обрывался низкой линией манговой заросли, переходящей дальше в первобытный лес. Пока корабль приближался к берегу, все глаза напряженно старались найти какой-нибудь проход в сплошной стене манговых деревьев; но довольно долго никакого прохода не было видно. Беспреданно бросали лот, и каждое новое измерение показывало, что вода убывает.

– Нам будет очень тесно работать среди этих деревьев, Иео, – сказал Эмиас. – Я сомневаюсь, удастся ли нам что-нибудь сделать, если мы не найдем устья какой-нибудь реки.

Они продолжали двигаться дальше, держа курс на юго-восток. Наконец появилось долгожданное отверстие среди манговых деревьев; старшие матросы радостно приветствовали его, хотя большинство пожимало плечами, как люди, с открытыми глазами идущие навстречу гибели.

Дрю и Карри были посланы с лодкой исследовать устье. После часа беспокойного ожидания они вернулись с добрыми вестями о двенадцати ярдах глубины у берега, о непроходимых лесах на две мили вверх, о реке в шестьдесят шагов ширины и о полном отсутствии людей вокруг. Берега реки покрыты мягкой тинистой грязью и пригодны для кренгования⁸¹.

– Безопасное место, – тихо сказал Эмиасу Иео, – безопасно от испанцев. Хорошо будет, если оно также безопасно в отношении лихорадки и морской горячки.

– Нищие не могут выбирать! – ответил Эмиас. И они двинулись в глубь страны.

Они волокли корабль приблизительно полмили вверх до того места, откуда его нельзя было увидеть с моря, а затем закрепили его у стволов манговых деревьев. Эмиас приказал спустить лодку и сам отправился вверх по реке на разведку. Он греб около трех миль, пока река внезапно не сузилась и почти не исчезла под переплетающимися ветвями множества деревьев. Казалось, человек издревле не вступал в этот заколдованный край.

Эмиас вновь спустился по течению, задумчивый и грустный. Сколько лет прошло с тех пор, как он проезжал мимо устья этой реки? Три дня. А как много произошло в это время! Дон Гузман был найден и потерян, Роза была найдена и потеряна, большая победа одержана и все же потеряна, а главное – потерян его брат. Потеря! Когда сможет он найти своего брата?

Какая-то странная птица из леса зловеще ответила:

– Никогда, никогда, никогда!

– Когда увидит он свою мать?

– Никогда, никогда, никогда! – снова прокричала птица.

Эмиас горько улыбнулся. В ту же ночь вся команда лодки (кроме Эмиаса) свалилась в жестокой лихорадке; около десяти часов утра заболели еще пять человек, а вскоре и все остальные.

---

⁸¹ Кренговать – класть корабль на бок на берегу для починки.

Глава XIX

Корабль сожжен!

Эмиас, разумеется, также схватил бы желтую лихорадку, если бы не одна причина, которую он сам объяснил Карри. У него не было времени болеть, когда вся его команда была больна, – причина вполне основательная и вполне действительная до тех пор, пока возбуждение от работы налицо, но легко изменяющая герою, лишь только работа закончена.

На следующее утро Эмиас созвал военный совет, или скорее санитарную комиссию, так как чувствовал, что силы его на исходе.

Люди были охвачены паникой и готовы были взбунтоваться. Эмиас сказал им, что не видит, какую пользу они получают от того, что убьют его, или (так как здесь, как и из всякого положения, были два выхода) если он их убьет, и отправился на совет. Доктор твердил пустые слова о характере, темпераменте и жизненных силах. Джек Браймблекомб проповедовал что-то о Божьем промысле. Карри впал в отчаяние, хотя с улыбкой шутил надо всем. Иео, проявляя свой стоический фатализм, цитировал Священное Писание. Дрю – штурман – заявил, что ему нечего сказать: «его дело управлять кораблем, а не лечить лихорадку».

В ответ на все это Эмиас схватился по своей привычке за волосы и разразился негодующей речью:

– Доктор! Фигу я дам за ваши характеры и темпераменты! Можете вы вылечить характер человека или изменить его темперамент? Может эфиоп переменить свою кожу или леопард – свои пятна? Не сваливайте своего незнания на Бога, сэр. Я спрашиваю вас, что вызвало эту болезнь, а вы не знаете. Джек Браймблекомб, не говори мне глупостей о Божьем промысле: по моему, все это гораздо больше похоже на промысел дьявола. Карри смеется и валит с большой головы на здоровую, но этим человека не вылечишь. Иео, пусть явится ангел и скажет мне, что такова Божья воля, чтобы мы все умерли собачьей смертью, я и тогда не покорюсь. Дрю, вы говорите: ваше дело – управлять кораблем; тогда выведите его сегодня же из этой проклятой отравленной дыры, если вы можете сделать невозможное. Все зло – в воздухе и больше нигде. Вчера, возвращаясь, я чувствовал, как он пронизывает меня, я чувствовал его запах, как чувствует гончая. Если б оно не было в воздухе, почему команда моей лодки заболела прежде всех – ответьте мне на это?

Ответа не последовало.

– Тогда я вам скажу, почему эти люди заболели первые: потому что туман, сквозь который мы плыли, поднимается всего на пять или шесть футов над рекой, и мы были в самом тумане, в то время как вы, оставшиеся на корабле, находились поверх него. А те из бывших на корабле, кто заболел сегодня утром, все спали на палубе. Отсюда я делаю вывод – нужно держаться как можно выше.

– Но на рассвете туман был выше наших мачт, – заметил Карри.

– Я это знаю, но те из нас, кто находился на верхней палубе, были в тумане не так долго, как те, кто был внизу, и, может быть, в этом есть разница. Кроме того, мне кажется, что вечерняя жара вызывает больше яда, а к утру, когда делается холоднее, этот яд куда-то уходит.

– Теперь я вспоминаю, – заговорил Иео, – что слышал от испанцев, будто эти лихорадки всегда свирепствуют в низких местах, но никогда не поднимаются больше, чем на несколько сот футов над уровнем моря.

– Значит, нам нужно пройти эти несколько сот футов.

Каждый посмотрел сначала на Эмиаса, а затем на своего соседа.

– Смотри дьяволу прямо в лицо, если хочешь ударить его в надлежащее место. Мы не можем спустить наш корабль на море в его теперешнем состоянии, а если бы даже и могли, мы

не можем вернуться домой с пустыми руками; разумеется, мы не можем остаться здесь, чтобы умереть от лихорадки. Мы должны бросить корабль и отправиться внутрь страны.

– Внутрь страны? – спросили все, кроме Иео.

– Пройти вверх ту сотню футов, о которых говорил Иео, подняться на гору, построить укрепление и перенести туда наших больных и нашу провизию.

– А дальше что?

– А когда мы поправимся, подняться еще выше и напасть врасплох на Сантьяго-де-Леон. Карри крепко выругался.

– Эмиас, вы смелый человек!

– Нисколько. Это путь простого благоразумия.

– Совершенно правильно, сэр, – подтвердил старый Иео, – и я последую за вами.

– И я тоже, – пропищал Джек Браймблекомб.

– Ну нет, Джек, тебе не удастся опередить меня. Поэтому и я присоединяюсь, – заявил Карри.

– А Дрю?

– К вашим услугам, сэр, на жизнь и на смерть. Я ничего не знаю о том, как строятся укрепления, но я уверен, что сэр Фрэнсис Дрейк дал бы тот же совет, будь он на вашем месте.

– Тогда передайте команде, что через час мы отправляемся. Постарайтесь склонить на свою сторону пеликанцев, Иео и Дрю, – остальные пойдут за ними.

Пеликанцы и освобожденные от галер рабы сразу одобрили проект, но остальные задали Эмиасу много хлопот. Прежде всего следовало решить вопрос, где находятся горы. Сквозь эту манговую чашу на расстоянии пятидесяти шагов уже ничего не было видно.

– Горы находятся от нас не дальше, чем в трех милях на юго-запад, – сказал Эмиас, – я отмечал каждую вершину, когда плыли сюда.

– Я полагаю, вы хотите повести нас туда?

Вопрос пролил свет на хитрость Эмиаса, и злые подозрения стали громоздиться одно на другое, но Эмиас успокоил их ответным выпадом.

– Дурачье! Если бы у меня не хватало разума заглядывать вперед несколько дальше, чем делаете вы, где бы мы теперь были? Идите за мной, говорю вам, или, клянусь своей жизнью, я взорву корабль и всех, кто на нем, и избавлю вас от труда медленно гнить здесь.

Матросы знали, что Эмиас никогда не говорит того, чего не собирается делать. Поэтому они согласились идти и успокоились, когда увидели, что бывшие пеликанцы охотно взялись за работу. И в тот же день к закату первая партия, после утомительного подъема, нашла небольшое ровное пространство, расположенное на тысячу футов над уровнем океана, огражденное недоступным утесом – отрогом громадной горы с крутыми лесистыми склонами.

Эмиас устроил больных под раскидистым шатром громадного вирджинского тополя и пустился в обратный путь за гамаками и одеялами. В эти тяжелые минуты опыт и мужество Иео были неоценимы. Карри, в свою очередь, выказал столько смелости и преданности, что Эмиас был счастлив, увидев, что два человека, на которых он больше всего рассчитывал, оказались достойны его доверия.

И в ту же ночь Эмиас решился шепнуть обоим своим верным спутникам:

– Кортес, высадившись, сжег свой корабль. Почему бы нам не сделать того же?

Иео подскочил как ужаленный, затем вновь сел и прошептал:

– Вы ли это говорите, капитан? Значит, эта мудрость ниспослана свыше, потому что она меня тоже преследует весь день.

– Нам незачем спешить, – промолвил Эмиас, – прежде мы должны все забрать отсюда.

Карри сидел молчаливый и задумчивый. Очевидно, в голове Эмиаса бродило гораздо больше планов, чем он высказывал.

В тот вечер люди были слишком утомлены, чтобы работать, но на следующее утро, лишь только солнце встало, Эмиас заставил всех усиленно взяться за укрепление лагеря.

Когда все было сделано, Эмиас взобрался на огромное дерево и стал смотреть на необозримые леса и голубое небо и думать со свойственной ему решительной прямоотой о том, что нужно делать дальше.

Долго оставаться здесь невозможно; мстить Ла-Гвайре невозможно; просто идти, пока он не узнает, жив ли Фрэнк или умер, с первого взгляда тоже кажется невозможным. Но это значит, что Браймблекомб, Карри и те восемь человек будут вторично принесены в жертву его личным интересам? Эмиас плакал от злости, не зная, на что решиться. Но наконец он решился. Сто шансов против одного были за то, что Фрэнк умер, но если даже он жив – помочь ему они не могут, потому что, как хорошо знал Эмиас, он во власти инквизиции. Кто может вырвать его из ее когтей? Во всяком случае, не Эмиас. И с громким мучительным возгласом «Боже, помоги ему, потому что я не могу» Эмиас решился двинуться. Но куда? Он долго-долго думал, сидя один в своем воздушном гнезде. Наконец он спустился и отозвал в сторону Карри и Иео.

– Они не могут, – сказал он, – починить корабль, так как вымрут от лихорадки прежде, чем работа будет окончена.

Это утверждение ни один из его слушателей не имел мужества оспаривать. Даже если они починят корабль, им, наверное, придется опять сражаться с испанцами. Нельзя было сомневаться в правдивости слов индейца о том, что испанцы предупреждены о прибытии «Рози», как нельзя было сомневаться в предательстве Евстафия.

– Тогда попробуем напасть на Сантьяго, овладеть им, подойти к Ла-Гвайре с тыла, захватить там подходящий корабль и отправиться домой.

– Нет, Билл, если они укрепились против нас в Ла-Гвайре, где им нечего терять, они, разумеется, сделали то же в Сант-Яго, где могут потерять многое. Я слышал, что это большой город, хотя и новый, и, кроме того, как можем мы перебраться через эти горы без проводника?

– И даже с проводником, – со вздохом сказал Карри, окидывая взглядом громадные стены из леса и камня, громоздящиеся одна на другую на расстоянии многих миль. – Но как-то странно слышать, когда ты льешь холодную воду на смелую затею.

– А что, если я предложу еще более смелую? Слыхали ль вы о золотом городе Маньбоа? Иео рассмеялся радостным смехом.

– Я слышал, сэр, и не сомневаюсь, что все бывшие матросы с «Пеликана» слышали.

– Тем лучше.

И Эмиас начал рассказывать Карри все, что он узнал от дона Гузмана, а Иео к каждому слову добавлял какой-нибудь слух или сведение из собственного запаса. Карри сидел подавленный величественной фантазмагорией, развертывающейся перед его ослепленным взором.

– Так вот почему ты хотел сжечь корабль! Итак, вы хотите подражать Кортесу?

– Нам никогда не придется подражать Кортесу, потому что мы никогда не станем управлять с помощью такой зверской, дьявольской тирании, как делал он.

На этом беседа прервалась. Но никто из участвующих не забыл ее.

В этом гористом уголке странники провели дней десять. Из больных некоторые умерли – одни от лихорадки, прибавившейся к их ранам, другие, может быть, от слишком рьяных кровопусканий доктора; остальные медленно выздоравливали благодаря различным травам, которые давал им Иео.

Провизия все время имелась в изобилии; ее ежедневно приносили с корабля, не считая енотов, обезьян и других маленьких животных, которых умели ловить Иео и пеликанцы, фруктов и овощей (в особенности чудесной горной капусты, бразильской пальмы и свежего молока коровьего дерева).

И весь день на огромном дереве сидел караульный. Что это было за дерево! Самый величественный английский дуб показался бы рядом с ним чахлым деревцом, Эмиас, укравшись в

ветвях этого дерева, чувствовал по временам, что он был бы рад остаться здесь навсегда, насыщая зрение и слух окружающим великолепием; затем со вздохом просыпался от грез, вспоминая, что через несколько дней придет противник и принудит их принять решение, от которого без всякого стыда в испуге отшатнется самый храбрый человек.

И вот однажды Эмиас увидел, как с запада появился большой корабль с распущенными парусами. И в этом корабле Эмиас узнал то самое судно, которое он недавно пропустил.

Если это он, значит, он ночью прошел мимо них в Ла-Гвайру и теперь возвращается, может быть, для того, чтобы искать их на этом берегу.

Корабль медленно приближался, и Эмиас понадеялся, что, может быть, он минует устье реки. Но нет, корабль остановился очень близко от берега, и спустя немного времени Эмиас увидел, как две лодки отделились от борта и исчезли в манговой заросли.

Соскользнув по лиане, Эмиас рассказал, что видел. Команда, уставшая от безделья, оживленно встретила новость и стала готовить все необходимое для приема гостей. Четыре медных орудия, которые они втащили наверх, были поставлены на лафет, устроенный из бревен, и направлены на тропинку; за ними толпились мушкетеры и лучники с оружием наготове, а полдюжины стрелков предпочли забраться со своими аркебузами на вирджинский тополь, найдя, что с этого места очень удобно целиться. Но прошло два томительных часа, об испанцах не было ни слуху ни духу.

Наконец столб белого дыма взвился над болотом, и послышался пушечный выстрел. Затем испанский флаг поднялся над деревьями и укрепился на самой высокой мачте «Рози». Испанцы сигнализировали своему кораблю прислать еще солдат, и скоро третья лодка отошла и исчезла в лесу.

Прошел еще час, в течение которого англичане окончательно потеряли терпение, но не мужество. Матросы начали так громко разговаривать и так сердито топтать ногами, что Эмиас должен был убеждать их не выдавать себя, так как в конце концов противник мог и не найти их. Наконец Эмиас потребовал, чтоб они соблюдали полную тишину, пока он не подаст знака открыть огонь. Едва это приказание слетело с его уст, как внизу, на тропинке, блеснул шлем испанского солдата, затем второй, третий.

– Дурачье, – шепнул Эмиас Карри, – они идут гуськом прямо на смерть. Лежите смирно, ребята!

Тропинка была так узка, что два человека вряд ли могли бы идти рядом, и так крута, что противник с большим трудом карабкался наверх, поминутно спотыкаясь. Солдаты, казалось, шли очень неохотно и неоднократно поворачивали назад; но Эмиас мог слышать снизу повелительный голос, и скоро впереди с мечом в руках появилась фигура, при виде которой и Эмиас и Карри вскочили.

– Это он!

– Конечно, я узнаю эти ноги среди тысяч, хотя они в доспехах.

– Сегодня моя очередь иметь с ним дело, помни, Карри! Тише, тише, ребята!

Испанцы, казалось, чувствовали, что идут прямо в пасть врагу. Дону Гузмону (так как нельзя было сомневаться в том, что это был он) стоило больших усилий заставить их двигаться.

– Молодцы слышали, как ласково мы обошлись с защитниками Ла-Гвайры, – прошептал Карри, – и не имеют ни малейшего желания разыгрывать роль мучеников.

Наконец испанцы одолели крутой склон и остановились приблизительно в сорока шагах от укрепления, смущенные полнейшей тишиной и подозревая ловушку. Эмиас вышел вперед с белым флагом в руках, но его сердце так страшно билось, что он с трудом подбирал слова:

– Дон Гузман, мы с вами враги. Мы, но не наши солдаты. Я послал бы вам вызов в Ла-Гвайру, но вас там не было. Я вызываю вас на поединок теперь.

– Лютеранская собака, я приготовил для тебя веревку, а не меч! Как вы поступили с нами в Смервике, так мы теперь поступим с вами. Пират и похититель женщин! Ты и твои

сообщники повторите путь Оксенхэма, подобно тому как вы повторили его преступления, и узнаете, как являться непрошеными гостями во владения испанского короля.

– Ступай к черту вместе с испанским королем! – громко смеясь, крикнул Эмиас. – Эта земля принадлежит ему не больше, чем мне. Стреляйте – победа на стороне правого!

Обе стороны открыли стрельбу. Эмиас едва успел укрыться от пули, просвистевшей над его головой. Испанцы в ужасе попятились, когда узкий фас лагеря вспыхнул сплошным пламенем мушкетов и пушек. Весь строй испанцев оказался под обстрелом. Передние ряды попадали в кучу один на другой. Арьергард повернулся и побежал, настигаемый английскими ядрами и стрелами, которые заставили солдат стремглав лететь вниз по крутой тропинке.

– Вперед, в погоню. Смотрите! Дон бежит, как и все! – И, перебравшись через груды срубленных деревьев, Эмиас с тридцатью соратниками бросился догонять убегающих. Эмиас надеялся узнать от пленных, какая судьба постигла его брата.

Последние слова Эмиаса были несправедливы. Дон Гузман был легко ранен и, увидев, что его солдаты бегут, бросился назад, пытался ободрить их, но был увлечен лавиной беглецов. Как бы там ни было, они скрылись из виду среди густых деревьев, прежде чем Эмиас и его люди успели их настичь.

Эмиас, испугавшись, как бы они, придя в себя, не окружили его маленького отряда, с грустью, против воли, повернул обратно и увидел на тропинке четырнадцать испанцев. Не все были мертвы. Один из раненых, проявив больше храбрости, чем благоразумия, лежа выстрелил.

И солдаты Эмиаса, доведенные до бешенства своим отчаянным положением, перебили всех раненых, прежде чем капитан успел им помешать.

– С ума ты сошел? – крикнул Эмиас, отбивая кверху меч одного молодца. – Ты хочешь убить индейца?

И он вытащил из кустарника индейского мальчика лет шестнадцати, который был слегка ранен и пытался уползти, как гремучая змея.

– Эта черная гадина пронзила стрелой мою ногу, а стрела, наверное, отравлена.

– Будем надеяться, что нет. Но мы должны теперь ценить индейца на вес золота, – сказал Эмиас, сунув свою добычу под мышку, как какой-нибудь узел.

Паренек, увидя, что нет спасения, покорился своей участи с настоящим индейским стоицизмом. Его принесли наверх и обходились с ним очень ласково, но он решительно отказывался есть. После долгих расспросов он объяснил, что предпочитает, чтобы его сразу убили, а не откармливали. Постепенно он дал понять окружающим, что англичане всегда (по крайней мере так говорят испанцы) откармливают и съедают своих пленников. Пока мальчик не увидел, что англичане похоронили тела убитых испанцев, ничто не могло его разуверить в том, что эти тела будут зажарены и съедены.

Однако ласковые слова, взгляды и подарок неоценимого сокровища – ножа – образумили индейца, и он рассказал Эмиасу, что принадлежал одному испанцу, который владеет поселением индейцев на расстоянии пятнадцати миль к юго-западу; что он убежал от своего хозяина и несколько месяцев жил охотой; что, увидев корабль, он взобрался на него в надежде чем-нибудь пожить и был схвачен испанцами, которые принудили его пойти с ними в качестве проводника на розыски англичан. Затем последовала новая часть рассказа, наполнившая сердце Эмиаса радостью. Мальчик был индейцем из льяносов или больших саванн⁸², лежащих к югу, позади гор; он жил на Ориноко⁸³. В детстве он был похищен испанцами, которые явились под благочестивым предлогом обращения язычников в христианство с помощью очень простого способа: поймать, окрестить и сделать слугами тех, кого они могли увести с собой, и пере-

---

⁸² Огромные, заросшие травами степи тропической и субтропической зон Америки.

⁸³ Река в Южной Америке, в нынешней Венесуэле.

бить всех, кто сопротивлялся их «мягким» методам спасения. Найдет ли он дорогу обратно? Разве можно задавать индейцу такие вопросы? Черные глаза мальчика загорелись, когда Эмиас предложил ему свободу и столько железа, что хватит на дюжину индейцев, если он покажет им проход в горах и проводит их дальше на юг, к громадной реке, на которой лежит город их золотых грез.

Теперь настало время говорить. И Эмиас, собрав вокруг себя всех своих спутников, просто и мужественно открыл им свое сердце.

Это была единственная надежда на спасение.

– Некоторые ворчат, что они погибнут подобно команде Оксенхэма. Наоборот, это единственный способ избежать гибели. Дон Гузман, наверное, вернется за нами и не один, а вместе с сухопутными войсками из Сантьяго. Даже если испанцы не овладеют лагерем, осажденные умрут от голода; почему не двинуться сразу, прежде чем придут испанцы и начнут блокаду?

Захватить Сантьяго невозможно. Все сокровища спрятаны, и город приготовился их встретить. Если они хотят золота и славы, их нужно искать в другом месте. Не больше смысла имеет идти вдоль берега и пытаться напасть на какой-нибудь порт – корабли опередят их, вся область уже предупреждена об их присутствии. Перед ними – один путь.

Тут Эмиас стал красноречив. Он говорил о смелости предприятия и уверенности, что в случае удачи они получат богатство и почести и покроют себя вечной славой, превосходящей славу Кортеса и Писарро. Его слушатели, вначале мрачные, с каждым мгновением все более распались, и наконец один из бывших пеликанцев разразился ответной речью:

– Да, сэр, мы недаром плавали с вами вокруг света. Мы изучили ваш нрав и образ действий. Мы пойдем за вами, сэр, все как один; пусть те, кто знает вас меньше, чем знаем мы, идут за нами.

Большинство, один за другим, присоединилось к его словам.

Меньшинство, те, которым не хотелось идти, но еще меньше хотелось быть брошенными, дали вынужденное согласие.

Коротко говоря, Эмиас победил, и его план был принят.

– Вот поистине, – сказал Эмиас, – лучший день в моей жизни. Я потерял одного брата, а приобрел восемьдесят.

Южный Крест стоит посреди темного неба. Полночь. Карри и Иео тихо проскользнули в лагерь и шепчут Эмиасу, что все сделано. Спящие просыпаются, и отряд пускается в путь, – все время наверх, на юг.

Вряд ли они думают о том, куда идут, словно еще не проснулись и вышли из одной страны снов лишь для того, чтобы попасть в другую, еще более чудесную. Вокруг все фантастично и нереально.

Но что это значит, этот свет на севере? Желтая луна окаймлена веселой радугой. Этот свет слишком ярок, чтобы быть отблеском ее лучей. Вот к облакам подымается столб черного мрачного дыма; вокруг него туман светлеет, и вот уже ясно видно большое пламя.

Все смотрят друг на друга, каждый подозревает, в чем дело, но не решается доверить другому своих подозрений. Эмиас шепчет Иео:

– Вы позаботились утопить порох?

– Конечно, сэр, и разрядили пушки. Незачем поднимать шум и указывать испанцам, где мы.

Да, это горел славный корабль «Рози». Эмиас, как некогда Кортес, сжег свой корабль и отрезал себе путь к отступлению.

Глава XX

Инквизиция в Индии

Прошло три недели. Место действия – город Картахена. Длинный темный коридор, в который выходит ряд низких камер. Дверь одной из них отворена, и около этой двери стоят две фигуры в плащах: одна из них нам знакома – это Евстафий Лэй. Другая – фамильяр⁸⁴ инквизиционного суда.

Фамильяр держит в руке лампу, свет которой падает на соломенное ложе и фигуру спящего человека. Этот высокий белый лоб и тонкое бледное лицо нам также знакомы – они принадлежат Фрэнку. Он был вырван полумертвым из рук негров, для того чтобы испытать более утонченную жестокость цивилизованных христиан.

Только сегодня он выдержал допрос, а теперь Евстафий, предавший его, пришел убеждать его – или ловить? Вряд ли Евстафий сам хорошо знал, зачем он пришел.

Он должен исполнить свой долг – разбудить спящего и убеждениями, лаской или угрозами довести его до отречения, «пока его сердце еще размягчено пытками» – так выразились пославшие Евстафия.

Как спокойно он спит! Что это – отблеск пламени, или он в самом деле улыбается? Евстафий взял лампу, наклонился над спящим и услышал, как Фрэнк во сне шептал имя своей матери. У Евстафия не хватило духу разбудить его.

– Пусть отдохнет, – шепнул он своему спутнику. – Все равно, я боюсь, мои слова принесут мало пользы.

– Я тоже боюсь этого, сеньор. Я никогда не видел более закоренелого еретика. Он не постеснялся открыто насмеяться над их святейшествами.

– Ах, – сказал Евстафий, – велика испорченность человеческого сердца!.. Где она?

– Где она?

– Старшая колдунья или младшая?

– Младшая – та.

– Сеньора де Сото? Ах, бедное создание. Ее следовало бы пожалеть, не будь она еретичкой. – Говоривший взглянул на Евстафия проницательным оком и спокойно добавил: – Она сейчас на допросе, надеюсь, он окажет благотворное воздействие на ее душу.

Потрясенный Евстафий задрожал. С трудом овладел он собой настолько, чтобы пробормотать «аминь!».

– Это здесь, – сказал фамильяр, небрежно указывая на одну из дверей, мимо которых они проходили. – Мы можем немного послушать, если хотите, но не выдайте меня.

Евстафий прекрасно знал, что его товарищ готов выдать его при малейшем признаке раскаяния с его стороны – во всяком случае, донести о самом легком выражении сочувствия к еретичке. Но жестокое любопытство превысило страх, и он прильнул к двери. Его лицо горело, колени подгибались, в ушах звенело, сердце готово было выскочить из груди, когда он прислонился к стене, пряча подергивающееся лицо от спутника.

Из-за двери доносился мужской голос – тихий, но ясный.

Судья предъявил обвинение в колдовстве – старое средство, которое инквизиция так часто пускала в ход против своих жертв. Затем – сердце Евстафия упало – раздался женский голос, полный негодования:

– Колдовство против дона Гузмана? С какой целью, зачем?

---

⁸⁴ Офицер инквизиции.

– Значит, вы отрицаете это, сеньора? Нам очень жаль вас. – Неясное, заглушенное бормотание жертвы могло означать и многое и ничего.

– Она призналась, – прошептал Евстафий. – Святые, благодарю вас. Она!

Отчаянный вопль прозвенел в ушах Евстафия. Он хотел рвануть дверь, чтобы отворить ее, но спутник заставил его уйти. Еще вопль, еще... тщетно несчастный бежал прочь, затыкая уши, чтобы не слышать пронзительных криков, которые преследовали его сквозь эти проклятые своды.

Он выбежал на воздух, увидел золотой блеск тропической луны и сад, но эти крики, казалось, все еще звенели в его ушах.

– О, горе, горе, горе! – бормотал он про себя, скрежеща зубами. – И это я довел ее до этого! Мог ли я поступить иначе? Кто решится осудить меня? И все же какой ужасный грех мог я совершить, что он требует такого наказания? Неужели нельзя было найти никого другого? Никого? И все же это может спасти ее душу. Это может привести ее к раскаянию!

– Конечно, потому что она нежна и не сможет долго терпеть. Вы знаете не хуже меня, сеньор, как милосерден Священный суд.

– Я знаю, знаю, – прервал бедный Евстафий, испугавшись на этот раз за самого себя. – Все через любовь, все через любовь и отеческое внушение.

– А доказательством ереси служит, помимо сильных подозрений в колдовстве, всем известный промысел старой ведьмы. Вы сами, – помните, сеньор, – рассказывали нам, что она была известной колдуньей в Англии, прежде чем сеньора привезла ее сюда в качестве своей наперсницы.

– Конечно, была, конечно. Да, другого пути не было. И хотя моя плоть может быть слаба, сеньор, все же никто не мог лучше доказать Святому суду, как силен может быть дух!

С этими словами Евстафий ушел. Однако, прежде чем снова село солнце, он пришел к главе иезуитов, открыл ему все, что у него было на сердце, – по крайней мере все, в чем он осмеливался признаться самому себе, и умолил разрешить ему кончить его искус и вступить в орден, при условии, что его тотчас же пошлют обратно в Европу или куда-нибудь в другое место. Иначе, как он откровенно сознался, он сойдет с ума, если только уже не сошел. Иезуит пошел в Инквизиционный суд и обсудил вопрос с инквизиторами, напомнив им все прошлые заслуги Евстафия перед церковью. Суд более не нуждался в его показаниях: в ту же ночь Евстафий покинул Картахену и уехал в Номбре, а через неделю исчез неизвестно куда.

Глава XXI

Берега Меты

Прошло около трех лет. На пространстве в восемьсот миль длиной и четыреста шириной, по неприступным горам и лесам отряд смельчаков тщетно искал Золотой город. Искали вдоль лесистых берегов Ориноко, над грохочущей пеной Мэйпура; на верховьях величественной Амазонки; вверх по рекам доходили до самого Перу; попирали рощи хинных деревьев Локсы, не подозревая, как не подозревал никто в мире, их целебных свойств. Они видели девственные снега Чимборасо, сверкающие белизной над грозowymi тучами, и гигантский конус Котопахи, угрюмо чернеющий среди бурных потоков, струящихся по его склонам. Зброшенные по другую сторону Анд, они еще раз повернули на восток и спустились с альпийских высот в зеленые и туманные пространства Монтаны.

Медленно, с трудом, они вновь стали пробираться на север вдоль восточного подножия внутренних Кордильер.

В настоящее время путники сделали привал около одного из многочисленных притоков Меты. Они зажгли сторожевые костры и сидят в тени огромных деревьев – Эмиас, Карри, Браймблекомб, Иео и индейский мальчик, сопровождающий их во всех их странствованиях; они живы и здоровы, но все так же далеки от города Маньоа с его сказочными озерами, золотыми дворцами и всеми чудесами индейских легенд.

В тени деревьев сидят сорок четыре человека вместо восьмидесяти четырех, покинувших леса Гвайры.

День за днем редели их ряды от лихорадки, от укусов змей, от нападения ягуаров, аллигаторов, человекоядных рыб и электрических угрей, и первобытные леса не сохранили никаких следов их пребывания, кроме одиноких могил.

Оставшиеся в живых сидят у тихого ручья, озаренные светом тропической луны, почерневшие и похудевшие, но бодрые, как всегда. Они подшучивают над опасностью и стараются перещеголять друг друга в работе. Их бороды отросли и спускаются на грудь; их длинные волосы подколоты, как волосы женщин, для защиты от палящих лучей солнца; их обувь сделана из тонкой кожи какого-то зверя; на их рубашках заплаты из шерстяных индейских тканей; на плечи наброшены шкуры ягуара, пумы или обезьяны. Их боевые припасы давно истрачены, большая часть мушкетов, испорченных постоянными паровыми ваннами лесных испарений, брошена.

Они вооружены мечами, луками такой крепости, что ни одна индейская рука не может их согнуть, а некоторые – духовыми ружьями, индейским оружием, совершенно бесшумным, более смертоносным, чем огнестрельное оружие, с которым они расстались.

Люди спят среди деревьев – некоторые просто на земле, другие в гамаках, протянутых между ветвями. Все тихо. Только время от времени ягуар, прыгающий в погоне за добычей с одного дерева на другое, тревожит сон обезьян, качающихся на ветвях. Обезьяны будят птиц, и в течение десяти минут весь лес звенит от неистового шума, гама, крика и клохтания. Но скоро весь этот шум замирает; и даже если он продолжается, он давно уже стал слишком привычным, чтобы разбудить спящих или прервать военный совет, происходящий у одного из сторожевых костров между тремя искателями приключений и Иео. Уже раз сто держали они подобные советы и все напрасно, – они прекрасно знают, что и этот будет так же бесплоден, как прошлые. Тем не менее это более торжественный совет, чем обычные. Давно прошли два года, предназначенные для розысков Маньоа, – необходимо избрать новую цель, если они не хотят провести остаток дней своих в этих диких лесах.

– Ладно, – сказал Билл Карри, вынимая изо рта сигару, – эти последние индейцы принесли нам хоть некоторую пользу – после трехдневного поста можно позволить себе хорошую затяжку табаку.

– Что касается меня, – заметил Джек Браймблекомб, – то должен признаться, что, когда я снова прикусил этот чудодейственный лист, я почувствовал искушение усесться спокойно, как какой-нибудь кацик⁸⁵, и так, не шевеля ни рукой ни ногой, курить до последнего дня моей жизни.

– В таком случае я принужден буду запретить тебе курить, – сказал Эмиас, – потому что завтра утром мы должны двинуться в путь; мы и так уж просидели здесь три дня, ничего не делая.

– Сделаем ли мы когда-нибудь что-нибудь? Мне кажется, золото Маньоа похоже на то золото, что лежит в том месте, где радуга соприкасается с землей: где бы ты ни находился, оно всегда недостижимо.

Все молчали. Нельзя было отрицать, что все их надежды почти исчезли. На всем громадном пути, который они проделали, они не встретили ничего, кроме разочарования.

– У нас остался последний шанс, – проговорил наконец Эмиас, – это те горы, к востоку от Ориноко, где мы скитались в первое время. Инки могли попасть туда во время своего бегства.

– Почему бы и нет? – согласился Карри. – Их бы тогда ограждали все леса, прилегающие к льяносам, и полдюжины большущих рек.

– Попробуем-ка одолеть эти горы еще раз! – сказал Эмиас. – Эта река должна впадать в Ориноко, а попав туда, мы очутимся у самого подножия гор. Как твое мнение, Иео?

– Я не могу не думать о том, ваша милость, что, когда мы поднимались по Ориноко, индейцы рассказывали нам ужасные вещи о неприступности этих гор – об их крутизне и о непроходимых лесах, которыми они покрыты.

– Есть о чем беспокоиться! Не может быть более непроходимых лесов, чем те, через которые мы уже пробрались; пожалуй, если б у нас были хвосты, как у обезьян, чтобы цепляться за ветви, и можно было бы путешествовать по верхушкам деревьев, – это было бы приятнее, чем с утра до вечера спотыкаться и подвергаться укусам всяких ползучих тварей.

– И вспомните, – сказал Джек, – как они советовали нам остерегаться амазонок.

– Что? Джек испугался шайки женщин?

– Почему бы и нет? – возразил Джек. – Я не убежал бы от мужчины, но женщина – это неестественно. Это, должно быть, ведьмы или черти. Вспомните-ка, как караибы боятся их. И, кроме того, говорят индейцы, там живут люди без шеи, с глазами на груди. При таких условиях что можно с ними сделать?

– Ясно, что нельзя срубить им голову; но я полагаю, что добрый удар между ребер окажет на них такое же действие, как и на их соседей.

– Ну, – сказал Джек, – когда я дерусь, я хочу иметь дело с честной плотью и кровью, а не с этими заморскими уродами. Откуда вы знаете, что их не предохраняет от ран черная магия?

– А ты откуда знаешь, что она их предохраняет? А что касается амазонок, то во всем мире женщины остаются женщинами. Ручаюсь, что их можно обвести вокруг пальца двумя-тремя комплиментами, – заметил Карри.

– Слушайте, друзья мои, – заговорил Браймблекомб, – у меня в уме давно уже вертится мысль, что все против нас, когда мы идем на восток. Подумайте только! За эти два года, лишь только мы сворачивали на восток, мы начинали испытывать бедствия и терять людей; а как только мы уходили на запад, нам все удавалось. И сейчас, я думаю, удастся.

– Хорошо, мы пойдем на запад, – сказал Эмиас, – но что мы будем делать там?

---

⁸⁵ Глава индейского племени.

– Делать? – переспросил Карри. – У нас найдется много дела: говорят, по другую сторону этих гор страна полна золота и испанцев. Так что наши мечи не притупятся от недостатка приключений, мои веселые странствующие рыцари.

Они продолжали шутить, и, прежде чем прошла ночь, был выработан план, отчаянный план, но разве что-либо могло испугать их?

Эмиас долго не спал в ту ночь. На сердце у него было тяжело. Трудно отказаться от дорогой мечты стольких лет, еще труднее будет взглянуть в глаза матери. Но это должно быть сделано ради его товарищей: надо идти не на восток, а на запад.

Итак, на следующий день некий план был предложен и принят. Они поднимутся на горы, отдохнут немного, затем сделают новую попытку с новыми надеждами, быть может, с новыми опасностями.

На следующее утро путешественники двинулись в путь. В течение трех часов они скользили по прозрачной спокойной реке, между двумя зелеными стенами леса, звенящими головами бесчисленных обезьян, птиц и насекомых.

По мере того как солнце поднималось, тишина воцарялась в лесу. Ягуары и обезьяны спрятались далеко в темной глубине. Птицы замерли одна за другой. Даже бабочки перестали порхать и со сложенными крыльшками уснули на глянцевиных листьях. Вскоре слабый, но ясный рокот, постепенно перешедший в ужасающий грохот, дал знать путникам, что они приближаются к водопаду.

Обогнув выступ, где наносная почва образовала небольшую возвышенность, увитую плющом, они очутились перед зрелищем, заставившим всех замолчать, но не от удивления, а скорее от негодования.

– Опять пороги, – проворчал кто-то, – мало их, видно, было на Ориноко!

– Нам придется выйти и вытащить каноэ на землю. Мы потеряем три часа, к тому же в самую жару.

– Дальше будет еще хуже. Разве вы не видите пены позади пальмы?

– Довольно ворчать, друзья, не плачьте, прежде чем вас не побили. Гребите прямо к самому большому из этих островов, – нам нужно осмотреться.

Прямо перед ними вздымалась белоснежная стена бурлящей пены, футов в десять вышиной, вдоль которой лежали в ряд три или четыре острова из черного камня. По обе стороны водопада берега так густо заросли низким кустарником, что высадиться казалось невозможным. Внезапно индеец-проводник, оглянувшись вокруг, шепотом приказал им остерегаться дикарей и указал на пустое каноэ, покачивающееся среди водоворота у самого большого острова. По-видимому, оно было привязано к стволу какого-нибудь дерева.

– Соблюдайте тишину! – крикнул Эмиас. – Гребите туда и захватите каноэ. Если на острове окажется индеец, мы поговорим с ним. Но помните, – обращаться с ним по-дружески; и, если жизнь вам дорога, ни одного удара, ни одного выстрела, даже если он захочет стрелять.

Выбрав полоску спокойной воды, они с большим трудом подвели к берегу свои каноэ и благополучно укрепили их рядом с индейскими. После этого Эмиас, как всегда, первый выскочил на берег и тихо приказал индейскому мальчику следовать за ним.

Весь остров был размером не больше пятидесяти квадратных ярдов. Эмиас с беспокойством искал ожидаемого индейца и не находил его. Перебравшись через покрытую цветами каменную гряду на другую сторону острова, Эмиас неожиданно увидел у подножия шестифутовой каменной стены, на которой он находился, небольшую полосу отлогого тенистого берега, окаймляющего тихую, прозрачную бухточку. Здесь наконец должен был быть владелец лодки, если он только вообще существовал.

Эмиас соскочил вниз, но еще прежде, чем он успел это сделать, с ближайшего камня поднялась высокая фигура и встретила его лицом к лицу.

Это была индейская девушка. И все же, когда он взглянул еще раз, он усомнился: действительно ли это индейская девушка? Эмиас видел сотни этих стройных темнокожих дочерей лесов, но никогда не видел подобной. Она была выше ростом, ее члены были полнее и более округлены; черты ее загорелого лица были гораздо тоньше, чем его собственные; волосы ее были не гладкие, прямые и черные, как у индианок, а блестящие каштановые, ниспадающие богатыми пышными локонами до самых колен. В ней воплотился самый совершенный тип испанской красавицы. Золотое ожерелье, перемешанное с зелеными бусами, обвивало ее шею, а золотые браслеты сжимали щиколотки. В памяти Эмиаса всплыли все слышанные им таинственные и странные легенды о белых индейцах – народе более высокой расы, чем карибы, араваки и солимо⁸⁶. Она должна быть дочерью какого-нибудь великого кацика, быть может, самих исчезнувших инков – почему бы и нет?

Полный простодушного удивления, он уставился на прекрасную девушку, а она бесстрашно смотрела, в свою очередь, на громадную фигуру, странную одежду и особенно на густую бороду и развевающиеся желтые локоны незнакомца.

Эмиас заговорил первый на одном из знакомых ему индейских наречий и с ласковой улыбкой сделал полшага вперед. Но движением, быстрым как молния, девушка подняла с земли лук и угрожающе прицелилась, направив в Эмиаса длинную стрелу. Эмиас остановился, положив на землю свой собственный лук и меч, и снова шагнул вперед, по-прежнему улыбаясь и делая всевозможные знаки, выражающие у индейцев дружбу. Но стрела все еще была направлена ему прямо в сердце. Он хорошо знал быстроту и силу лесных нимф; поэтому он, не двигаясь с места, позвал индейского мальчика. Эмиасу не очень хотелось стоять и ждать, когда стрела вонзится ему в бок.

Мальчик, наблюдавший все происходящее сверху, в одно мгновение спрыгнул к ним и начал для пущей безопасности тыкать носом в землю, обращаясь к девушке на различных наречиях. Наконец она, по-видимому, поняла одно из них и ответила с явной подозрительностью и раздражением.

– Что она говорит?

– Что вы испанец и разбойник, потому что вы носите бороду.

– Скажи ей, что мы – не испанцы, что мы ненавидим их и переплыли через высокие воды, чтобы помочь индейцам перебить испанцев.

Мальчик перевел слова Эмиаса. Нимфа ответила недоверчивым покачиванием головы.

– Скажи ей, что, если она придет к нам свое племя, мы не причиним ему вреда. Мы пробираемся через горы, чтобы драться с испанцами, и просим индейцев показать нам дорогу.

Не успел мальчик договорить, как быстроногая нимфа вспрыгнула на скалу и бросилась к своему каноэ. Внезапно она заметила лодку чужеземцев и замерла с криком испуга и гнева.

– Пропустите ее, – приказал Эмиас, шедший следом за ней, – оттолкните вашу лодку и пропустите ее. Мальчик, скажи ей, чтобы она не боялась: они не будут к ней приближаться.

Но она все еще колебалась и, натянув тетиву, смотрела то на сидящих в лодке, то на Эмиаса, пока те не отошли примерно на двадцать ярдов. Тогда, вскочив в свою крошечную пирогу, девушка бесстрашно направила ее прямо в бешено кружащиеся и бурлящие воды, подвигаясь вперед сильными ударами, а Эмиас с дрожью следил, как легонькое суденышко вертелось и прыгало среди морд аллигаторов и громадных зубастых форелей.

С быстротою стрелы индианка достигла северного берега, выскочила из своего каноэ, скользнула в какой-то узкий проход в кустах и исчезла.

– Что за очаровательную амазонку вы откопали? – крикнул Карри, лишь только они вернулись к месту причала.

---

⁸⁶ Карибы, араваки, солимо, омаги (омахи), орсоны – различные племена южноамериканских индейцев.

– Будь я проклят, – заявил Джек, – если мы не в стране нимф. В следующий раз я рассчитываю увидеть самую Диану⁸⁷ с месяцем на лбу.

– Тогда будьте осторожны, бродя по этим местам, сэр Джек, иначе вы окончите, как Актеон – будете превращены в оленя, и вас загрызет ягуар.

– Актеона загрызли его собственные собаки, Карри, поэтому ваша параллель не выдержана. Но, право, это было настоящее чудо красоты.

Эмиасу не понравилась эта невинная болтовня. И он мрачно сказал:

– Оставьте женщин в покое, господа. Вам раньше придется иметь дело с мужчинами, поэтому вытаскивайте каноэ и будьте настороже.

– Ого! – воскликнул кто-то через несколько минут.

– Здесь, в этой пироге, хватит свежей рыбы, чтобы накормить нас всех. Я полагаю, что эта молодая горная кошка второпях забыла ее. Хотел бы я, чтобы она оставила в придачу свою золотую цепь и побрякушки.

– Оставьте рыбу в покое, – сказал Эмиас.

Матросы были приучены соблюдать строгую справедливость при сношениях с дикарями; но на этот раз они не могли удержаться от лукавого подмигивания и от намеков за спиной капитана, что, кажется, он очень потрясен новым знакомством.

Они умели мастерски ловить рыбу всевозможными индейскими способами, и в скором времени на берегу лежало ее достаточно, чтобы накормить всю компанию.

Целый час прошел, прежде чем вновь появились индейцы, а затем из-под кустов вынырнуло каноэ, и все глаза выжидательно устремились на него.

Эмиас, надеявшийся найти остатки некоей особой расы, был очень разочарован при виде полдюжины обыкновенных орсонов, разрисованных красным орлеаном. На корме сидел седовласый старый индеец, судя по его перьям и золотым украшениям – важное лицо в маленькой лесной коммуне.

Каноэ подошло к самому острову. Эмиас увидел, что индейцы безоружны, и, положив на землю свое оружие, вышел вперед, делая дружеские знаки. Они были возвращены стариком с выражением большого интереса, и следующей заботой Эмиаса было показать рыбу, которую оставила прекрасная нимфа, и, при посредничестве индейского мальчика, дать понять кацiku (по-видимому, это он и был), что чужеземцы возвращают ее. Это предложение, как и рассчитывал Эмиас, было принято с большим одобрением, и каноэ подошло вплотную к берегу, но команда все еще боялась выйти. Эмиас приказал матросам перенести рыбу в лодку.

Затем через мальчика он объявил, – таково было его обыкновение со всеми индейцами, – что он и его спутники – враги испанцев и идут воевать с ними и что все, чего они желают, – это чтобы их мирно пропустили через владения великого вождя и знаменитого воина, которого они видят перед собой. Эмиас правильно рассудил, что даже если старик не кацик, он получит не меньшее удовольствие от того, что его ошибочно принимают за кацика.

После чего почтенный старец, встав в лодке и указав на небо, землю и все окружающее, начал длинную речь. Речь старика, частью переведенная индейским мальчиком, по-видимому, означала, что весть о белых воинах уже достигла ушей говорившего и он прислан дочерью солнца приветствовать их прибытие в эти края.

– Дочь солнца!⁸⁸ – воскликнул Эмиас. – Значит, мы все-таки нашли потерянных инков?

– Мы нашли «нечто», – сказал Карри, – лишь бы оно не оказалось такой же ерундой, как и другие наши находки.

– Мы должны остерегаться обмана, – сказал Иео.

---

⁸⁷ В римской мифологии богиня луны и охоты.

⁸⁸ Инки, как и мексиканцы, были огнепоклонниками. При их храмах состояли девственные жрицы; старшая именовалась дочерью солнца.

– Мы не должны бояться таких вещей, – почти злобно возразил Эмиас. – Разве я не говорил вам сто раз, что если они увидят, что мы им доверяем, то и они будут нам доверять, а если они увидят, что мы относимся к ним подозрительно, то и они будут к нам относиться так же.

И Эмиас приказал матросам сесть в свои каноэ и последовать за старым индейцем, куда он укажет. Простодушные дети лесов пропустили чужеземцев, а затем, улыбаясь, показали им дорогу через поток и через узкий, незаметный проход к спрятанной в зелени лагуне, на которой стояла не Маньоа, а маленькая индейская деревушка.

Глава XXII

Как Эмиас предавался праздности

Это была обыкновенная деревушка, расположенная под сенью пальм, с протянутыми между деревьями гамаками. Но на ней лежал отпечаток чистоты и уюта, значительно превышающий средний уровень индейских деревушек.

По-видимому, англичанам была приготовлена встреча. Дети лесов выстроились в два ряда, оставив посредине открытое пространство. Мужчины стояли впереди, женщины позади, и все были раскрашены орлеаном, индиго и украшены перьями.

Затем на середину выскочило существо, которое, наверное, не обиделось бы, если бы его приняли за дьявола, ибо его костюм был именно на это рассчитан.

На нем была шкура ягуара, с длинным хвостом, с оскаленными зубами, на голове пара рогов и черные и желтые перья, а в руках большая трещотка.

– Этот бездельник – колдун, – сказал Эмиас.

Колдун направился к дверям тщательно запертой хижины и, униженно упав на четвереньки, начал хныкать, обращаясь к кому-то, кто был внутри.

Но вот из хижины раздалось тихое, нежное пение, при первых звуках которого все индейцы почтительно склонились, а англичане удивленно замолкли. Голос был не резкий и гортанный, как у индейцев, а был похож на европейский. Голос рос и звучал все громче и громче, обнаруживая необычайную глубину и силу. Затем дверь хижины открылась, и индейцы простерлись ниц перед той самой прекрасной девушкой, с которой наши друзья столкнулись на острове. На этот раз она была одета в платье из перьев всевозможных цветов и оттенков.

Медленно и торжественно девушка подошла к Эмиасу и, указывая на деревья, сады и хижины, знаками дала ему понять, что все к его услугам, после чего она взяла его руку и робко приложила к своему лбу. При этом выражении покорности в толпе дикарей поднялись восторженные крики. Как только таинственная девушка вновь удалилась в свою хижину, индейцы тесным кольцом окружили англичан, с удивлением рассматривая их мечи, их индейские луки и самострелы и шкуры диких животных, в которые они были одеты. Женщины поторопились принести фрукты, цветы, маниоковый хлеб и (к большому беспокойству Эмиаса) опьяняющее тыквенное питье. Коротко говоря, под деревьями начался веселый пир. Звуки труб и барабанов сливались в дикую музыку, а гибкие девушки и юноши плясали странные танцы. Последнее так возмутило Браймблекомба и Иео, что они стали убеждать Эмиаса немедленно уйти отсюда.

Эмиас охотно согласился вернуться на остров, пока матросы еще трезвы. После дружеских прощаний и обещаний наутро вновь приехать отряд отправился обратно в свою крепость на острове, ломая головы над вопросом, кем или чем может быть таинственная девушка.

На следующий день они вновь посетили деревушку и в течение недели продолжали приезжать каждый день; но девушка появлялась лишь изредка и держалась в отдалении. Как только Эмиас научился объясняться немного со своими новыми друзьями, он спросил кацика, кто она. Тот долго отнекивался и не хотел говорить, но наконец со всевозможными предосторожностями приступил к рассказу, вернее, к ритмическому пению о том, как много лун тому назад (он не может сказать, сколько) его племя было великим народом и обитало в Пакамене, откуда их выгнали испанцы, и как во время своих скитаний по горам, лежащим за огнедышащей вершиной Котопахи, они нашли в лесу ребенка лет семи. Пораженные его белой кожей и красотой, они приняли его за божество и взяли с собой. Когда они убедились, что девочка такого же человеческого происхождения, как они сами, их удивление едва ли уменьшилось. Как могло такое нежное существо выдержать жизнь в этих лесах и избежать ягуаров и змей? Она, должно

быть, находится под особым покровительством богов; она должна быть дочерью солнца, одной из рода великих инков, весть об ужасной судьбе которых достигла даже этих диких лесов.

По приказанию колдуна девочка была окружена королевскими почестями, дабы привлечь благосклонность ее предка – солнца и заслужить милость инков в дни их будущей славы. Выросши, она, по-видимому, стала среди них чем-то вроде пророчицы. Она до сих пор не была замужем – не только потому, что пренебрегала ухаживаниями юношей, но и потому еще что, по словам колдуна, примесь их крови унизила бы род, происходящий от самого солнца. Колдун приказал отвести ей хижину рядом со своей собственной; в эту хижину ей приносили еду, а она давала вещие ответы на задаваемые ей вопросы.

Таков был рассказ кацика.

Эмиас молчал. Он был полон грез, если не о Маньоа, то, во всяком случае, о последних инках. Что, если их можно еще найти на южных истоках Амазонки! В таком случае он уже совсем близко от них. Это очень досадно. Правда, он уверен, что в тех местах инки не создали большого государства, иначе он давно услышал бы о нем. Может быть, позже они двинулись отсюда на восток, чтобы избежать нового нашествия испанцев, и эта девочка была потеряна ими во время бегства. Затем он со вздохом вспомнил, как безнадежно начинать новые поиски с его уменьшившимся отрядом. По крайней мере он может узнать что-нибудь достоверное от самой девушки. Это может быть полезно ему в случае какой-нибудь новой попытки, потому что он совсем еще не отказался от мысли найти Маньоа. Если только он благополучно доберется до родины, там найдется много храбрецов (ему на ум сразу пришел Рэли), которые охотно присоединятся к нему для новых поисков золотого города Гвианы на этот раз не через Высокие воды, а через устье Ориноко.

Затем Эмиас и его спутники уехали на свой остров.

Время шло. Англичане продолжали каждый день посещать деревушку. Неизвестно, какие чувства удерживали Эйаканору – так звали девушку – в отдалении от них.

Но вскоре она преодолела себя – быть может, из простого женского любопытства, может быть, из потребности в развлечении. Не прошло и месяца, как Эйаканора стала часто охотиться с Эмиасом в соседних лесах со свитой избранных нимф, которых она убедила последовать ее примеру и отвергнуть своих прежних вздыхателей.

Наконец настал день, когда Эмиас объявил, что намерен пуститься в дальнейший путь; к своему удовольствию, он нашел своих спутников вполне готовыми двинуться к испанским владениям. Им не хватало одного – пороха для мушкетов. Но они могли бы его приготовить в пути, если достанут необходимые материалы. Древесного угля вокруг было достаточно, но селитры они до сих пор нигде не видели; может быть, они найдут ее в горах; что касается серы, всякий храбрый человек может раздобыть ее там, где есть вулканы. Кто не слышал о том, как один из испанских спутников Кортеса был спущен в корзине в дымящийся кратер Попокатепетля и набрал в нем серы. А раз это мог сделать испанец, то это сделает и англичанин. Если же они ничего не найдут, – что ж? Верные луки не раз служили им службу, не считая самострелов и стрел, отравленных ядом кураре⁸⁹, которые, хоть и бесполезны против доспехов, но для добывания пищи более пригодны, чем мушкеты.

Оставалось сделать еще одну вещь – пригласить индейских друзей сопутствовать им. И на следующий день в должной форме было сделано предложение. На совет, разумеется, пригласили Эйаканору. Все шло совершенно гладко, пока старый кацик не заметил, что, прежде чем тронуться в путь, союзникам следует заключить договор о разделе добычи.

Ничего не могло быть разумнее, и Эмиас попросил кацика сказать его условия.

– Вы возьмете золото, а мы пленников.

---

⁸⁹ Растительный яд, употребляемый южноамериканскими индейцами. Один из сильнейших в мире. Противоядие к нему открыто наукой лишь недавно.

– А что вы с ними сделаете? – спросил Эмиас, помнивший о злосчастном договоре, заключенном в подобном же случае Джоном Оксенхэмом.

– Съедем их, – невинно ответил кацик.

Эмиас свистнул.

– Гм, – сказал Карри, – оправдывается старая пословица – много хорошо, а мало лучше. Думаю, что на этот раз мы обойдемся без наших краснокожих друзей.

Эйаканора, призывавшая к войне, была очень огорчена, но кацик был человеком дела и настаивал на своем.

– Разве это хорошо? – спрашивал он. – Белый человек любит золото, и он добывает его. На что индейцу золото? Он хочет только покушать, и он должен есть своих врагов. Чем другим вы можете заплатить ему за то, что он пойдет так далеко через леса и будет страдать от голода и жажды? Вы хотите взять себе все, а омаги не должны получить ничего.

Довод был неопровержим, и на следующий день англичане ушли одни.

А Эйаканора?

Когда отъезд был окончательно решен, она скрылась к себе в хижину и больше не показывалась. И Эмиас покинул ее, жалея об ее отсутствии, но довольный и радостный, так как снова принимался за дело.

Глава XXIII

Как они захватили караван с золотом

Две недели сурового пути. Распрощавшись навсегда с безграничным зеленым простором восточных равнин, странники пересекли Кордильеры, бросили жадный взгляд на окруженный роскошными садами город Санта-Фе⁹⁰ и убедились, как и ожидали, что он слишком велик и не стоит даже делать попытки овладеть им. Но все же они не потеряли времени даром. Индейский мальчик узнал, что из Санта-Фе в Магдалену направляется караван с золотом. Этот караван они решили захватить.

Они расположились лагерем под деревьями над тем местом, где дорога вьется по отвесному склону горы.

Все их попытки найти серу и селитру до сих пор не увенчались успехом. Поэтому они по-прежнему вынуждены были полагаться на свои мечи и стрелы.

Итак, сбросив на тропинку большое дерево, чтобы перегородить дорогу каравану, они уселись среди цветов и, грызя орехи, обсуждали вопрос, что за шум они слышат каждую ночь с тех пор, как покинули берега Меты.

Это не было похоже ни на ягуара, ни на обезьян, ни на один из знакомых им звуков. Впрочем, на то они были в стране чудес, и, кроме того, караван с золотом куда важнее всякого шума.

Наконец снизу послышался сильный треск и громкий крик. Треск не был звуком ломающихся ветвей или стуком дятла, а крик не был визгом попугая или воем обезьяны.

– Это щелканье бича, – сказал Иео, – и женский плач. Они приближаются, ребята.

– Женский? Неужто они тащат с собой женщин? – спросил Эмиас.

– Почему бы и нет? Вот они! Видите, как блестят их копья.

– Ребята, – тихо сказал Эмиас, – не стрелять, пока я не подам знака. Тогда выпускайте по одной стреле, затем меч наголо и на них. Вперед и ни звука.

Караван медленно поднимался. Впереди двигалось человек двадцать солдат. Только половина из них шла пешком. Другую половину несли в креслах на своих спинах индейцы. Те солдаты, которые шли, передали самое тяжелое оружие и аркебузы следующим за ними рабам, подталкиваемым пинками солдат, идущих сзади.

– Эти люди с ума сошли, выпустив из рук свое огнестрельное оружие.

– О, сэр, индеец будет молиться аркебузу, чтоб тот не застрелил его.

– Десять ружей, – подсчитал деловитый Эмиас, – и десять пик. Билл сможет напасть на них сверху.

Последним шествовал какой-то офицер, тоже в кресле на спине индейца, ежеминутно вынимающий изо рта сигару, чтобы разразиться проклятиями.

Дальше двигалась новая процессия – длинная цепь индейцев и негров, обнаженных, изнуренных, исполосованных кнутом и кандалами. Прикованные друг к другу за левую руку, они спотыкались и обливались потом под тяжестью корзин, придерживаемых ремнями, обвязанными вокруг головы. Иео сказал правду. Здесь были не только старики и юноши, но и женщины: стройные девушки и матери с детьми, бегущими около их ног.

Первые сорок человек, как насчитал Эмиас, несли на своих спинах груз, который сразу заставил всех англичан, за исключением, может быть, самого Эмиаса и Иео, забыть о тех несчастных, которые тащили этот груз. В каждой корзине лежал четырехугольный, тщательно перевязанный сверток. Наш друг Эмиас был хорошо знаком с этими свертками.

---

⁹⁰ Город недалеко от Дарийского залива, пограничного между Центральной и Южной Америками.

– Что в них, капитан?

– Золото!

При этом слове все глаза жадно устремились вперед, и поднялся такой шум, что Эмиас должен был предостеречь своих людей.

– Будьте осторожны, будьте осторожны, или вы все погубите!

Последние двадцать индейцев несли большие по размеру, но более легкие корзины, наполненные, по-видимому, маниоковой мукой, маисом и другими съестными припасами. За ними шли носильщики и сопровождаемые рабами еще двадцать солдат. Шествие замыкал офицер, улыбающийся, покручивающий громадные усы и меньше всего думающий о неприятельской стреле, которая вот-вот в него вонзится.

Все было готово. Единственный вопрос – как и когда начинать.

Внезапно, как обычно бывает, повод явился по их собственной вине.

Одним из последних в ряду скованных индейцев шел старый седобородый человек вместе со стройной девушкой лет восемнадцати. Как раз при их появлении передняя часть колонны завернула за угол, послышался шум, и чей-то голос крикнул:

– Остановитесь, сеньоры, через дорогу лежит дерево.

– Дерево через дорогу, – повторил офицер с различными горячими обращениями к исчадиям ада, к святому Яго Компостельскому⁹¹ и множеству других личностей.

Меж тем цепь дрожащих индейцев, которым спереди приказывали остановиться, а сзади гнали вперед ударами, металась взад и вперед до тех пор, пока бедный старик не упал со стоном на дорогу.

Офицер соскочил с кресла и бросился вперед узнать, что случилось, и наступил на старика.

– Дед Вельзевула, нашел место разлечься! – И толкнул его острием своего меча.

Старик пытался встать, но тяжесть на голове превышала его силы. Он снова упал и лежал неподвижно. Надсмотрщик с силой ударил его несколько раз, но далее эта мера оказалась бесполезной.

– Гастадо, сеньор капитан, – сказал он, пожимая плечами, – негоден. Он болен уже три месяца.

– О чем думал интендант, посылая мне этакую дрянь? Вперед! – крикнул офицер.

– Очистите дорогу, сеньоры, а я живо очищу цепь. Держи, Педрилья.

Надсмотрщик поднял цепь, которая была прикреплена к кисти руки старика. Офицер отступил и занес над головой свой толедский клинок.

Офицер был крупный, широкоплечий человек, и Эмиас думал, что он собирается показать силу своей руки, одним ударом перерубив цепь.

Даже Эмиас не был подготовлен к чудовищной прихоти испанского искателя приключений, достойного сына тех первых завоевателей, которые имели обыкновение испытывать остроту своих мечей на живых телах индейцев и щекотать себе обоняние запахом жареных какиков. Клинок блеснул в воздухе раз-два и опустился, но не на цепь, а на руку, которая была ею скована.

Раздался крик, брызнула кровь, – и цепь и пленник были разделены. В то же мгновение девушка, быстрая и свирепая, как тигр, подскочила к офицеру, с дикой силой схватила его на руки и бросилась с ним с узкой тропинки в пропасть.

Послышался шум, крик. Все головы склонились над бездной. Девушка повисла на скованной руке. Офицер исчез. Наступило мгновение тишины, а затем Эмиас услышал, как далеко внизу тело ударилось о деревья.

---

⁹¹ Святой покровитель Испании.

– Тащить ее наверх! Растерзать на куски! Сжечь ведьму! – И надсмотрщик, схватив цепь, изо всех сил потащил ее к себе, меж тем как остальные, соскочив со своих кресел, столпились на краю пропасти.

Теперь для Эмиаса настало время действовать. На расстоянии десяти ярдов он пронзил стрелой тело надсмотрщика, а затем обрушился на остальных. Он вытащил девушку и поставил на дорогу, меж тем как испанцы отпрянули в разные стороны, приняв его за какого-то горного великана. Однако его «ура» тотчас обнаружило им их ошибку. Поднялся крик: «Англичане, лютеранские собаки!» Но было слишком поздно. Люди из Девона последовали за капитаном. Ураган стрел умертвил пятерых испанцев и ранил еще дюжину, а затем подскочил Сальвейшин Иео со своими развевающимися белыми волосами и с ним еще двадцать мечей. И смертоносная работа началась. Испанцы дрались, как львы, но у них не было времени зарядить аркебузы и не было места, чтобы пустить в ход пики. Нападавшие имели за собой стену, а в подобных условиях это значило держать врага в своих руках. Пять отчаянных минут – и на дороге не осталось ни одного живого испанца, ни одного живого не нашлось бы и в зеленой бездне внизу.

– Теперь освободите индейцев.

На одном из мертвых тел нашли инструменты, и приказ был тотчас выполнен.

Большая часть пленных сохранила полное равнодушие, и, когда их освободили от цепей, они спокойно сели там, где стояли. Железо слишком глубоко въелось в их душу.

Казалось, они разучились надеяться, радоваться, даже понимать что-либо.

Но молодая девушка, которая была последней в цепи, лишь только ее освободили, бросилась к телу своего отца, подняла его своими тонкими руками, положила к себе на колени, стала целовать его увядшие губы, ласкать морщинистую шею, все время бормоча что-то нечленораздельное, чего никто не мог понять. Затем она встала, держа тело на руках. Еще мгновение, и она бросилась в пропасть. Все смотрели, как ее тело, сплетенное с телом старика, перевернулось раз, другой, третий, пока треск ветвей и гам, поднявшийся среди птиц, не сказали им, что она достигла деревьев, и зеленая чаша скрыла ее.

– Мы должны взять оружие этих негодяев и их одежду также, Иео, если хотим спокойно добраться до Магдалены. Теперь слушайте. Мы добыли достаточно золота, чтобы обеспечить остаток нашей жизни, и не потеряли при этом ни единого человека. И мы сможем добыть еще больше, если будем умны. Но, друзья мои, вспомните мистера Оксенхэма и его команду и не превращайте золото в причину нашей гибели из-за предательства, жадности или чрезмерной поспешности.

– Что мы должны делать?

– Золото понесут индейцы, – сказал Эмиас. – Но нам нужно пробраться через самое сердце испанских владений и через город Санта-Мария. Поэтому мы должны носить одежду и оружие этих испанцев, чего бы это нам ни стоило. Сколько человек лежит на дороге?

– Тринадцать здесь и еще около десяти выше, – ответил Карри.

– Значит, около двадцати упали. Кто согласен спуститься в пропасть и принести их вещи?

Дюжина выступила вперед.

– Идите за мной. Сэр Джек, возьмите мальчика в качестве переводчика и попробуйте успокоить этих бедных индейцев. Разъясните им, что они все будут свободны.

– Смотрите, кто это поднимается по дороге?

Все глаза обратились по указанному направлению. К ним приближалась Эйаканора с самострелом в руках и луком за спиной, наряженная в свою одежду из перьев, хотя едва ли можно было найти что-нибудь менее подходящее для двухнедельного странствия по лесу.

Все опешили от изумления, а она, увидев Эмиаса, испустила радостный крик и ускорила свой шаг до бега и, наконец, задыхаясь, упала к его ногам.

– Я нашла вас, – говорила она, – вы хотели скрыться, но вы не сможете избавиться от меня.

– Что я буду с ней делать?! – воскликнул Эмиас, глядя на плачущую девушку.

Но медлить было некогда, и Эмиас начал карабкаться по скале, а девушка, увидев, что большая часть отряда осталась, уселась на каменный выступ ждать его. Через полчаса тяжелого труда оружие, одежда и доспехи свалившихся вниз испанцев были подняты на гору и распределены между матросами. Лежавшие на тропинке тела были сброшены в пропасть, и отряд возобновил свой путь на Магдалену. Теперь у Эмиаса нашлось время спросить Эйаканору, что означает ее странное появление. Он предпочел бы ее видеть где угодно, только не здесь. И когда Эмиас говорил с ней, в его голосе, из страха обидеть ее, было больше нежности, чем когда-либо прежде.

Она рассказала ему, как день и ночь шла по их следам, стараясь производить самые громкие звуки, какие могла, надеясь, что они услышат ее и либо подождут, либо вернуться обратно узнать причину шума.

Теперь Эмиас вспомнил странный рев, который их преследовал.

– Шум, чем вы его делали?

Эйаканора с таинственным видом подняла палец, а затем осторожно извлекла из своего платья какой-то предмет.

– Посмотрите, – прошептала она, как бы испуганная тем, что сама вещь может услышать ее. – Священная труба.

Это была красивая глиняная труба, около двух футов длиной, искусно глазированная, разрисованная причудливыми узорами и фигурами животных – очевидно, наследие какой-то исчезнувшей цивилизации.

– Что это значит, Эйаканора, и почему вы пошли за нами? – спросил Эмиас.

Она рассказала длинную историю, из которой Эмиас разобрал, что эта труба в течение многих лет была единственной вещью в племени, почитаемой больше нее; единственной вещью, на которую ей не разрешено было смотреть потому, что она женщина. Тогда она решила доказать, что женщина может быть не хуже мужчины. С тех пор начались ее амазонские подвиги. И все же колдун не хотел ни показать ей трубу, ни сказать, где она спрятана, а искать ее Эйаканора боялась, так как даже ей угрожал бы гнев племени. Но на следующий день, как только ушли англичане, колдун начал выражать свою радость по поводу их ухода. Последовало столкновение между учителем и ученицей, кончившееся тем, – призналась Эйаканора, – что она подожгла хижину старого мошенника. Он выскочил оттуда, потеряв все свои колдовские принадлежности, и убежал в лес. А она, забрав достаточно съестных припасов, оружия и перья, отправилась по его следам и настигла его в то самое мгновение, когда он доставал из земли таинственную драгоценность. Она бросилась на несчастного колдуна и с триумфом утащила свою добычу. И вот она здесь.

– Я надеюсь, вы не убили его? – спросил Эмиас.

– Я немножко поколотила его; но я подумала, что вы не позволили бы мне убить его.

Эмиаса слегка позабавило это признание, свидетельствовавшее о его влиянии на нее, а она продолжала:

– А затем я не смела вернуться к индейцам, и потому мне пришлось пойти за вами.

Девушка удалилась в арьергард и твердо пошла за всеми другими. Она ни с кем не разговаривала, но, очевидно, решила следовать за англичанами до конца.

Глава XXIV

Как они захватили большой галеон

Епископ Картахены сидел в роскошной каюте большого галеона «Город Веракрус» и задумчиво смотрел в окно. Он пребывал в состоянии блаженного покоя. Его массивная фигура возлежала в одном мягком кресле, а массивные ноги покоились на другом – подле стола, уставленного апельсинами, сладкими лимонами, гуавами и ананасами.

Девушка-индианка, разукрашенная шарфами и золотыми цепями, стояла за его стулом, отгоняла мух опахалом из перьев, а перед ним стояла во льду не одна бутылка славного аликантского вина.

Но епископ не был так эгоистичен, чтобы вкушать прелесть плодов и вина в одиночестве: дон Педро – командир находящихся на корабле солдат, дон Альверез – интендант службы его католического величества в городе Санта-Марта, и дон Пауль – капитан корабля «Город Веракрус», по особому приглашению епископа, явились к нему в этот вечер и совместно с двумя католическими монахами, сидящими на нижнем конце стола, прилагали все усилия, чтобы убедить епископа не принимать слишком близко к сердцу печального положения его соборного города, недавно ограбленного и сожженного сэром Фрэнсисом Дрейком.

Лишь только гости ушли, епископ приказал индианке подать ему из-под подушки шкатулку и, бормоча молитвы по требнику, злобными, жадными глазами скаредной старости стал пожирать драгоценности, наполнявшие шкатулку.

– А все же это даст мне возможность купить красную шапку⁹². Поставь ее на место, Тита, и не смотри на нее слишком долго, дитя мое, не поддавайся искушению. Небо из любви к индейцам сделало их бедными в этой жизни, чтобы вознаградить в будущем. Ах! Уф! Так! – И старый скряга влез на свою койку.

Тита задернула над ним сетку от москитов, второй сеткой обернула свою голову и сделала вид, что уснула в углу на полу.

Полночь давно миновала, и луна скрылась. Часовые, которые топали и покрикивали наверху, пока не уснули их офицеры, разбрелись в разные стороны и заснули не менее крепко, чем епископ.

Два длинных предмета выскользнули из-за одинокого утеса Морро Гранда, лежащего на расстоянии около пятисот ярдов от галеона. Они были почти невидимы на сверкающей поверхности воды, будучи совершенно белыми. Если бы даже часовой смотрел на них, он мог бы их заметить только благодаря фосфоресцирующим полосам по бокам.

Епископ проснулся и с трудом повернулся на бок. Выпитое вино давало себя чувствовать. Болела голова. Он неловко сел на своей койке и позвал Титу.

– Подсунь мне другую подушку под голову, дитя! Что это, рыба?

Тита посмотрела. Она предпочла ничего не говорить. Ее слова вызвали бы возражения, а у нее были свои причины желать, чтобы епископ скорее уснул. Епископ взглянул еще раз, решил, что это, должно быть, белый кит или акула, или другое морское чудовище, перекрестился и снова захрапел.

В это время дверь каюты тихонько открылась и просунулась голова интенданта.

Тита села, а затем скользнула меж столов и стульев.

– Спит он?

– Да, но шкатулка у него под головой.

---

⁹² Звание кардинала.

– Черт бы его побрал. Как же мы достанем ее? Галеон отплывает завтра утром, и тогда все пропало.

Тита показала свои белые зубы и дотронулась до кинжала, который висел на боку интенданта.

– Я не посмею, – вздрогнув, сказал негодяй.

– Я посмею, – сказала она, – он бил мою мать, она не хотела отдавать меня в их школу учиться. Он послал ее на рудники, и она умерла через три месяца. Я видела, как она шла с цепью на шее. Я смею убить его! Я хочу убить его! Хочу!

Сеньор почувствовал себя гораздо легче. Разумеется, у него не было желания самому совершать убийство, потому что он был добрым католиком и боялся дьявола. Но Тита – индианка, и если ее душа погибнет, это не так важно. Души индейцев стоят так же мало, как и их тела. Так думал интендант; и поэтому он ответил:

– Но нас накроют.

– Я выскочу из окна с шкатулкой и поплыву к берегу. Они никогда не заподозрят вас и подумают, что я утонула.

– Тебя может схватить акула, Тита. Лучше отдай мне шкатулку.

Тита улыбнулась:

– Вы не хотите потерять ее и мало беспокоитесь о том, что потеряете меня. И все же вы говорили мне, что любите меня.

– И я люблю тебя, Тита! Я женюсь на тебе! Клянусь! Я готов поклясться на распятии, если хочешь!

– Тогда клянитесь, или я не дам вам шкатулки, – сказала Тита, вытаскивая маленькое распятие, висевшее у нее на шее, и пожирая испанца глазами, полными любви.

Дрожащий и бледный, он поклялся.

– Дайте мне ваш кинжал.

– Нет! Его могут найти. Меня заподозрят. Что, если увидят, что мои ножны пусты?

– Тогда ваш нож. Его горло достаточно нежно. – Она неслышно, как кошка, скользнула к койке, а ее трусливый сообщник дрожа стоял на другом конце каюты, повернувшись к ней спиной и закрыв глаза, чтобы не видеть, что она делает.

Внезапно чья-то тяжелая рука схватила его за горло. Что это – епископ или его дух? И, позабыв все, кроме дикого страха, интендант открыл рот для крика, но в ту же минуту ему в рот был засунут платок, а в следующую он лежал на столе, связанный по рукам и ногам. Каюта была полна вооруженных людей.

Двое из них вязали епископа, двое других держали Титу.

– Теперь, Билл, – прошептал схвативший интенданта, – наверх и изо всех сил кричи «Пожар!». Девушка-убийца! Ваша жизнь в моих руках. Покажите мне, где спит командир, и я прошу вас.

Тита взглянула на громадную фигуру говорившего и молча повиновалась. Интендант видел, как она вошла в каюту полковника, затем послышалась короткая борьба, и на мгновение воцарилась тишина. Но только на мгновение, потому что уже был дан сигнал к тревоге и поднялась дикая суматоха.

Эмиас (это был он) уже овладел кормой. Часовые были связаны и лежали с кляпом во рту; полуголых матросов, которые в одних рубахах, дрожа, вылезали на палубу через решетчатый люк с возгласами: «Пожар! Крушение! Измена!», хватали и сбрасывали вниз.

– Спустите эту лодку! – крикнул Эмиас по-испански двум или трем испанцам, которым все же удалось выбраться на палубу.

Безоружные, раздетые люди не посмели послушаться.

– Теперь прыгайте в нее и ловите других.

Каждого вновь появляющегося хватали в охапку и бросали за борт, в лодку.

– Теперь режьте канат и плывите, куда хотите, но если вы сделаете попытку вернуться на корабль – мы вас потопим.

– Пожар, пожар! – продолжал кричать Карри. – Все наверх, если жизнь вам дорога!

Хитрость вполне удалась. Не прошло получаса, как все лодки, битком набитые испанцами в одних рубашках, летели к берегу со всей быстротой, на какую только были способны.

– Поставь грот и фок-зейль⁹³, Билл! – сказал Эмиас. – Обрежь канат. Когда двинемся, мы начнем щипать перья с убитой дичи.

– Из тебя вышел бы недурной сокольничий! Надеюсь, потроха этого большого боевого петуха придутся нам по вкусу!

– Уверен в этом, – сказал Джек Браймблекомб, – не даром он так низко сидит.

– Главным образом благодаря твоей тяжести, Джек! Кстати, где командир?

Увы! Забытый в суматохе, связанный дон Педро беспомощно лежал на палубе в одной рубашке. Он уже истощил весь свой запас обращений к невидимому миру. В ту самую минуту, как Эмиас произносил последние слова, мимо его уха просвистели две пули, выпущенные откуда-то снизу. Из окон кормы, выходящей на верхнюю палубу, был открыт меткий огонь. Эмиас не хотел напрасно рисковать жизнью, зная, что количество оставшихся на корабле испанцев все еще может превышать количество нападавших, и отступил на корму вместе со своими матросами. Начался горячий бой между двумя отрядами воинов, которые легко могли отличить своих от чужих по особенностям одеяния. Испанцы дрались в одних рубашках, англичане были одеты во что угодно, но среди них не было ни одного в рубашке. Испанцы бились как бешеные, но, несмотря на численное превосходство, постепенно отступали.

– Сдавайтесь, сеньор! – крикнул Эмиас освобожденному командиру, который дрался бок о бок с капитаном корабля.

– Никогда! Вы оскорбили меня. Моя или ваша кровь должна пролиться!

И командир бросился на Эмиаса. Несколько мгновений оба проявляли свое фехтовальное искусство, а затем Эмиас нанес противнику удар по голове, но в ту же минуту, как он поднял руку, клинок испанца скользнул по его ребрам и застрял в плечевой кости; на один дюйм левее – и он пронзил бы сердце нашего друга. Тем не менее последовал ответный удар, и командир упал, оглушенный плоской стороной меча, но не пораженный насмерть, так как рука Эмиаса дрогнула. Капитан корабля, увидев, что Эмиас пошатнулся, прыгнул на него и, схватив его руку, прежде чем он успел снова поднять меч, приготовился проткнуть Эмиаса насквозь. Эмиас, в свою очередь, попытался поймать руку капитана, но из-за слабости и темноты это ему не удалось. Еще мгновение, и все было бы кончено.

Перед глазами Эмиаса сверкнул блестящий клинок. Рука капитана, сжимавшая запястье Эмиаса, разжалась; капитан упал мертвым. А над ним стояла Эйаканора с развевающимися длинными волосами и поднятым кинжалом.

– Вы ранены? – задыхаясь, спросила она.

– Царапина, дитя. Что вы тут делаете? Ступайте назад, назад! – Эйаканора повернулась, как провинившийся ребенок, и исчезла в темноте.

Битва кончилась. Испанцы, увидев, что их командир упал, побросали оружие и стали просить пощады. Она была им дана. Бедняги были связаны попарно и рассажены в ряд на палубе. Командир, получивший тяжелый ушиб, был вынужден сдаться, и галеон был взят. Эмиас поспешил отдать приказ распустить паруса.

---

⁹³ Грот – большой прямой парус на нижней рее грот-мачты; фок-зейль – нижний парус на фок-мачте; марсель – парус, второй снизу, поднимаемый у марса, т. е. у первого колена мачты (называется в зависимости от того, какой марсель поднимается на фок-мачте, грот-мачте или бизани – формарселем, гротмарселем или крьюселем).

– Теперь, ребята, вытаскивайте из каноэ золото Санта-Фе, а затем мы свернем на северо-восток и двинемся вперед, домой, в старую Англию. И, мистер Браймблекомб, на этот раз вы не посмеете сказать, что стремление на восток приносит несчастье.

Около семи часов корабельный дворецкий-португалец, получивший вместе с поваром-негром надлежащие инструкции от Джека Браймблекомба, явился на палубу и с глубоким поклоном объявил «светлейшему и героическому сеньору губернатору английскому капитану», что завтрак ждет его в лучшей каюте.

– Надеюсь, вы не откажете нам в чести сопутствовать нам в качестве нашего гостя или нашего хозяина, если вы предпочитаете это звание? – сказал Эмиас стоящему невдалеке командиру.

– Простите, сеньор, но моя честь воспрещает мне есть вместе с тем, кто нанес мне неизгладимое оскорбление, связав меня.

– О, – сказал Эмиас, снимая шляпу, – в таком случае прошу вас немедленно принять мои извинения за все происшедшее и мои уверения, что все неприятности, которым вы, к несчастью, подверглись, были вызваны исключительно военной необходимостью, а ни в какой мере не желанием оскорбить вас.

– Довольно, сеньор, – сказал командир, кланяясь и пожимая плечами, ибо, разумеется, он тоже был голоден.

Они спустились вниз и нашли уже развязанного к тому времени епископа, сидящего в углу каюты со сложенными на коленях руками и блуждающими глазами, и двух монахов, тесно прижавшихся к стене и без усталости бормотавших молитвы.

– Ваше преосвященство, разумеется, будет завтракать с нами и эти двое в рясах также. Я не вижу причины отказывать им в гостеприимстве пока что.

Он сделал на последних словах ударение, заставившее вздрогнуть обоих монахов.

– Наш капеллан⁹⁴, конечно, возьмет их на свое попечение, джентльмены. Его милость епископ окажет мне честь сесть подле меня.

Епископ, казалось, медленно приходил в себя, вдыхая живительные ароматы, и наконец, машинально поднявшись, опустился на стул, предложенный ему Эмиасом слева от него, в то время как командир сел справа.

– Кусочек козули, ваше преосвященство? Нет? Ах, пятница – я и забыл⁹⁵. Тогда немного этого черепахового плавника. Билл, подай его милости. Передай сюда маниоковый хлеб, Джек. Сеньор командир, стакан вина. Вы нуждаетесь в нем после ваших трудов. За здоровье всех храбрых воинов, в честь вашей пословицы: «Сегодня ты, а завтра я!»

– Я пью вместе с вами, доблестный сеньор! Ваша учтивость делает вас достойным соотечественником генерала Дрейка и его славного лейтенанта!

– Дрейка? Вы знаете его, сеньор? – спросили все англичане в один голос.

– Разве вам не известно, сеньор, что он и его флот лишь в прошлом году подошли к этим берегам и взяли, со стыдом признаюсь в этом, Картахену, Сан-Доминго, Сант-Августин и... Я вижу, вы слишком вежливы, сеньоры, чтоб выразить в моем присутствии то, что вы имеете право чувствовать. Но откуда вы явились? С неба или со дна моря? Что вы не нуждались в помощи черной магии после того, как очутились на борту, я, к сожалению, слишком хорошо могу удостоверить, но какой дух доставил вас на борт и откуда? Где ваш корабль? Я думаю, что вся эскадра Дрейка покинула эти места уже более полугода.

– Наш корабль, сеньор, был сожжен три года тому назад на берегу мыса Кодера.

– А! Мы слышали об этом смелом приключении, но думали, что вы все погибли внутри страны.

---

⁹⁴ Военный священник.

⁹⁵ По католическим церковным правилам – пост.

– Вы слышали? Тогда не можете ли вы мне сказать, где находится в данное время правитель Ла-Гвайры?

– Дон Гузман де Сото? – ответил командир несколько принужденным тоном. – По слухам, он находится в настоящее время в Испании, покинув свою должность вследствие домашних обстоятельств, о которых я не имею чести ничего знать.

Эмиас страстно желал спросить еще что-нибудь, но он знал, что тот не станет рассказывать ничего касающегося чужой жены, и продолжал:

– Что случилось с нами потом, я вам откровенно расскажу.

И Эмиас рассказал свою историю, начиная с той минуты, как он высадился в Гвайре и до перехода через Магдалену.

– Будем надеяться, что эти удачи скоро кончатся, – проворчал про себя один из монахов. Джек расслышал его слова.

– Послушайте, милорд епископ, – позвал он с другого конца стола, – мы, англичане, имеем привычку разрешать нашим гостям быть дерзкими; но, может быть, ваша милость соизволит намекнуть этим двум братьям, что, если они хотят сохранить свою шкуру в целости, пусть не дают воли языку.

– Молчите, ослы! Мулы! – закричал епископ, настроение которого поднялось под влиянием вина. – Кто вы, что не можете проглотить мерзости?!

– Хорошо сказано, милорд. За здоровье нашего святейшего и уважаемого гостя, – сказал Карри, меж тем как командир шепнул Эмиасу:

– Жирный, старый деспот. Я надеюсь, вы нашли его деньги, потому что я уверен, что они у него где-то спрятаны, и я буду очень огорчен, если вы не сможете ими воспользоваться.

– Я расскажу вам потом кое-что по поводу этих денег, командир... Кстати, лучше рассказать это сейчас. Милорд епископ, вы потеряли бы не только деньги, как теперь, но и самую жизнь.

– Деньги?! Мне нечего было терять! Жизнь? Что вы хотите сказать? – бледнея, спросил епископ.

– Это самое, сэръ. Не следует лгать тому, чье горло лишь четыре часа тому назад было спасено от ножа убийц. Когда мы вошли в вашу каюту, мы застали в ней двух людей, находящихся в настоящее время здесь на корабле; они собирались перерезать вам горло, чтобы иметь возможность похитить вашу шкатулку, которая лежала у вас под подушкой. Минутой позже, и вы были бы мертвы. Мы схватили и связали их и, таким образом, спасли вам жизнь. Теперь вам ясно?

Епископ упорно и тупо смотрел в лицо Эмиасу, затем глубоко вздохнул и медленно осел в своем кресле, уронив стакан.

– Возможно ли это, сеньор? – спросил командир.

– Это чистейшая правда. Эй, кто там? Иванс, походи и приведи того негодяя, которого мы оставили связанным в его каюте.

Иванс ушел, а командир продолжал:

– Но наш корабль... Каким чудом попали вы на него?

– Очень просто и без всякого чуда. Позапрошлой ночью мы вышли из бухты на двух каноэ, связанных вместе. Накануне днем мы тщательно вычистили их и натерли белым илом, чтобы ночью они были невидимы, и таким образом благополучно добрались до Моро Гранде, пройдя в какой-нибудь полумиле от вашего корабля.

– Эти бездельники часовые!

– Мы высадись на другой стороне Моро и простояли там весь день, подготовляясь к тому, что выполнили. Мы взяли наши паруса, сделанные из индейской ткани, и выбелили их илом, который привезли с собой по реке (мы рассчитывали встретить какой-нибудь испанский корабль, плывя вдоль берега, и решили завладеть им или умереть). Этими парусами мы

покрыли сверху наши каноэ и гребли из-под них. Так что даже если бы ваши часовые не спали, они вряд ли заметили бы нас прежде, чем мы подошли к самому борту. Вместо лестницы мы пользовались длинными бамбуками, снабженными подпорками для ног и крюком из крепкого дерева на верхушке. Они и сейчас висят на перилах вашей кормы. Конец истории мне незачем вам рассказывать.

Командир поднялся и учтиво промолвил:

– Вы одержали победу, капитан! И мне не стыдно, что я не устоял перед противником, соединяющим хитрость змеи с храбростью льва. Сеньор, я так же горжусь быть вашим гостем, как гордился бы при более счастливых обстоятельствах быть вашим хозяином.

– Вы слишком великодушны, сеньор. Но что там за шум снаружи? Карри, пойдите и посмотрите.

Но не успел Карри дойти до двери, как она открылась. Появился Иванс с перепуганным лицом.

– Преступление, сэр! Испанец убит и уж похолодел. Индианка исчезла, а когда мы обыскивали корабль, чтобы найти ее, мы нашли английскую женщину. На нее страшно смотреть!

– Английскую женщину?! – вскакивая, закричали все трое.

– Приведите ее сюда, – сильно побледнев, сказал Эмиас, и тотчас Иео с другим матросом ввели в каюту фигуру, в которой едва можно было узнать человеческое существо. Это была старая женщина, одетая в желтое одеяние жертв инквизиции, с растрепанными седыми волосами, свисающими на измученное и изнуренное голодом лицо. Страдальчески сощурился глаза, как человек, не привыкший к свету, она озиралась вокруг. Ее сжатые губы придавали ей полудиотское выражение, и все же в глазах мерцали безграничный страх и подозрительность.

Она подняла свои скованные руки, чтобы закрыть лицо, и при этом движении на костлявой руке обнаружился ряд ужасных шрамов.

– Посмотрите сюда, господа! – указывая на них, сказал Иео с жестокой улыбкой. – Это работа папистских палачей. Я хорошо знаю, что означают эти знаки.

И он показал подобные же шрамы на своей собственной руке.

Командир отшатнулся с таким же ужасом, как англичане.

– Как очутилась эта несчастная на борту моего корабля? Епископ, так это пленник, которого вы прислали?

Епископ, который понемногу пришел в себя, посмотрел на нее, а затем быстро отодвинул свой стул, перекрестился и почти завопил:

– Проклятье, проклятье! Кто привел ее сюда? Уберите ее, не смотрите на нее. Она сглазит вас, околдует! – И он начал бормотать молитвы.

Эмиас схватил его за плечи и поставил на ноги.

– Свинья! Кто это? Очнись, трус, и скажи мне, или я разрежу тебя на куски!

Но, прежде чем епископ успел ответить, женщина испустила дикий крик, и, указывая на более высокого из двух монахов, спряталась за Иео.

– Он здесь! – кричала она на ломаном испанском языке. – Возьмите меня отсюда! Я вам больше ничего не скажу. Я вам сказала все и еще много неправды. О, зачем он опять пришел? Ведь они сказали, что больше не будут меня мучить.

Монах побледнел, но, как загнанный дикий зверь, обвел все собрание злым взглядом, а затем, в упор смотря на женщину, так сурово приказал ей замолчать, что она, как побитая собака, опустила на пол.

– Молчи, пес! – вскричал Билл Карри, которому кровь бросилась в голову, и подкрепил свои слова ударом, поневоле заставившим монаха замолчать.

– Не пугайтесь, добрая женщина, и говорите по-английски. Мы все здесь англичане. Расскажите нам, что они с вами сделали.

– Новая ловушка! Новая ловушка! – закричала она с сильным девонширским акцентом. – Вы не англичане. Вы опять хотите заставить меня лгать, а потом начнете мучить. О, я несчастная! – закричала она, разражаясь слезами. – Кому мне довериться?

Эмиас стоял молча, полный жалости и ужаса. Какой-то инстинкт подсказывал ему, что он скоро услышит новости, о которых он боялся спросить. Но Джек сказал:

– Не бойтесь, душа моя, не бойтесь. Бог защитит вас, если вы только будете говорить правду. Мы все англичане и все из Девона, откуда и вы, кажется, судя по вашей речи. Корабль этот наш, и сам папа не посмеет до нас дотронуться.

– Из Девона! – колеблясь, повторила она. – Из Девона. Откуда же?

– Из Байдфорда. Это мистер Билл Карри из Кловелли. Если вы – девонская жительница, вы, наверное, слышали о Карри.

Женщина сделала скачок вперед и бросилась Биллу на шею.

– О, мистер Карри! Жизнь моя! Мистер Карри! Так это вы? Ох, душенька! Но вы таки почернели, а я совсем ослепла от горя. Ох, кто только послал вас сюда, мой дорогой мистер Билл, чтобы вытащить меня, несчастную, из ада?!

– Кто же вы?

– Люси Пассимор, «белая колдунья» из Вилькомба. Разве вы не помните Люси Пассимор, которая сводила вам бородавки, когда вы были мальчиком?

– Люси Пассимор! – почти завопили все три друга. – Та, которая уехала с...

– Да! Та, которая...

– Где донна Розы Солтерн? – вскрикнули Билл и Джек.

– Где мой брат Фрэнк? – воскликнул Эмиас.

– Умерли, умерли, умерли!

– Я знаю это, – сказал Эмиас, садясь опять.

– Как она умерла?

– Инквизиция... он!.. – указала Люси на монаха. – Спросите его. Он приговорил ее к смерти. И спросите его! – указала она на епископа. – Он сидел и смотрел, как она умирала.

– Женщина, вам снится сон! – сказал епископ, вставая с перепуганным видом и отходя как можно дальше от Эмиаса.

– Как умер мой брат? – спросил Эмиас все еще спокойно.

– Кто вы, сэр?

Луч надежды сверкнул перед Эмиасом. Она не ответила на его вопрос.

– Я – Эмиас Лэй из БэрUFFа. Знаете ли вы что-нибудь о моем брате, Фрэнке, который был взят в плен в Ла-Гвайре?

– Мистер Эмиас! Как это я не узнала вас по росту! Ваш брат умер...

– Но как? – настаивал Эмиас.

– Сожжен вместе с ней, сэр!

– Правда это? – обернувшись к епископу, спросил Эмиас совершенно спокойным голосом.

– Я... его... – заикаясь и задыхаясь, торопливо оправдывался епископ. – Я ничего не мог сделать по своему положению епископа. Я был принужден быть невольным свидетелем... Я – слуга церкви, сеньории и не мог вмешаться в это, как ни в какие дела инквизиционного суда. Я не принадлежу к нему – спросите его, сеньор! Что вы собираетесь сделать?.. – закричал он, когда Эмиас положил ему на плечо свою тяжелую руку и повлек его к двери.

– Повесить вас! – ответил Эмиас.

– Повесить меня?! – воскликнул злополучный старик и стал униженно молить о пощаде.

– Возьми черного монаха, Иео, и повесь его тоже. Люси Пассимор, этого молодца вы тоже знаете?

– Нет, сэр, – ответила Люси.

– Ваше счастье, брат Герундио, – сказал Билл Карри, меж тем как добросердечный брат закрыл лицо руками и заплакал. Но епископ продолжал кричать:

– Ох, не сейчас! Один час! Только один час! Я еще недостойн смерти.

– Это меня не касается, – заявил Эмиас. – Я знаю одно, что вы недостойны жизни!

– О, брат Герундио, – визжал епископ. – Молитесь за меня! Я обращался с вами, как животное. О, брат мой, брат!

– Не просите прощения у меня. Просите прощения у Бога за все ваши грехи по отношению к бедным невинным дикарям. Год за годом смотрели вы, как убивали ни в чем не повинных овец, и ни разу не подняли голоса в их защиту! О, покайтесь в этом, милорд, покайтесь, пока не поздно!

– Я покаюсь во всем, брат: и в своем отношении к индейцам, и к золоту, и к Тите. Только пять минут, сеньоры, только пять минут, маленьких минуточек, пока я покаюсь доброму брату! – И он повалился на палубу.

– Я не желаю подобной комедии там, где я распоряжаюсь, – жестко сказал Эмиас. – Уберите этого труса, – продолжал Эмиас, в то время как черный доминиканец стоял совершенно спокойно, сохраняя на лице нечто вроде улыбки жалости к несчастному епископу. Человек, привыкший к жестокости и упорный в своем фанатизме, он был так же готов переносить страдание, как и причинять его.

Епископ дал брату Герундио ряд мелких поручений относительно своей сестры и ее детей и маленького виноградника на солнечных склонах далекой Кастилии и умер, как доблестный муж Испании. Эмиас долго стоял в торжественном молчании, глядя на два тела, болтающиеся над его головой.

Вся манера Эмиаса держаться изменилась за последние полчаса. Казалось, он постарел на много лет. Его лоб нахмурился, губы сжались, в глазах появилось неподвижное спокойствие, как у человека, который замыслил великое и страшное дело и именно потому должен стараться быть спокойным, даже веселым. Когда он вернулся в каюту, он вежливо поклонился командиру, извинился перед ним за то, что так плохо играет роль хозяина, и попросил закончить завтрак.

– Но, сеньор, возможно ли это? Неужели его преосвященство умер?

– Он повешен и умер. Я повесил бы, если бы мог, всякое существо, присутствовавшее при смерти моего брата. Ни слова более, сеньор. Ваша совесть подскажет вам, что я прав.

По окончании завтрака Эмиас пошел взглянуть на Люси Пассимор, которую кормили матросы, взявшие ее на свое попечение, меж тем как Эйаканора с надутым лицом наблюдала за ними.

– Я поговорю с вами, когда вам станет лучше, Люси, – сказал Эмиас, беря ее за руку. – Теперь вы должны есть и пить и забыть обо всем среди девонских ребят.

– Зачем вы взяли ее за руку? – спросила Эйаканора почти презрительно. – Она старая, безобразная и грязная.

– Она – англичанка, дитя, и мученица, и я буду ухаживать за ней, как ухаживал бы за собственной матерью.

– Почему вы не делаете меня англичанкой и мученицей? Я могу научиться делать абсолютно все, что умеет эта старая ведьма!

– Вместо того чтобы называть ее нехорошими именами, лучше пойдите и позаботьтесь о ней.

Эйаканора отскочила от него, растолкала матросов и овладела Люси Пассимор.

– Куда я ее дену? – не подымая глаз, спросила она Эмиаса.

– В лучшую каюту, дитя, и пусть ей прислуживают как можно лучше, слышите, ребята!

– Никто, кроме меня, не дотронется до нее, – и, подхватив иссохшее тело на руки, как куклу, Эйаканора с победоносным видом удалилась, предложив матросам заниматься своим делом.

– Девчонка спятила, – сказал один.

– Спятила или нет, но она заглядывается на нашего капитана, – сказал другой.

– А где вы найдете другого, который стал бы обращаться с бедной дикаркой так, как он?

– Сэр Фрэнсис Дрейк стал бы. От него он и научился. Однако не мешало бы промочить глотку. Хотел бы я знать, водится ли у этих донов пиво?

– Ручаюсь, что у них нет ничего, кроме виноградного уксуса, который дураки называют вином.

– Положим, совсем недавно на столе стояли вещи получше уксуса.

– Ну, – заявил один ворчун, – это не для таких бедняков, как мы.

– Не лги, Том Иванс. До сих пор ты в этом не попадался, и я думаю, ложь – совсем не подходящее занятие для такого славного парня.

Вся компания вытаращила глаза. Эти слова произнес не кто иной, как сам Эмиас, подошедший к ним с бутылкой в каждой руке.

– Нет, Том Иванс. Три года делили мы все поровну, и каждый мужественно выносил свою долю страданий. И впредь так останется – вот вам первое доказательство. Мы с удовольствием разопьем хорошее вино все вместе, а затем примемся за плохое. Только помните, дети мои, не напиваться допьяна. Нас слишком мало, чтобы кто-нибудь мог позволить себе роскошь валяться под столом.

Наконец этот бурный день кончился. К пленникам относились с большой добротой. И когда через два дня отправляемые на берег пленники усаживались в каноэ, побежденные и победители обменялись крепким рукопожатием. А Эмиас вернул командиру его меч и преподнес ему на прощанье бочонок епископского вина.

Шаг за шагом, в той мере, как позволяли ей слабость и затмение рассудка, рассказала Люси Пассимор свою историю. В общем, она была очень проста, и обо многом Эмиас мог сам догадаться. Роза уступила испанцу не без борьбы. Он посетил ее два или три раза в домике Люси (как узнал он о существовании Люси, она сама не знала, – разве что от иезуитов?), прежде чем она согласилась пойти за ним. Он привлек Люси на свою сторону, обещав щедро вознаградить ее индейским золотом. Наконец они поехали в Лэнди, и там влюбленные были обвенчаны священником, и это был не кто иной, – Люси готова была поклясться, – как более короткий и толстый из тех двух, которые увезли на лодке ее мужа, – одним словом, отец Парсон.

Они уехали из Лэнди на португальском судне, пробыли несколько дней в Лиссабоне (причем Роза и Люси не сходили на берег), а затем корабль пошел прямо в Вест-Индию. Молодые были веселы, как солнечный день. Он готов был целовать следы ее ног, пока не появился этот злой дух, мистер Евстафий, – никто не знал, как и откуда. И с этого времени все пошло плохо. Евстафий приобрел власть над доном Гузманом. Угрожал ли он ему расторжением брака или возбуждал в нем суеверные угрызения совести за то, что он позволяет своей жене оставаться еретичкой, или (как сильно подозревала Люси) внушал ему, что ее сердце все же рвется на родину, в Англию, и она мечтает, чтобы прибыл Эмиас со своим кораблем и увез ее домой, – неизвестно. Дом скоро стал вертепом зла, а Евстафий – его повелителем. Дон Гузман даже приказал Евстафию покинуть дом. И он ушел, но через неделю каким-то образом вернулся и оказался еще в большей милости, чем прежде. Затем начались приготовления к встрече англичан и сильные ссоры между доном Гузманом и Розой, и, наконец, за несколько дней до появления Эмиаса дон Гузман выскочил из дома как фурия⁹⁶ и открыто крикнул, что она предпочитает ему этих лютеранских собак и что он убьет сначала их, а потом ее. Конец был скоро

---

⁹⁶ Одна из трех адских богинь римской мифологии, олицетворяющих угрызения совести.

досказан. Эмиас и так слишком хорошо знал его. На другое же утро, после того как он был в вилле, Люси и ее госпожа были схвачены (они не знали кем) именем инквизиционного суда и отправлены на корабле в Картахену. Там их допрашивали и обвинили в колдовстве, чего злополучная Люси даже не могла отрицать. Ее подвергли пыткам, чтобы оговорить Розы. И что она говорила или чего не говорила под пытками, бедняжка сама не знала. Через три недели их повезли на аутодафе⁹⁷. И здесь Люси в первый раз увидела Фрэнка, который шел в ужасной процессии обреченных огню. Люси была публично присуждена получить двести плетей и быть сосланной в «Священную обитель» в Севилье на вечное заключение, а Фрэнк и Розы были сожжены на одном костре. Люси полагала, что они не чувствовали мучений больше, чем двадцать минут. Оба они были очень бодры и спокойны и держались за руки (в этом она может поклясться) до самого конца.

Так кончился рассказ Люси Пассимор. И можно ли удивляться, что, прослушав его, Эмиас Лэй снова поклялся отомстить дону Гузмону, где бы его ни встретил?

---

⁹⁷ Церемония сожжения еретиков.

Глава XXV

Как Сальвейшин Иео нашел свою малютку

Итак, Эйаканора водворилась в каюте Люси как равноправный член экипажа, но очень беспокойный член, ибо в ней начался опасный перелом. Воинственная жрица племени омагов очень скоро превратилась просто в испорченного ребенка. Диана с берегов Меты, удовлетворив свое простодушное удивление перед большим плавучим домом, излазив все углы и заглянув во все шкапы и щели, обнаружила большую склонность тащить и прятать (она была слишком горда или слишком застенчива, чтобы просить) всякую дрянь, поразившую ее воображение. Когда Эмиас запретил ей брать что-либо без разрешения, она пригрозила утопиться, а затем ушла и весь день просидела надувшись в своей каюте. Тем не менее она послушалась, поскольку дело не касалось сладкого. Может быть, она тосковала по растительной пище своих родимых лесов, – во всяком случае, епископские запасы фруктов и сладостей быстро таяли. Хуже того, так же таял запас сладкого испанского вина, специально оставленный Эмиасом как укрепляющее для бедной Люси. Была прочитана суровая нотация. Эмиас разъяснил виновной, как низко обкрадывать бедную больную Люси, после чего Эйаканора пригрозила, по обыкновению, утопиться и побежала на палубу привести свою угрозу в исполнение, но Эмиас поймал ее и простил. В ответ начался бурный плач, потом последовали страстное раскаяние и обещания исправиться. А через неделю Эмиас узнал, что она надувала собственную совесть, заставляя португальца-повара давать ей другое вино. К счастью для Эйаканоры, предсказания Эмиаса, что вино сделает ее безумной, скоро сбылись. Однажды вечером она наделала тысячу глупостей, а на другое утро у нее сильно болела голова. Таким образом, секрет был разоблачен, и Эмиас приказал взять повара и высесть. Но Эйаканора с большим благородством не только избавила его от плетей, но предложила, чтобы ее высекли вместо него, сознавшись, что бедный малый говорил правду, когда клялся, что она угрожала убить его и что он дал ей вина только из страха за свою жизнь. Как бы то ни было, ее собственная головная боль и холодные взгляды Эмиаса оказались достаточным уроком, и после новой попытки утопиться дикая красавица на некоторое время угомонилась. И с этих пор уже до конца жизни ее нельзя было уговорить притронуться к крепким напиткам.

Тем временем бедняга Эмиас, не переставая, ломал себе голову над вопросом, как нужно воспитывать девушку, которая при малейшем раздражении готова прибегнуть к убийству. Она испытывала дикую антипатию не только к Джеку Браймблекомбу, чьи походку и голос она открыто передразнивала в назидание матросам, но и к Биллу Карри, которому она не позволяла приближаться к ней. Когда ее спрашивали о причинах, она всегда давала один ответ, что Карри – кацик такой же, как Эмиас, и что здесь не должно быть двух кациков. И однажды она решительно предложила Эмиасу убить своего предполагаемого соперника и забрать себе весь корабль. И потом долго дулась, услышав, как Эмиас со смехом передал ее ценный совет своей предполагаемой жертве. В довершение всего она с невыразимым отвращением относилась к неграм; это выражалось в том, что она просто пряталась от них, а затем она стала швырять в них все, что попадалось под руку, пока негры, страшась за свою жизнь, не пожаловались Эмиасу.

Остальными матросами она распорядилась как слугами, отрывая их от работы, иногда подкрепляя требования ловкой затрешиной. Добрые малые, особенно старый Иео, как настоящие матросы, баловали ее, слушались и даже шутили с ней приблизительно так же, как они делали бы с прирученным леопардом, который каждое мгновение может пустить в ход свои когти.

Она забавляла и их и Эмиаса. Им необходимо было кого-нибудь баловать, а можно ли было найти более милое существо?

Что касается Эмиаса, то постоянный интерес, вызываемый ее присутствием, даже постоянное беспокойство по поводу ее диких выходок занимали его ум и прогоняли грустные мысли о предстоящей встрече с матерью и о той трагедии, которую он должен будет ей рассказать. Не будь Эйаканоры, эти мысли ввергли бы его в меланхолию и лишили бы всякой цены в его глазах весь его жизненный успех и чудесное избавление.

И вот однажды, в вечерний час, когда весь экипаж кроме занятых своим делом собрался на верхней палубе, развлекаясь кто как может, Сальвейшин Иео вздумал петь старую матросскую песню:

Мы эль и бренди с собой везем.
Матросу не много нужно.
С веселым сердцем на запад плывем.
Эй, налегайте дружно!

А для того чтобы мелодия звучала смешнее, он так же ухарски затянул ее в нос, как делал, вероятно, двенадцать лет тому назад, покидая Плимут вместе с Джоном Оксенхэмом.

Тут Эйаканора, стоявшая подле Эмиаса и смотревшая на матросов, стараясь понять их болтовню, услышала пение старого Иео и вздрогнула, а затем почти про себя подхватила напев и пропела песню слово в слово в том же самом тоне.

Сальвейшин Иео, в свою очередь, вздрогнул и побледнел как смерть.

– Кто это пел? – быстро спросил он.

– Вот эта малютка. Она начинает совсем хорошо говорить по-английски, – сказал Эмиас.

– Малютка? – повторил Иео, еще больше бледнея. – Зачем вы делаете больно старику, напоминая ему о малютке, капитан Эмиас? Ладно! – громко продолжал он, обращаясь к самому себе. – Клянусь моими грехами, если бы я не видел, откуда шел голос, я мог бы поклясться, что это она пела, – совсем так, как мы с моим другом Виллиамом Пенберти из Мэрристана учили ее там, у реки.

Все молчали, как могила, всякий раз, когда Иео начинал вспоминать об этом пропавшем ребенке. Только Эйаканора, обрадованная похвалой Эмиаса, продолжала про себя мурлыкать: «Эй, налегайте дружно!»

Иео соскочил с пушки, на которой он сидел.

– Я не могу вынести это! Клянусь жизнью, не могу!.. Вы, индейская девушка, где научились вы так петь это?

Эйаканора, полуиспуганная его горячностью, посмотрела сначала на него, а затем на Эмиаса, чтобы узнать, не сделала ли она чего-нибудь нехорошего, а затем, дерзко отвернувшись, стала смотреть на море, продолжая мурлыкать.

– Спросите ее, капитан Лэй!

– Дитя мое, – спросил Эмиас по-индейски, – как могло случиться, что вы поете это лучше многих англичан? Разве вы когда-нибудь слышали это раньше?

Эйаканора недоуменно посмотрела на него и покачала головой, а затем сказала:

– Если вы говорите с Эйаканорой по-индейски, она немая. Она теперь должна быть английской девушкой, как бедная Люси.

– Хорошо, – сказал Эмиас, – не помните ли вы, Эйаканора, не помните ли вы чего-нибудь, что произошло, когда вы были маленькой девочкой?

Она немного помолчала, а затем высоко подняла руки над головой.

– Деревья, большие деревья, как Магдалена... Всегда ничего, кроме деревьев, все дикое и гадкое. Эйаканора не хочет говорить об этом.

– Помните ли вы что-нибудь, что росло на этих деревьях? – напряженно спросил Иео.

Она рассмеялась.

– Глупый! Цветы и плоды и орехи растут на всех деревьях, и еще обезьяны чашки. Эйаканора лазила за ними, когда была дикая. Я не хочу больше говорить.

– Кто научил вас называть их обезьяньими чашками? – спросил Иео, дрожа от возбуждения.

– Обезьяны пьют, мартышки пьют.

– Мартышки? – сказал Иео, проиграв один ход и пробуя другой. – Откуда вы знали, что эти животные называются мартышками?

– Она могла это слышать от нас, – заявил Карри, присоединившийся к группе.

– Да, мартышки, – повторила она, как бы проверяя себя. – Как маленькие люди и хвосты. И один очень грязный, черный с бородой сказал «аминь» на дереве всем другим мартышкам, совсем как сэр Джек в воскресенье.

Этот намек на Браймблекомба и проповедующих обезьян насмешил всех, кроме старого Иео.

– Но разве вы не помните ни одного белого человека?

Она молчала.

– Вы не помните белой леди?

– Гм...

– Женщины, очень красивой женщины с волосами, как у него? – И Иео показал на Эмиаса.

– Нет.

– Что же вы помните, кроме ваших индейцев? – с отчаянием воскликнул Иео.

Она угрюмо отвернулась от него, как бы устав от напряжения памяти.

– Постарайтесь вспомнить, – сказал Эмиас, и она тотчас же вновь принялась за работу.

– Эйаканора помнит больших обезьян, черных, таких высоких... – Она высоко подняла руку над головой и с выражением отвращения сделала резкое движение.

– Обезьяны? С хвостом?

– Нет, как люди. Да, совсем как Куки, гадкий Куки.

Несчастный негр, случайно проходивший через верхнюю палубу, услышал, как кусок дерева, который она, на его горе, держала в руке, пролетел мимо его уха.

– Эйаканора, если вы еще раз бросите что-нибудь в Куки, я прикажу вас высечь, – сказал Эмиас, разумеется, не собираясь приводить свою угрозу в исполнение.

– Тогда я убью вас, – ответила она самым непреложным тоном.

– Она, должно быть, говорит о неграх, – сказал Иео.

– Хотел бы я знать, где она их видела. Что, если это были ситаруны?

– Но как может человек забыть белых и помнить черных? – спросил Карри.

– Попробуем еще. Помните ли вы еще больших обезьян кроме этих черных? – спросил Эмиас.

– Да, – сказала она спустя минуту, – дьявола.

– Дьявола? – спросили все трое, которые, разумеется, вовсе не чужды были убеждения, что злой дух и в самом деле является индейским колдуном – таким, как воспитавший девушку.

– Ага, о котором говорит по воскресеньям сэр Джек?

– А на что он был похож? – спросил Иео.

Эйаканора делала различные знаки, объясняющие, что у него было лицо обезьяны и седая борода, как у Иео. Чем дальше, тем лучше; но затем последовал ряд странных манипуляций над ее хорошенькой шейкой, совершенно сбивший их с толку.

– Я знаю, – расхохотался наконец Карри. – Клянусь жизнью, он носил брыжи! И штаны до колен, так ли, моя красавица? Стоп! Мы убедимся в этом. Его шея была похожа на шею сеньора командира-испанца?

Эйаканора хлопнула в ладоши, увидев, что ее поняли, и допрос продолжался.

– Дьявол явился в виде обезьяны с седой бородой и в брыжах. Гм!

– А! – сказала Эйаканора на недурном испанском языке. – Панамская обезьяна, старый панамский дьявол!

Иео с криком всплеснул руками.

– Да ведь это были последние слова Джона Оксенхэма! И дьявол – это, конечно, не кто иной, как старый черт дон Франциско Харарте! Моя нежная молодая леди, моя дорогая малютка! А меня вы не помните? Не помните Сальвейшина Иео, который носил вас по горам и лазил для вас за обезьяньими чашками? И Виллиама Пенберти, который собирал для вас цветы, и вашего бедного отца, который был совсем похож на мистера Карри; только у него была черная борода и черные кудри, и он беспрестанно сыпал проклятиями.

И взволнованный старик то колотил себя в грудь, то хватал руки девушки, меж тем как вся команда, вообразив, что он внезапно сошел с ума, столпилась позади него.

– Тише, не раздражайте его, – сказал Эмиас, – он думает, что наконец нашел свою малютку.

– Клянусь жизнью, Эмиас, и я так думаю, – сказал Карри.

– Тише, тише, друзья мои. Если в конце концов и этот след окажется ложным, он не выдержит. Мистер Иео, не хотите ли вы спросить ее еще о чем-нибудь?

Иео нетерпеливо топнул.

– Зачем? Это она. Я говорю вам, и этого достаточно! Какой она стала красавицей! Где только были мои глаза! Смотреть на нее и не видеть! Она – живая! Вы и теперь не помните меня, дорогая? Не помните Сальвейшина Иео, что учил вас петь «Эй, налегайте дружно!», сидя на песке около лодки, а кругом росли красные лилии, и мы делали из них венки, чтобы надеть на вашу головку?

И бедный старик продолжал напоминать умоляющим, настойчивым голосом, как будто он мог убедить девушку стать той, о ком он думал.

Эйаканора смотрела на него сначала сердито, потом забавляясь, потом внимательно и, наконец, с глубочайшей серьезностью. Внезапно она вся покраснела и, вырвав у старика свои руки, закрыла ими лицо и так осталась.

– Помните ли вы что-нибудь из всего этого, дитя мое? – ласково спросил Эмиас.

Она подняла на него глаза со взглядом, полным муки, как бы умоляя пощадить ее. Смерть всей прошлой и рождение целой новой жизни отразились на ее лице. Она глубоко вздохнула, как будто ей не хватало воздуха, потом задрожала, зашаталась и с плачем упала на грудь, но не Сальвейшина Иео, а Эмиаса Лэя. Он простоял одну-две минуты, пока она опомнилась, затем сказал:

– Эйаканора, вы не владеете собой сейчас, дитя мое. Вы бы лучше пошли вниз посмотреть, что с бедной Люси, а завтра мы поговорим обо всем этом.

Она тотчас отпрянула, а затем с опущенными глазами тихо скользнула мимо группы мужчин и скрылась внизу.

– Ах, – сказал Иео голосом, полным бесконечной грусти, – молодое тянется к молодому! Чтобы найти ее, я прошел землю и море, леса и галеры, битвы и тюрьмы, а теперь?..

– Мой дорогой друг, – сказал Эмиас, – вы тоже плохо владеете собой сейчас. Когда она придет в себя, кого будет она любить и благодарить, как не вас?

– Вас, сеньор! Она всем обязана вам, и я тоже. Позвольте мне пойти вниз. Мои старые силы покидают меня. – И старый Иео, пожав Эмиасу руку, спустился вниз в свою каюту и много часов не выходил оттуда.

С этого дня Эйаканора стала другим человеком. К ней вернулось все ее бывшее достоинство и вместе с тем появились самообладание, сдержанность и мягкость, каких в ней не было прежде. Ее антипатия к Джеку и Карри исчезла. Ей стало доставлять удовольствие узнавать от них разные вещи об Англии и англичанах. Ее представление об английских обычаях много

выиграло от того несколько фантастического отношения, которым Эмиас, по каким-то ему одному ведомым причинам, нашел нужным окружить ее.

Он отвел ей красивую каюту. Обращаясь к ней, называл ее «сударыня» и сказал Карри, Браймблекомбу и всему экипажу, что, раз она дочь Джона Оксенхэма, он рассчитывает на то, что они будут вести себя с ней подобающим образом. С этих пор на корме можно было увидеть не меньше ловких и неловких поклонов, чем при любом дворе. Скоро Эйаканора, хотя раздосадованная и огорченная новым отношением Эмиаса, научилась очень мило им подражать и, имея очень сносных преподавателей искусства хороших манер, сделала большие успехи во всех областях, за исключением близости с Эмиасом.

Команда полюбила ее еще больше за то, что она дочь мистера Оксенхэма. И кажется, не было ни одного человека, который не бросился бы за борт, чтобы доставить ей удовольствие.

Только Иео грустно держался в стороне. Он никогда не смотрел на нее, не говорил с ней и старался даже не встречаться с ней. Его мечта исчезла. Он нашел ее. И после всего она не обращала на него внимания! Зачем он ей?

Но что стало с даром пения Эйаканоры, которое так поразило путников на берегах Меты и много раз облегчало им их тяжкий путь на Магдалену? С того мгновения, как она узнала о своем английском происхождении, он исчез. Она решительно отказывалась петь. Отреклась ли она от последнего воспоминания о своей прежней жизни, или слишком тяжело у нее было на сердце, но соловьиных трелей больше никто не слышал.

Так плыли они домой, подгоняемые благоприятным юго-западным ветром. Но задолго до того, как они увидели землю, Люси Пассимор нашла себе вечный покой на дне океана.

Глава XXVI

Как Эмиас вернулся домой в третий раз

Пятнадцатое февраля 1587 года. Вечер. Миссис Лэй медленно рассказывает по террасе Бэруффа и смотрит на сердитую реку, на туманные пески и далекий океан. Три томительных года во всякую погоду, в солнце и в дождь, смотрит она на них каждый вечер. Уже более трех лет прошло, как нет вестей ни о Фрэнке и Эмиасе, ни о славном корабле и его славной команде.

Волосы миссис Лэй поседели, щеки покрылись морщинами, походка стала медленной. Она теперь редко выходила из дома куда-либо, кроме как к ближайшим соседям. Она никогда не произносила имен своих сыновей, никогда не позволяла сорваться со своих уст ни одному слову, которое могло бы обнаружить, что она думает о них. Но каждый день во время прилива, когда красный флаг на песчаном холме указывал, что вода покрывает насыпь, она ходила все по той же террасе и жадным взглядом пожирала расстилающийся перед нею океан, отыскивая на нем парус, которому не суждено было появиться.

Как и прежде, приходили и уходили величественные корабли и склонялись над берегом белые паруса, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, но внутренний голос подсказывал ей: «Не тот, не тот!»

В этот вечер Норшэм в большом возбуждении. Все колокола звонят. Все жители высыпали на улицу, кричат и поют вокруг праздничных костров. Но что это отвечает им издали, из быстро сгущающихся сумерек?

Вспышка пламени и грохот пушечного выстрела на море. Миссис Лэй остановилась. Свет блеснул прямо за насыпью. Это не могло быть судно, потерпевшее бедствие, так как дул слабый западный ветер. Стоял высокий весенний прилив. Что это может быть? Новая вспышка, новый раскат грома. Шумный норшэмский люд сразу притих, и все столпились на церковном дворе, который выходил на реку.

По ту сторону заграждения появился великолепный корабль. Он входил в порт, распустив все паруса. Большой корабль. В нем могло быть около тысячи тонн, но не английской оснастки. Что это означает? Благодаря приливу и славному западному ветру судно легко проскользнуло в канал между двумя рядами песчаных холмов.

Вот оно уж почти у Аппельдора. Это не вражеский корабль, а если это чужеземец, он очень смел, так как не прикрыл своих марселей, что обязаны делать все иностранные суда, входящие в английские порты.

Странное судно скрылось из виду за Аппельдорским холмом, а затем спокойный вечерний воздух огласился громовым «ура».

Миссис Лэй стояла и прислушивалась. Новый выстрел, а затем новое «ура».

Прошло, быть может, двадцать минут, прежде чем судно появилось вновь, огибая темные скалы Губбастона, перед тем как войти в гавань. Все это время миссис Лэй простояла совершенно неподвижно, устремив глаза на утес Викингов.

Наконец корабль обогнул Губбастон. На нем слышалась музыка. И когда перед ним открылась норшэмская башня и бэруффское поместье, у команды вырвалось трехкратное «ура» и огласило окрестные холмы на расстоянии целой мили.

Миссис Лэй быстро вошла в дом и позвала свою служанку.

– Грэс, принеси мне капор. Мистер Эмиас вернулся домой.

– Ну, правда? То-то радость! Но, сударыня, как же вы это узнали?

– Я слышала его голос на реке, но я не слышала голоса Фрэнка, Грэс!

– О, сударыня, будьте уверены: где один, там и другой. Они не могли разлучиться. Я ручаюсь, что или оба вернулись, или ни один. Вот вам капор, сударыня.

И миссис Лэй в сопровождении Грэс быстрым шагом направилась в Байдфорд.

Спускаясь по Мостовой улице, они увидели, что странный корабль уже бросил якорь в реке. В ту минуту, как они достигли нижнего конца улицы, из-за угла появилась большая толпа матросов, женщин и подмастерьев, кричащих «ура», расспрашивающих, плачущих и смеющихся. Миссис Лэй остановилась и увидела, что толпа тоже остановилась.

– Вот она! – закричал кто-то. – Вот его мать!

– Его мать? Не их мать? – бледнея, сказала себе миссис Лэй.

В следующее мгновение из-за угла показалась возвышающаяся над всей толпой голова Эмиаса.

– Расступитесь! Дайте дорогу госпоже Лэй! – И Эмиас упал к ее ногам.

Она обвила его шею руками и прижалась головой к его голове, меж тем как матросы и подмастерья почтительно умолкли, окружив кольцом мать и сына.

Миссис Лэй ни о чем не спросила. Она видела, что Эмиас один. Наконец он прошептал:

– Я умер бы, мама, чтобы спасти его, если б я мог...

– Тебе незачем говорить мне это, Эмиас Лэй, сын мой!

Новое молчание.

– Как он умер?

– Как мученик...

– Инквизиция?

– Да...

Сильная дрожь пробежала по телу миссис Лэй, а затем она подняла голову.

– Идем домой, Эмиас. Я не ожидала такой чести, – ха-ха... и такого красивого молодого мученика. Боже, пощади меня: не дай мне сойти с ума. Эмиас, кто это? – И она указала на Эйаканору, которая стояла подле Эмиаса и внимательно смотрела на все происходящее.

– Это бедная дикая индейская девушка. Я зову ее моей дочерью. Я расскажу вам потом ее историю.

– Твоя дочь? Значит, моя внучка. Пойди сюда, девочка, и будешь мне внучкой.

Эйаканора послушно подошла и опустилась на колени, как это сделал Эмиас.

– Не надо становиться на колени передо мной, дитя. Идем домой, и помогите мне убедиться, здорова я или сошла с ума, жива или мертва.

И, надвинув капор на лицо, она повернулась, чтобы идти обратно, одной рукой крепко держа Эмиаса, а другой – Эйаканору.

Толпа в почтительном молчании дала им отойти ярдов на двадцать, а затем разразилась таким «ура», от которого весь город зазвенел.

Внезапно миссис Лэй остановилась.

– Я совсем забыла, Эмиас. Я не должна мешать тебе выполнить долг. Где твои матросы?

– В настоящее время зацелованы насмерть – то есть все те, кто уцелел.

– Уцелел?

– Когда мы уезжали, у нас было сто человек, мама, а домой вернулись сорок четыре, если только мы дома. Это сон, мама? Это вы? И это снова старая Мостовая улица? Клянусь жизнью, там у дверей стоит старый Эмиас-кузнец, с кружкой в руках, как он стоял, когда я был мальчиком!

Мускулистый кузнец пересек улицу, чтобы подойти к ним, но остановился, увидев Эмиаса без Фрэнка.

– Лучше один, чем ни одного, сударыня! – неуклюже попытался он утешить ее.

Эмиас пожал ему руку, но миссис Лэй не слышала ни его, ни других.

– Мама, – сказал Эмиас, когда они вышли на шоссе, – мы теперь богаты на всю жизнь. Я привез домой несказанные сокровища.

– Что, мой мальчик?

– Несказанные сокровища. Карри обещал мне присмотреть за ними сегодня.

– Очень хорошо. Я хотела бы, чтобы он ночевал у нас. Он добрый мальчик и любил Фрэнка. Когда он?..

– Уже больше трех лет. Месяца через два после нашего отплытия.

– А! Да, все, как должно было быть. Дитя мое, вам не кажется холодно в Англии после ваших жарких краев?

– У Эйаканоры горячее сердце. Она не чувствует холода.

– Горячее? Тогда, быть может, вам удастся отогреть мое сердце?

– Быть может, я смогу это сделать, мама? – с полуупреком сказал Эмиас.

Миссис Лэй подняла на него глаза и заплакала.

– Мама! – крикнул Эмиас. – Если вы будете так плакать, я сойду с ума! Мама! Мама! Я много месяцев боялся этой встречи. Это был кошмар, висевший надо мной, как черная грозовая туча, как высокая гора с уходящей в облака вершиной, куда я должен был и не мог взобраться. Мне хотелось броситься за борт и, как труса, спрятаться на дне моря. Думать, что вы можете спросить меня, почему я не уберег брата, что вы можете потребовать у меня ответа за его кровь, – а теперь, теперь... когда это мгновение пришло, найти в вас одну любовь, одно доверие и терпение... Мама, мама, это свыше моих сил! – И он бурно зарыдал.

Миссис Лэй достаточно хорошо знала Эмиаса и понимала, что при его спокойной натуре подобный взрыв выражал ужаснейшую внутреннюю борьбу. И ее любящая душа тотчас же забыла все в одном желании успокоить его. Ей это удалось. И оба пришли домой рука об руку, а Эйаканора, как маленькая девочка, крепко держалась за юбку миссис Лэй. Самонадеянность и храбрость лесной нимфы уступили место детскому испугу существа, внезапно очутившегося в новом мире, среди чужих лиц, чужих надежд и чужих страхов.

– Ваша мать будет любить меня? – шепнула она Эмиасу у входа.

– Да, только вы должны делать все, что она прикажет.

Эйаканора надулась.

– Она будет смеяться надо мной, потому что я дикая.

– Она никогда ни над кем не смеется.

– Гм! – сказала Эйаканора. – Хорошо, я не буду ее бояться. Я думала, она будет высокая, как вы, а она даже меньше меня.

Это не сулило больших надежд на послушание Эйаканоры. Но не прошло и двадцати четырех часов, как миссис Лэй совершенно покорила ее.

И мужественная женщина с железным самообладанием заставила сына передать ей во всех подробностях рассказ Люси Пассимор и все, что случилось со дня их отплытия до той злосчастной ночи в Ла-Гвайре. А когда он кончил, она увела Эйаканору и стала заботиться об удобствах девушки с таким спокойствием, как будто Фрэнк и Эмиас спали в соседней комнате.

Как только она поднялась вверх, послышался громкий стук в дверь, которую поспешно отворили. И, пренебрегая правилами приличия, в гостиную ворвался сэр Ричард Гренвайль.

Мужественный воин совершенно не владел собой. Когда он склонился над своим крестником, слеза капнула с его железной щеки на железную щеку Эмиаса Лэя.

– Мой мальчик! Мой прославленный мальчик! Где же вы были? Ну же, скорее расскажите мне обо всем. Матросы уже рассказали мне кое-что, но я должен знать каждый шаг. Я знал, что вы совершите нечто великое. Я сказал вашей матери, что вы не можете пропасть. Теперь расскажите мне все, все. Уф! Я совсем задыхаюсь! По правде сказать, я бежал три четверти дороги.

Оба уселись, и Эмиас рассказывал почти всю ночь, а сэр Ричард, вернувший себе свою обычную величавость, одобрительно улыбался при описании каждого смелого деяния.

На следующий день Эмиас пошел к Солтерну и рассказал ему свою историю. В общих чертах старик уже слышал ее; но он спокойно попросил Эмиаса сесть и, опустив подбородок

на руки, опершись локтями в колени, прослушал все сначала. Он ни разу не побледнел. Его губы ни разу не дрогнули. Только когда Эмиас дошел до свадьбы Розы, он глубоко вздохнул, как будто с его сердца свалилась тяжесть.

– Повторите это, сэр!

Эмиас повторил и продолжал рассказ. Нерешительно намекнул он на род ее смерти.

– Продолжайте, сэр! Почему вы испугались? Здесь ничего стыдиться; или, быть может, есть?

Эмиас с опущенными глазами рассказал все, после чего бросил взгляд на лицо слушателя. Ни тени волнения не отразилось на этом лице; лишь горделивая улыбка змеилась в углах железного рта.

– А ее муж? – спросил он, помолчав.

– Стыдно признаться вам, сэр, что еще жив.

– Все еще жив?

– К сожалению, насколько мне известно. Это не моя вина, чему доказательством служит мой рассказ.

– Я никогда не сомневался в вашем желании убить его. Еще жив, говорите вы? Что ж, крысы и ядовитые змеи тоже живут. Я полагаю, капитан Лэй, прежде чем пуститься в новый поход, вы захотите набраться сил на суше в обществе красивой девушки, которую, как я слышал, вы привезли домой?

– Одну вещь я собираюсь сделать: отомстить тем, кто виновен в смерти моего брата. Я не знаю, куда забросит меня судьба, но здесь я останусь недолго.

– Хорошо, сэр. Когда вы решите ехать, приходите ко мне, и лучший мой корабль будет к вашим услугам; а если он не подойдет, прикажите сделать с ним все, что найдете нужным, и я, Виллиам Солтерн, за все уплачу.

– Мой дорогой сэр, у нас совсем иные счета. Я должен вручить вам, как владельцу «Розы», вашу долю тех сокровищ, что я привез.

– Мою долю, сэр? Если я понял вас, мой корабль погиб три года тому назад на берегу Каракаса, а все эти сокровища были добыты после того.

– Правильно, но как участник экспедиции вы имеете полное право на свою долю, и вы получите ее.

– Капитан Лэй, я вижу, что вы честный и справедливый человек, но эти деньги, сэр, не принадлежат мне, потому что они были добыты не на моем корабле. Выслушайте меня, сэр! Если бы это даже было иначе, если бы это судно (он не мог выговорить его название) стояло сейчас невредимым у байдфордской набережной, – неужели вы думаете, что Виллиам Солтерн станет извлекать деньги из гибели дочери? Нет, сэр! Вы отправились ее искать, и весь мир знает: вы сделали все, что было в ваших силах. И я благодарю вас. Но на этом наши счета кончаются. Сокровища принадлежат вам, сэр! Но довольно об этом. Когда вам понадобится, корабль мой будет к вашим услугам, а до тех пор прощайте, сэр! – Старик поднялся и с тем же бесстрастным выражением проводил Эмиаса до дверей.

Эмиас вернулся домой и рассказал обо всем Карри с просьбой взять половину подарка Солтерна, но Карри, крепко выругавшись, решительно отказался.

– Наследник Кловелли станет обирать тебя, Эмиас? Я, который ничего не потерял, – тебя, который лишился брата? Я, разумеется, не притронусь ни к одному фартингу сверх моей доли.

В тот же вечер из Байдфорда в бэрурфское поместье, задыхаясь, прибежал посланный. Городские власти срочно требовали Эмиаса, так как он был одним из последних, кто видел в живых старого Солтерна.

Солтерн, лишь только Эмиас покинул его, пришел к одному из своих старых знакомых, в его присутствии написал завещание и приложил свою печать со спокойным и твердым выражением лица, отказываясь от всяких утешений, а затем пошел домой и заперся в комнате Розы.

Наступило время ужина, а он не появлялся. Подмастерья, не добившись ответа на стук, позвали наконец соседей и взломали дверь. Солтерн стоял на коленях у постели дочери. Его голова покоилась на одеяле, рядом лежало несколько детских игрушек Розы. Одну из них он держал в руках, но он был мертв и холоден.

Его завещание лежало тут же. Он оставил все свое имущество бедным родственникам, исключая денег, причитающихся ему как владельцу корабля «Рози» и новой барки в три тысячи тонн. То и другое предназначалось капитану Эмиасу Лэю, с условием изменить название барки на «Месть», оборудовать ее, затратив часть сокровищ, и до истечения трех лет снова отправиться на ней против папистов.

Таков был конец купца Виллиама Солтерна.

Глава XXVII

Как был задержан вирджинский флот

Итак, Эмиас спокойно поселился дома, и в течение следующего года ничего достопримечательного в его жизни не произошло. Иео обосновался при нем в качестве дворецкого с весьма неопределенными обязанностями; преимущественно они заключались в том, что он всюду ходил по пятам Эмиаса, как большая серая собака, а по вечерам, как настоящий старый матрос, сидел у огня и мастерил бесчисленные полезные и бесполезные безделушки для всех членов семьи и, главным образом, для Эйаканоры, которую он каждую неделю обижал, смиренно предлагая ей какую-нибудь игрушку, пригодную лишь для ребенка. В ответ она надувалась, а после упреков миссис Лэй брала подарок и откладывала в сторону, чтобы больше не взглянуть на него.

Следующим источником огорчений миссис Лэй было поведение Эйаканоры в отношении окрестных дам.

Разумеется, все они явились по очереди не только поздравить миссис Лэй, но и взглянуть на красивую дикарку. Однако красивая дикарка так обрезала их, что немногие отважились на вторичный визит. Миссис Лэй сделала ей замечание и получила в ответ поток слез.

– Они только затем и пришли, чтобы глазеть на бедную дикую индианку, а она не хочет, чтобы ее выставляли напоказ. Раньше все любили ее и подчинялись ей, а здесь всякий смотрит на нее сверху вниз.

Но когда миссис Лэй спросила ее, не хочет ли она вернуться в леса, бедняжка прильнула к ней как младенец и стала умолять не отсылать ее.

И так продолжалось месяц за месяцем – от черной бури к яркому солнцу, но спокойствие той, под чьим влиянием девушка находилась, заражало и ее, взрывы делались все более редкими, и Эйаканора со дня на день становилась более рассудительной, хоть и не более счастливой.

В ту весну в Вирджинию отправлялась большая группа переселенцев под начальством некоего Джона Уайта. Рэли неоднократно писал Эмиасу, убеждая его принять на себя командование, но Эмиас был связан данным матери торжественным обещанием пробыть дома с ней по крайней мере год. И вместо себя он послал пятьсот фунтов.

Но вскоре обещание Эмиаса подверглось более тяжкому испытанию. В первый раз в жизни он стал угрюмым, раздражительным и беспокойным. Его мучила мысль, что другие дерутся с папистами, в то время как он праздно сидит дома. Его душа была наполнена мрачной ненавистью к дону Гузмону.

Никто не мог больше способствовать его мрачности, чем Сальвейшин Иео. Старик с каждым днем становился упорнее в своем фанатизме и нашел в хозяине слишком внимательного слушателя. И миссис Лэй не на шутку сердилась, когда слышала, как хладнокровно обсуждают вопрос, не совершили ли они непростительного греха, не перебив всех испанских пленников на галеоне.

Приближался день последней решительной, грозной схватки между Испанией и Англией. До сих пор военные действия ограничивались Нидерландами, Вест-Индией и африканскими островами. К самой Испании Англия относилась с уважением (как и Испания к Англии) и продолжала вести торговлю с испанскими портами, пока в 1585 году испанцы без всякого предупреждения не наложили ареста на все английские суда, приближающиеся к европейским берегам Испании. Эти суда должны были быть захвачены, по-видимому, чтобы составить часть огромной эскадры, которой предстояло напасть и уничтожить раз и навсегда – кого? – мятежных нидерландцев, как говорили испанцы. Но англичане думали иначе. Англия была намечен-

ной жертвой. Поэтому, вместо того чтобы начать переговоры о том, как избежать войны, англичане решили воевать, чтобы добиться переговоров. Дрейк, Фробишер⁹⁸ и Карлейль вымели Испанское море огнем и мечом и прекратили всякий подвоз из Индии. В то же время Уолсингхэм⁹⁹ посредством каких-то таинственных финансовых операций помешал венецианским купцам возместить испанские потери с помощью займа. И в тот год Армада не пришла.

Между тем иезуиты ни в Англии, ни в других местах не делали секрета перед своей паствой из действительной цели испанских вооружений. Позорная гибель, ужасная смерть ждет всех этих Дрейков и Рэли, Гренвайлей и Кавендишей, Хаукинсов и Фробишеров. Их нечестивые суда будут потоплены под грохот испанских пушек, благословенных папой и освященных молитвами и святой водой. Да, они погибнут, и Англия вместе с ними. Их так называемая королева – незаконная, отлученная от церкви, упорная покровительница свободной торговли, защитница Нидерландов, столп ложного учения, распространившегося по Европе, – будет послана в цепях через Альпы искупить свою жизнь у ног оскорбленного и страдающего отца человечества – Папы Римского!

Так говорили Парсон, Аллен и целый ряд других.

Злополучные иезуиты, которые целые годы хвастливо утверждали, что преследуемые верные сыны церкви на всем острове станут как один человек под священное знамя папы, убедились, что английские паписты, хотя не имеют ничего против реставрации папизма, но предпочитают какой-либо более спокойный способ, нежели вторжение иноземцев, ибо оно неизбежно лишит англичан их наследственных владений и посадит в их поместья жадных испанцев, которые станут обращаться с их арендаторами как с индейцами, а с ними самими как с кациками.

Но хотя сердца человеческие оказались слишком жестоки и безжалостны к предполагаемым страданиям Марии, царствующей на небесах, нашлась другая Мария, которая царствовала (или должна была царствовать) на земле и страдания которой производили больше впечатления на человеческие чувства.

Иезуиты не забыли о ней и, разумеется, нашли возможным на время отложить заботу о горестях Царицы Небесной ради горестей королевы шотландской. Не то чтобы эти горести их очень печалили, но сюда стоило вложить капитал. Она была католичка. Она была «прекрасна и несчастна», – добродетель, которая, подобно милосердию, покрывает множество грехов, – и поэтому служила подходящим козырем в большой игре Рима против Англии.

Когда бедный козырь сложил голову на эшафоте, испанцы были очень мало огорчены несчастьем, ибо главное, что удерживало их до сих пор от завоевания Англии, было опасение, что английская корона достанется Марии, а не им. Но смерть Марии была для них подходящим предложением!

И на этот раз Армада действительно должна была прийти. Елизавета вступила в переговоры. Но не следует думать, что она не предпринимала ничего другого, как подтверждает следующее письмо, написанное в середине лета 1587 года:

«Ф. Дрейк – капитану Лэю

Спешно

Дорогой мальчик!

Что я сказал королеве, то же говорю тебе. Есть два способа отпугнуть врага. Первый – стоять и кричать: «Попробуй сделать это еще раз, и я ударю тебя». Второй – сначала ударить его, а потом крикнуть: «Лучше не пробуй, а то ударю тебя еще раз». Я предпочитаю последний способ и потому немедленно отправлюсь подпалить бороду испанскому королю (я так и сказал

---

⁹⁸ Мартин Фробишер (1535–1597) – один из замечательнейших английских мореплавателей.

⁹⁹ Один из министров Елизаветы.

королеве, и она рассмеялась). Если я проживу столько времени, сколько требуется рыболовному судну, чтобы добраться из Коруньи до Кадикса, испанец в этом году не попадет в Англию иначе как вплавь. Поэтому, если ты все еще таков, каким я тебя знаю, приведи в Плимут добрый корабль не позже чем через месяц, и плывем вместе искать сражений и денег. Вкус того и другого тебе известен достаточно.

Твой любящий *Ф. Дрейк*».

Эмиас рвал на себе волосы, читая письмо, и выкурил за этот день больше табаку, чем могла истребить в один прием вся Англия.

Но все же он был верен своему обещанию. И вот что он ответил:

«Эмиас Лэй – его милости *Ф. Дрейку*,
адмиралу флота ее величества в Плимуте
Многоуважаемый сэръ!

Меня удерживает чародей, против которого вы бессильны, а именно – мать, которая запрещает. Я страдаю от этого. Но сражаться я могу в любое время, тогда как моя мать... Но я не хочу более утруждать ваше терпение, за исключением одной просьбы: узнать, если сможете, от пленных о некоем доне Гузмани Марии Магдалине Сотомайор де Сото – в Испании он или в Индии? Что делает этот негодяй и где его можно найти? Это все, о чем я вас прошу, и остаюсь с тяжелым сердцем ваш, во всем другом покорный, а я хотел бы и в этом,

Эмиас Лэй».

Нужно признаться, что, послушавшись, таким образом, матери, Эмиас мстил за себя, становясь с каждым днем все более раздражительным и неприятным.

Но его настроение значительно улучшилось, когда через несколько месяцев Дрейк вернулся с триумфом, уничтожив сотню судов в одном Кадиксе, захватив три больших галеона с неисчислимыми богатствами и потопив все малые парусники по побережью.

Незачем говорить, что после этого приход Армады был отложен еще на год.

Эти новости сами по себе, разумеется, мало успокоили Эмиаса, и он просто ворчливо заявил, что победа Дрейка испортила игру всем остальным; но его обрадовала весть, сообщенная Дрейком, что от капитана одного из галеонов он слышал о доне Гузмани. Последний в большой милости в Испании и командует солдатами на одном из самых больших кораблей.

Чудовищная радость овладела Эмиасом. Когда придет Армада, а прийти она должна, он наконец встретится со своим врагом. Теперь он может терпеливо ждать, если... И он содрогнулся от ужаса перед самим собой, поймав себя на том, что опасается, как бы дон Гузман не умер до этой встречи.

Однажды утром, как раз перед Рождеством, перед старым низким окном БэрUFFа появилась величественная фигура сэра Ричарда. Эмиас выбежал ему навстречу и привел его в дом, спрашивая, какие новости.

– Эмиас, Рэли давно не писал вам?

– Давно. И я удивляюсь, почему.

– Ладно. Вы не удивлялись бы, если бы знали, сколько он работает. Удивляться нужно тому, откуда он все знает, потому что, насколько я помню, он никогда даже не видел моря.

– Во всяком случае, никогда не видел морского боя, исключая Смервика и схватки с испанцами в семьдесят девятом году, когда он направился с Вирджинию с сэром Гомфри, но тогда он был просто хвастунишкой.

– Так что вы считаете его своим учеником, а? Но он многому научился в Нидерландах и в Ирландии. Теперь он хорошо знаком если не с силой наших кораблей, то со слабостью

сухопутных войск. Поверите ли, этот человек обвел вокруг пальца весь совет и заставил их пожертвовать береговыми укреплениями ради морских.

– И он совершенно прав. А что касается умения обвести вокруг пальца, этот человек за полчаса переубедит самого Сатану.

– Я бы хотела, чтобы он поехал в Испанию и испробовал там власть своего языка, – сказала миссис Лэй.

– Но мы, правда, будем иметь честь?..

– Да, мальчик. Многие требовали допустить высадку испанцев на берег и говорили, что и я не отрицаю, что лондонские подмастерья не ударят лицом в грязь перед голубой испанской кровью. Но Рэли возразил, что мы не можем подражать Нидерландам и другим странам, так как у нас нет ни одного замка или города, который мог бы выдержать десятидневную осаду, и что (как он хорошо выразился) нашим крепостным валом могут быть только человеческие тела. Поэтому до тех пор, пока враг может высадиться, где ему вздумается, нам остается надеяться только на предохранительные меры, но не на лекарства, а это дело не армии, а флота.

– Тогда за его здоровье, за здоровье верного друга всех храбрых моряков и моего, в частности! Но где он теперь?

– Завтра будет здесь, надеюсь.

– А что будем делать мы? – спросил Эмиас.

– В том-то и загвоздка. Я бы предпочел остаться и сражаться с Армадой.

– И я тоже. И я это сделаю.

– Но у него другие планы на наш счет.

– Мы можем обойтись и без его помощи.

– Эх, Эмиас. Надолго ли? Случалось ли, чтобы он просил вас сделать какую-либо вещь, а вы бы отказались?

– Конечно, не часто, но я должен драться с испанцами.

– Ладно, и я должен, мальчик. Все же я дал ему нечто вроде обещания.

– Не от моего имени, надеюсь?

– Нет, он сам его вытянет, когда приедет. Вы будете ужинать с ним и обо всем поговорите.

– Вернее, дам себя уговорить. Но куда же, черт побери, он собирается нас послать?

– В Вирджинию. Колонисты нуждаются в помощи. И, право, мы вернемся задолго до того, как Армада сдвинется с места.

Рэли пришел, увидел и победил. Миссис Лэй согласилась отпустить Эмиаса с такой мирной и полезной целью. И следующие шесть месяцев Эмиас и Гренвайль провели в непрерывной работе, а в байдфордской бухте стояли семь почти готовых кораблей, адмиралом которых был назначен Эмиас Лэй.

Но этому флоту не было суждено увидеть берега Нового Света.

В 1588 году, в один из долгих июньских вечеров миссис Лэй сидела у открытого окна, занимаясь рукоделием. Эйаканора сидела против нее на подоконнике и старалась внимательно читать «Историю девяти героев»¹⁰⁰, исподтишка посматривая в сад, где Эмиас расхаживал взад и вперед.

Наконец Эмиас поднял голову и увидел обеих.

– Вам, кажется, очень весело там? – сказал он.

– Иди сюда и повеселись с нами.

Он вошел и сел, а Эйаканора пристально уставилась в книгу.

---

¹⁰⁰ «История девяти героев», или, вернее, «девяти достойных» – одна из полуназидательных-полуприключенческих книг того времени, среднее между Священным Писанием и рыцарским романом.

– Ну, как идет чтение? – спросил Эмиас и продолжал, не дожидаясь ответа. – Я уверен, мы будем совершенно готовы на этой неделе. Разве вам не хотелось бы поехать с нами и еще раз увидеть индийцев, живущих в лесах?

– Поехать с вами? – пылко переспросила девушка.

– Ну вот! Я так и знал! Она не пробудет на берегу и двадцати четырех часов, как бросится в лес с луком в руках, как беглая нимфа, и мы больше никогда не увидим ее.

– Это неправда, гадкий человек! – И она горько расплакалась, спрятав лицо в складках платья миссис Лэй.

– Эмиас, Эмиас, зачем ты дразнишь бедную сиротку?

– Я только пошутил, – уверял Эмиас, как провинившийся школьник. – Не плачь же, не плачь, дитя, вот посмотри, – и он начал выворачивать свои карманы, – посмотри, что я купил для тебя сегодня в городе. – Он вытащил нарядный платок на голову, пленивший его матросское воображение. – Посмотри на него: голубой, красный, зеленый – настоящий попугай. – И он поднял платок.

Эйаканора со злобой посмотрела на него, выхватила из его рук платок и изорвала в клочья.

– Я ненавижу его и вас ненавижу! – Она спрыгнула с подоконника и выбежала из комнаты.

– О, мальчик, мальчик! – сказала миссис Лэй. – Ты хочешь убить это бедное дитя? Не стоит думать о таком старом сердце, как мое, которое и так уже почти разбито, но молодое сердце – одно из самых ценных сокровищ в мире, Эмиас, и оно долго страдает перед тем, как разбиться.

– Я разбиваю ваше сердце, мама?

– Не беспокойся о моем сердце, дорогой мальчик, но все же как можешь ты его разбить вернее, чем муча ту, кого я люблю, потому что она любит тебя?

– Любит меня? Да, конечно. Я нашел ее и привез ее сюда. И я не отрицаю, она может думать, что многим обязана мне, хотя я только исполнял свой долг. Но что касается большего, мама, вы измеряете чувство других своими собственными.

– Думает, что она многим обязана? Глупый мальчик, это не благодарность, а более глубокое чувство, которое может быть большей радостью, чем благодарность, но может также стать тягчайшей причиной гибели. От тебя зависит, Эмиас, чем из двух оно будет.

– Вы говорите серьезно, мама?

– Есть ли у меня настроение или время шутить?

– Но не хотите же вы, чтобы я женился на ней? – тревожно спросил деловитый Эмиас.

– Чего я хочу – я не знаю. Я не вижу ни твоего пути, ни своего собственного. Впереди все покрыто мраком. Что будет с нами, не знаю.

Эмиас помолчал одну-две минуты, а затем внезапно сказал:

– Если бы не вы, мама, я бы хотел, чтобы пришла Армада.

– Что? И погубила бы Англию?

– Нет, будь они прокляты! Никогда нога их не ступит на английскую землю, так горячо мы их встретим. Эх, попасть бы мне в середину флота, сражаясь так, чтобы все забыть: один галеон с бакборта, другой со штирборта¹⁰¹, потом сунуть фитиль в кюйт-камеру¹⁰² и взлететь на воздух в хорошей компании!.. Если бы не вы, мама, я бы очень мало тревожился о том, как скоро это случится.

– Если я стою на твоем пути, Эмиас, не бойся, я не долго буду тебя беспокоить.

---

¹⁰¹ Когда корабль идет по ветру, держа путь несколько правее, курс называется штирборт, а в обратном случае – бакборт. Кроме того, штирборт – левый борт корабля, а бакборт – правый.

¹⁰² Помещение на корабле, где хранятся боевые припасы.

– О, мама, мама, не говорите так. Я, кажется, уже наполовину сошел с ума и сам не знаю, что говорю. Да, я охвачен безумием, – мое сердце, во всяком случае, если не голова. Какой-то огонь сжигает меня день и ночь.

– Мой бедный, упрямый мальчик. Кто это идет к нашим дверям? И притом так поспешно? Раздался громкий, торопливый стук, и через мгновение вошел слуга с письмом.

– Капитану Лэю, весьма спешно!

Почерк был сэра Ричарда. Эмиас разорвал конверт и... рассмеялся громким смехом.

– Армада идет. Мое желание исполнилось, мама!

– Покажи мне письмо.

Там было торопливо нацарапано:

«Дорогой Эмиас!

Уолсингхэм прислал сообщение, что Армада вышла из Лиссабона в Корунью 18 мая. Больше мы ничего не знаем, но имеем распоряжение задержать корабли. Приходи и помоги нам своим советом, дорогой мальчик.

Любящий тебя *Р. Г.*»

– Простите меня, мама. Простите за все! – воскликнул Эмиас, обвивая руками ее шею.

– Мне нечего прощать, мальчик мой, дорогой мальчик! Неужто я и тебя потеряю?

– Если меня убьют, в нашем роду будет два героя, мама!

Миссис Лэй опустила голову и молчала. Эмиас схватил шляпу и меч и побежал в Байдфорд.

Эмиас буквально танцевал в гостиной сэра Ричарда, где последний серьезно разговаривал с различными купцами и капитанами.

– Господа, враг наконец-то сорвался с цепи, и теперь мы знаем, что он будет в наших руках!

– Почему вы так веселы, капитан Лэй, когда все прочие грустны? – раздался около него кроткий голос.

– Потому что я долго был грустен, когда все прочие были веселы, дорогая леди. Разве сокол грустит, когда с него снимают колпачок и он видит, как цапля хлопает крыльями прямо над его головой?

– Вы, кажется, забываете об опасности и страданиях, грозящих нам, слабым женщинам.

– Я не забыл, сударыня, опасности и страданий, которым подвергалась одна слабая женщина – дочь человека, некогда находившегося в этой комнате, – опомнившись, ответил Эмиас тихим суровым голосом, – и я не забыл опасности и страданий, испытанных тем, кто стоил тысячи таких, как она. Я ничего не забыл.

– И ничего не простили, по-видимому.

– У нас будет время говорить о прощении после того, как обидчик раскается и исправится, а разве приход Армады похож на это?

– Увы, нет.

– Адмирал Лэй, – сказал сэр Ричард, – вы нужны нам теперь, – как всегда, впрочем. Вот приказ королевы снарядить столько кораблей, сколько нам удастся; хотя, судя по настроению этих джентльменов, я сказал бы, что этот приказ почти излишен.

– Без сомнения, сэр. Я, со своей стороны, снаряжу корабль за свой счет и буду сражаться на нем до тех пор, пока у меня останется хотя одна нога или рука.

– Или язык, чтобы ответить: «мы не сдаемся», – сказал один из старых купцов. – Вы вдохнули жизнь в нас, стариков, адмирал Лэй.

– Правильно, сэр! – сказал Эмиас. – Завтра же я начинаю снаряжать «Месть» и выйду в море, лишь только пополню ее команду достаточным числом бойцов.

В таком духе продолжался разговор. Не прошло и двух дней, как явилось большинство окрестных помещиков, приглашенных сэром Ричардом, и началось соревнование, кто больше сделает.

Карри и Браймблекомб пришли с тридцатью высокими молодцами из Кловелли и, даже не спросив разрешения Эмиаса, как будто само собой разумелось, заняли свои места на «Мести».

Целые семьи взялись за дело. Фортескью (малочисленный род) предложил снарядить один корабль, Чичеснепы – другой, Стокэляи – третий. Купечество не отставало: Бук, Страндт, Хард с радостью выгрузили свои вирджинские товары и заменили их порохом и пулями. И через неделю все семь кораблей были снова готовы и ждали попутного ветра, чтобы выйти в море.

И наконец 21 июня эта славная эскадра вышла в море.

А миссис Лэй опять стояла и смотрела на море, но на этот раз она была не одна, так как подле нее стояла Эйаканора и вглядывалась вдаль так, что ее глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. Наконец она повернулась и всхлипнула:

– Он даже не попрощался со мной, мама!

Глава XXVIII

Как Эмиас бросил свой меч в море

И вот началась великая морская битва, которой предназначено было решить: папизм или протестантизм станет повелевать половиной Европы и всей будущей Америкой.

В первый же день Эмиас и байдфордские корабли в течение двух часов старались продыривить громадный галеон, имеющий на корме изображение девушки с колесом и носящий имя «Святая Катарина». На его флаге на шпринтове был герб, принадлежащий, быть может, командиру солдат, но флаг очень быстро сбили, и Эмиас не мог сказать, был ли это герб де Сото или нет. Ну что же, времени для личной мести было сколько угодно. И, отозванный наконец адмиральским сигналом, Эмиас спокойно лег в постель и крепко уснул.

Но не прошло и часа, как его разбудил Карри, спустившийся к нему за распоряжениями.

– Мы должны были следовать за фонарем Дрейка, Эмиас, но я его нигде не вижу. Уж не торчит ли он там наверху, среди звезд?

Эмиас, ворча, встал. Но ни одного фонаря не было видно, хотя вблизи должен был находиться целый флот, – ничего, – только внезапный взрыв и большая пламя на одном из испанских кораблей, который медленно снялся с якоря.

Следующее утро застало «Мечь» против Торбэя. Эмиаса окликнула лодка, доставившая письмо от Дрейка.

Вот это письмо:

«Дорогой мальчик!

Я всю ночь попусту гонялся за пятью большими посудинами, которых феи на ночь превратили в галеоны, а сегодня утром – опять в немецких купцов. Я благословил их и отпустил, а на обратном пути попал на большой галеон Вальдеса¹⁰³, полный славной добычи. Лорд Эдуард пропустил этот галеон, думая, что он покинут экипажем. Я послал в Дартмут пропасть вельмож и офицеров – чуть ли не полсотни, в том числе самого Вальдеса. Когда я послал за ним лодку, он начал церемониться и ставить условия. Я ему ответил, что у меня нет времени с ним разговаривать. Если ему угодно умереть, я самый подходящий для этого человек. Он опять отказался, чванясь, что он – дон Педро Вальдес и что это несовместимо с его честью и с честью донов, его спутников. Я ответил, что со своей стороны я – Фрэнсис Дрейк и мои фитили горят. После чего он нашел в моем имени бальзам для ран своего собственного, явился ко мне на борт и заявил, что счастлив попасть в руки прославленного Дрейка, и еще много такого, что мог бы оставить при себе. Но я узнал от него много новостей (он – настоящая дырявая бочка) и между прочим, что ваш дон Гузман состоит на «Святой Катарине» командиром солдат. На ее шпринтове висит его герб, помимо герба святой Катарины на корме, изображающий девушку с колесом. Это величественного вида корабль с тремя орудиями, от которых пусть уберезет вас судьба и пошлет нам удачу вместе с вашим другом и адмиралом Ф. Дрейком.

Армада собиралась выкурить нас из Плимута. Хорошо, у них есть точные предписания на этот счет. Рабы дерутся, как ядро на привязи – не дальше своей веревки. Они не могут понять быстроты нашего управления и лавирования и принимают нас за настоящих чародеев. Чем дальше, тем лучше, а самое лучшее впереди. Мы с вами знали в старину длину их ног. Время и свет убьют любого зайца. Они убедятся в этом на пути от наших берегов до Дюнкирхена¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Дон Педро де Вальдес – командир флагманского адмиральского судна андалузской эскадры Великой Армады «Нуэстра Сеньора дель-Росарио».

¹⁰⁴ Крупный старинный порт на Немецком море.

– Адмирал в милостивом настроении, Лэй, что удостоил вас такого длинного письма.

– «Святая Катарина»! Да ведь это тот самый галеон, который мы вчера колотили весь день! – гневно вскричал Эмиас.

– Конечно, это он. Ладно, мы его опять найдем! Можешь не сомневаться. Ловкий старик этот Дрейк! Как он научился набивать свои карманы, даже если для этого нужно заставить весь флот сжать себя.

День за днем искал Эмиас «Святую Катарину» в самой гуще парусов и не находил ее, даже не слышал о ней. Он то опасался, что она потонула ночью и его добыча ушла от него, то боялся, что она починила свои повреждения и скроется от него. Он стал угрюмым, беспокойным, даже раздражительным с матросами.

И вот наконец в ту минуту, когда он меньше всего надеялся на это, он увидел справа громадный галеон, а на корме его – девушку с колесом!

– Вот она! – закричал Эмиас, перебегая на штирборт.

Матросы уже тоже заметили этот ненавистный знак, и злобный рев вырвался из всех глоток.

– Тише! – сказал Эмиас глухим голосом. – Ни одного выстрела. Зарядить ружья и быть наготове. Сначала я должен говорить с ним.

И в мертвом молчании «Месть» подошла к корме испанца.

– Дон Гузман Мария Магдалина Сотомайор де Сото! – раздался среди грохота громкий и ясный призыв.

Эмиас звал не напрасно. Бесстрашная и грациозная, как всегда, закованная в броню высокая фигура его врага вскочила на перила кормы, возвышающиеся на двадцать футов над головой Эмиаса, и Гузман крикнул через забрало:

– К вашим услугам, сэр, кто бы вы ни были!..

Дюжина мушкетов и луков нацелились в испанца, но Эмиас нахмурился.

– Никто не убьет его, кроме меня. Щадите его, даже когда вы покончите со всеми остальными. Дон Гузман! Я – капитан сэр Эмиас Лэй, я объявляю вас предателем и похитителем и еще раз вызываю вас на поединок, где и когда вам угодно.

– Вы будете желанным гостем на борту моего корабля, сэр, – спокойным, ясным голосом ответил испанец, – когда в вашей глотке будет торчать ответ на вашу клевету... – И, помедлив немного, ради бравады поправляя свой шарф, он медленно спустился и скрылся опять за бульварком¹⁰⁵.

– Трус! – закричал Эмиас во всю силу своих легких. Испанец тотчас вновь появился.

– К чему это имя, сеньор, ко всем прочим? – холодно и жестко спросил он.

– Потому что мы, англичане, называем трусами тех мужей, которые допускают, чтобы попы сжигали живыми их жен.

Испанец вздрогнул, схватился за рукоять меча, а затем прошипел сквозь опущенное забрало:

– За эти слова, бездельник, ты будешь висеть на ноке.

– Смотри, чтобы у тебя нашлась шелковая веревка, – расхохотался Эмиас, – потому что я только что посвящен в рыцари! – И он скрылся, так как ураган пуль засвистел сквозь снасти вокруг его головы.

– Огонь! – Английские орудия обрушились на кормовую часть испанского корабля, меж тем как пули последнего, не причиняя вреда, жужжали среди снастей.

Три раза «Месть», как дельфин, обходила вокруг «Святой Катарины», выпуская в нее залп за залпом. Бока испанца были продырявлены в сотне мест, меж тем как его ядра летали

---

¹⁰⁵ Бортовое укрепление.

так высоко, а палубные укрепления «Мести» были так крепки, что ее потери ограничивались несколькими сломанными перекладами и двумя-тремя ранеными матросами. Но, по-прежнему великолепный, испанец еще держался. Это была борьба между гарпуном и китом.

Задолго до захода солнца грозовая туча окутала землю тьмой, и грохот небесных орудий слился с грохотом земных. И все же, несмотря на дым и дождь, Эмиас не отставал от своей добычи. «Святая Катарина», желая двинуться на север вслед за испанским флотом, распустила марсели. Эмиас приказал своим матросам стрелять выше и повредить ее снасти. Но напрасно. Три или четыре запоздавших галеры, рассыпая искры и брызги, подошли к сражающимся и заградили галеон. Эмиас заскрежетал зубами и отдал приказ пробиться к врагу, несмотря на носы галер.

– Героический капитан! – с вытянутым лицом сказал Карри. – Если мы это сделаем, нас в пять минут разобьют и потопят, не говоря уж о том, что, по словам Иео, у него осталось не больше двадцати снарядов.

Итак, «Месть» умолкла и отошла, но всю ночь, несмотря на дождь и грозу, она шла следом за маленькой эскадрой.

На следующее утро солнце взошло на безоблачном небе. Дул сильный северо-западный ветер.

Обе эскадры давно миновали Дюнкирхен. Перед ними простиралось Немецкое море. Жестоко разбитые и сильно уменьшившиеся в числе, испанцы за ночь восстановили в своих рядах некоторый порядок. Англичане шли следом за ними на расстоянии одной или двух миль.

У англичан не было боевых припасов, и приходилось ждать новых.

К большому неудовольствию Эмиаса, «Святая Катарина» нагнала за ночь своих товарищей.

– Ничего не значит, – сказал Карри, – она не может ни нырнуть, ни улететь, а пока она находится на воде, мы...

– Что это там передает адмирал?

– Билл сигнализирует лорду Генри Сеймуру и его эскадре. Они скоро меняют галс и идут к берегам Фландрии.

Внезапно начинается какое-то движение в испанском флоте. «Медина» и плывущие за ней корабли поворачивают на англичан. Что это может означать? Не хотят ли они возобновить бой? Если это так, лучше уйти с дороги, потому что англичанам нечем драться. Англичане ложатся в бейдевинд. Они пропустят испанцев и вернуться к прежней тактике – идти следом и тревожить.

– Прощай Сеймур, – говорит Карри, – если он попадет между ними и пармской флотилией. Испанцы направляются в Дюнкирхен.

– Быть не может! У них не хватит воды догнать легкий парусник Сеймура. Смотри, прямо на нас идет большой корабль! Угостите его всем, что у нас осталось, ребята! А если он одолеет нас, подойдем к нему вплотную и умрем, сцепившись.

Они угостили испанский корабль всем, что имели, и все выстрелы попали в него; но его высокие борта были немые, как могила. Ему нечем было ответить на приветствие.

– Клянусь жизнью, он ставит грот. Негодяи собираются удирать!

– А за ним остальные! Победа! – вскричал Карри, когда испанские корабли один за другим распустили все свои паруса.

В английском флоте на несколько минут воцарилось молчание, а затем раздались торжествующие крики. Кончено. Испанцы не приняли боя и, думая только о своем спасении, поспешно возвращались назад. Непобедимая Армада потеряла право на свое имя.

Остаткам Армады не суждено было мирно добраться домой. Свирепый юго-западный ветер погнал на север и испанцев и англичан.

Куда теперь? К берегам Шотландии! Но и в Шотландии Армада не нашла убежища и двинулась еще дальше, к Норвегии.

На пятьдесят седьмом градусе широты английский флот, оставшись почти без провизии и давно уж не имея ни пороха, ни снарядов, повернул на юг, домой, сочтя за лучшее предоставить испанцев этим страшным и бурным северным водам.

Когда лорд главный адмирал решил вернуться, Эмиас попросил разрешения следовать за испанцами дальше. Кроме того, он попросил у сэра Джона Хаукинса боевых припасов и провизии, обещая их вернуть лично, если останется жив, либо из своего наследства, если умрет.

Эмиас написал соответствующую расписку и отдал ее сэру Джону, который, как деловой человек, взял ее и сунул в карман вместе с бечевкой, наперстком и табаком.

Затем Эмиас созвал всех своих матросов и еще раз напомнил историю Розы Торриджа и дона Гузмана де Сото, после чего спросил:

– Люди из Байдфорда, пойдете ли вы за мной? Тех, кто жаждет добычи, там ждет добыча; тех, кто жаждет мести, ждет месть, и всех нас (так как все мы жаждем чести) ждет честь изгнать последний испанский флаг из английских вод.

И все как один ответили, что пойдут за сэром Эмиасом Лэем.

Нет надобности описывать все подробности этой длинной и тягостной погони. Наступил шестнадцатый день. Низкие черные тучи и зловещая тишина предвещали шторм. Эмиас беспокойно и гневно шагал по палубе. Он знал, что испанец не может спастись от него, но проклинал каждое мгновение, отделяющее от великой мести, жажда которой омрачала его душу. Матросы хмуро сидели на палубе и говорили о ветре. Паруса вяло болтались; корабль ежеминутно глубоко нырял в волнах.

– Позаботьтесь о пушках. Они у вас скоро отвязутся, – проворчал Эмиас.

– Мы позаботимся о пушках, когда погода позаботится о ветре, – огрызнулся Иео.

– Ну, к вечеру у нас будет достаточно ветра, – сказал Карри. – И гроза будет.

– Тем лучше, – заявил Эмиас. – По мне, пусть разверзаются небеса, лишь бы это не помешало мне выполнить мое дело.

– Ручаюсь, что он недалеко от нас, – сказал Карри. – Лишь только проглянет солнце, мы увидим его.

– С подветренной стороны? Это одинаково может и быть и не быть. Сам дьявол ему помогает. Шестнадцать дней идти по пятам и до сих пор не проткнуть его!

И Эмиас нетерпеливо потряс мечом.

За все утро англичане не видели ни единого живого существа, даже пролетающей чайки.

В полдень все спустились вниз обедать – все кроме Эмиаса. Но не прошло и пяти минут, как с палубы загредел его голос: «Вон они!» – и в одно мгновение все вскарабкались на решетчатый люк с наибольшей быстротой, какую допускала неистовая качка.

Да, вот «Святая Катарина». Тучи внезапно разорвались, и клочок голубого неба на юге позволил потоку солнечных лучей упасть на ее высокие мачты и величественный корпус, качающийся на расстоянии четырех-пяти миль к востоку. Но земли нигде не было видно.

– Она там, а мы здесь! – сказал Карри. – Но где это «здесь» и «там»?

– Не все ли равно, – ответил Эмиас, оглядывая корабль холодными и страшными голубыми глазами. – Можем мы добраться до нее?

– Только если кто-нибудь выскочит за борт и станет толкать нас сзади, – сказал Карри. – Я спустился бы вниз доесть мою макрель, если бы качка не сбросила ее под стол, на радость тараканам.

– Не шути, Билл! Я не могу этого вынести, – сказал Эмиас таким дрожащим голосом, что Карри посмотрел на него. Он весь трясся как осиновый лист. Карри взял его за руку и отвел в сторону.

– Дорогой старый друг, – сказал Билл, когда Эмиас прислонился к бульварку, – что это значит? Ты сам на себя не похож. И ты такой уже четыре дня.

– Да, потому что я – не Эмиас Лэй. Я – мститель. Не спорь со мной, Билл. Когда все будет кончено, я стану прежним веселым Эмиасом.

И Карри грустно ушел. Спускаясь в решетчатый люк, он оглянулся. Эмиас достал оселок из кармана и точил лезвие меча, как будто подчиняясь роковому приговору: вечно точить и точить.

Тягостный день кончался. Тучи снова заволокли голубое пятно, и стало темно, как прежде. С каждым мгновением делалось все более душно, и время от времени отдаленный рокот сотрясал воздух.

Нельзя было ничего сделать, чтобы уменьшить расстояние между двумя кораблями, так как на «Мести» осталась всего одна лодка, и та была слишком мала, чтобы взять корабль на буксир.

Около двух часов к Эмиасу подошел Иео.

– Теперь он наш, сэр. Прилив шел на восток эти два часа. Наш, как лисица в капкане. Сам Сатана не вырвет его у нас.

Пока он говорил, где-то на западе раздалось сердитое громыханье, все ближе и громче – и снова все стихло. Все посмотрели друг на друга.

Лишь Эмиас не шелохнулся.

– Надвигается шторм, – сказал он, – и вместе с ним ветер. На этот раз вперед на восток, мои веселые молодцы!

– Вперед на восток никогда не приносит счастья, – вполголоса сказал Джек. Но в это время все глаза обратились на северо-запад, где на горизонте появилась черная полоса между водой и небом, а затем все слилось в тумане.

– Это надвигается ветер...

– И буря...

Мачты заскрипели. Море покрылось рябью. Горячее дуновение пробежало по щекам, натянуло все снасти, надуло и поставило все паруса.

Радостный возглас вырвался у матросов, когда руль начал работать, и «Месть» двинулась по ветру прямо на испанца, все еще лежавшего неподвижно.

– Ветер усиливается, Эмиас, – сказал Карри. – Не убавить ли нам немного паруса?

– Нет. Ни одной тряпки, – ответил Эмиас. – Дай мне руль, молодец! Боцман, свисти к бою.

И через десять минут все матросы были на своих местах, меж тем как гроза грохотала все громче, а ветер быстро свежел.

Прошло еще два часа, и четыре мили уменьшились до одной. Молния сверкала все ближе, и из громадной пасти черной тучи несся такой свирепый ветер, что Эмиас неохотно уступил намекам, грозившим перейти в открытый ропот, и приказал убавить паруса.

Они несутся вперед, едва замедлив ход. Черный свод несется за ними, подернутый плоской серой завесой проливного дождя.

Еще минута, и над их головами шквал разразился дождем, который хлестал как град, и ветром, который подхватил пену волн и слил все воды в сплошную белую бурлящую поверхность. А над ними, позади них и впереди них, сверкая и ослепляя, скакали и бегали молнии, меж тем как глухой рокот грома сменился треском.

– Накройте оружие и боевые припасы чехлами и заберите их с собой вниз! – крикнул Эмиас, не отходя от руля.

– И поддерживайте огонь на кухне, – сказал Иео, – чтобы быть наготове, если дождь испортит наши фитильные пальники. Я надеюсь, сэр, вы разрешите мне остаться подле вас на палубе, на случай...

– Кто-нибудь должен остаться со мной, а кто может быть лучше тебя?

Эмиас и его старый друг были теперь одни. Оба молчали. Каждый знал мысли другого. Шквал завывал все свирепее, дождь лил все сильнее. Где же испанец? Вот он качается с разорванными и болтающимися парусами.

– Он пробовал удрать и поймал удар молнии, – сказал Иео, потирая руки. – Что мы теперь будем делать?

– Станем с ним рядом, хотя бы из туч падали живые черти и ведьмы, и попытаем счастья еще раз. Паф! Как ослепляет молния!

И они продолжали плыть, быстро нагоняя испанца.

– Позови матросов наверх – и по местам! Через десять минут дождь пройдет.

Иео побежал вперед к шкафуту и бросился обратно с бледным лицом.

– Земля прямо перед нами! Лево руля, сэр! Бога ради, лево руля!

Эмиас с бычьей силой налег на руль, меж тем как Иео звал снизу матросов. «Месть» сделала резкий поворот, мачты согнулись, как прутья. С громким треском сломался фок-зейль. Что за беда? На расстоянии двухсот ярдов от них находился испанец. Прямо перед ними из густого мрака выростал и сливался с облаками громадный темный риф.

– Что же это? Мора? Эарглэнд? Это могло быть все что угодно.

– Лэнди, – сказал Иео, – южный берег. Я вижу вершину Шэттера в бурунах. Еще сильнее налево и поставьте его в бейдевинд, если можете. Посмотрите на испанца.

– Да, посмотрите на испанца!

По левую руку от них, когда они вышли из ветра, отвесно спускалась из туч гранитная стена уединенного утеса в две сотни футов вышиной. Дальше бушевала сотня ярдов бурунов, ревуших над подводными камнями, сквозь которые несло водопадом быстрое течение; затем среди столбов соленых брызг, как громадный черный коготь, готовый схватить добычу, возвышался Шэттер, а между Шэттером и землей мрачно чернел большой галеон.

Он тоже видел опасность и пытался выйти из ветра. Но его неуклюжая громада отказывалась подчиниться рулю. Наполовину скрытый пеной, одно мгновение он боролся, опять упал и ринулся навстречу своей судьбе.

– Потерян! Потерян! Потерян! – обезумев, кричал Эмиас и, подняв руки, выпустил румпель. Иео схватил его как раз вовремя.

– Сэр! Сэр! Что с вами? Мы еще благополучно минуем утес.

– Да! – закричал в бешенстве Эмиас. – Но он не минует!

Еще минута – галеон внезапно вздрогнул и остановился. Затем долгое напряжение и скачок, словно попытка освободиться, а затем его нос очутился над самым Шэттером. Страшная тишина воцарилась вокруг. Англичане не слышали рева ветра и волн, не видели ослепляющих вспышек молнии, – они слышали только один долгий пронзительный вопль пятисот человеческих глоток.

Они видели, как величественный корабль накренился и, открыв весь свой бок до самого киля, стремглав понесся вниз вместе с водопадом, пока совсем не опрокинулся и навеки не исчез.

– Позор! – крикнул Эмиас, бросая свой меч далеко в море. – Лишить меня моего права, когда оно уже было у меня в руках! Это безжалостно!

Грохот, который расколот небо и заставил камень звенеть и дрожать, яркая полоса пламени и затем пустота совершенной темноты, на которой выделяются раскаленные докрасна мачты, и паруса, и утес, и Сальвейшин Иео, стоящий перед Эмиасом с румпелем в руках... Все раскаленное докрасна превращается в пламя, а позади черная ночь...

Шепот, шорох совсем рядом с ним и тихий голос Браймблекомба:

– Дай ему еще вина, Билл. Его глаза открыты.

– Что это? – слабо спрашивает Эмиас. – Мы все еще не прошли Шэттера! Как долго мы боремся с ветром!

– Мы давно миновали Шэттер, Эмиас, – говорит Браймблекомб.
– С ума вы сошли? Что же, я не могу верить собственным глазам?
Никакого ответа, а затем:

– Конечно, мы давно прошли Шэттер, – очень ласково говорит Карри, – и стоим в бухте Лэнди.

– Вы хотите сказать, что это не Шэттер? Вот Чертова Печь и утес, – этот проклятый испанец только что исчез, – Иео стоит около меня, а Карри впереди. И, кстати, где же ты, Джек Браймблекомб, который говорит со мной в эту минуту?

– О, Лэй, дорогой Эмиас Лэй, – всхлипывает бедный Джек, – протяните руку, и вы почувствуете, где вы.

Великая дрожь охватила Эмиаса. Со страхом протянул он руку и убедился, что лежит на своей койке. Видение исчезло, как сон.

– Что такое? Я, должно быть, спал! Что случилось? Где я?

– В своей каюте, Эмиас, – сказал Карри.

– Что? А где Иео?

– Иео ушел туда, куда желал уйти, и так, как он желал. Тот же удар молнии, который попал в вас, поразил и его насмерть.

– Насмерть? Молния? Больше никаких повреждений? Я должен пойти посмотреть. Почему?.. Что это?.. – И Эмиас провел рукой по глазам. – Все темно, темно, клянусь жизнью! – И он снова провел рукой по глазам.

Вторично мертвое молчание. Эмиас прервал его:

– О, – вскричал он. – Я слеп! Слеп! Слеп!.. – И он в ужасе забился, умоляя Карри убить его и избавиться от несчастья, а затем, рыдая, призывал мать, как будто вновь стал ребенком. И Браймблекомб, и Карри, и все матросы, столпившись за дверью каюты, рыдали.

Скоро приступ безумия прошел, и Эмиас, обессиленный, откинулся на подушки. Товарищи перенесли его в их единственную лодку, привезли на берег, с трудом внесли на гору в старый замок и устроили ему постель на полу той самой комнаты, где дон Гузман и Роза Солтерн дали клятву друг другу пять бурных лет тому назад.

Прошло три горьких дня. Эмиас, совершенно разбитый своим несчастьем и чрезмерным напряжением последних недель, без конца бредил. А Карри, Браймблекомб и матросы ухаживали за ним так, как только умеют ухаживать моряки и женщины.

На четвертый день бред прекратился, но Эмиас был еще слишком слаб, чтобы двигаться. Тем не менее около полудня он попросил есть, поел немного и, казалось, ожил.

– Билл, – сказал он через некоторое время, – в этой комнате так же душно, как темно. Я чувствую, что выздоровел бы, если бы мог вдохнуть немножко морского воздуха.

Врач покачал головой, не считая возможным тревожить больного, но Эмиас настаивал.

– Я еще капитан, доктор Том, и если захочу – отправлюсь в Индию. Билл Карри, Джек Браймблекомб, будете вы слушать слепого адмирала?

– Какое вам нужно доказательство? – спросили оба в один голос.

– Тогда выведите меня отсюда, друзья мои, и поведите на дюну на южном берегу острова. Я должен попасть на самый край южного берега. Никакое другое место не годится. – И он твердо встал на ноги и оперся на их плечи.

– Куда? – спросил Карри.

– На скалу над Чертовой Печью. Никакое другое место не годится.

Джек издал какое-то восклицание и приостановился, как будто у него мелькнуло нехорошее подозрение.

– Это опасное место.

– Что ж из этого? – спросил Эмиас, который по голосу Джека уловил его мысль. – Не думаешь ли ты, что я собираюсь броситься со скалы? На это у меня не хватит мужества. Вперед, дети мои, и устройте меня поудобнее среди камней.

Медленно, с трудом подвигались они вперед, меж тем как Эмиас бормотал про себя:

– Нет, никакое другое место не годится. Оттуда я могу все видеть.

Так дошли они до того места, где циклопическая стена гранитного утеса, образующая западный берег Лэнди, резко обрывается трехсотфутовой пропастью. Несколько минут все трое молчали.

Глубокий вздох Эмиаса прервал молчание.

– Я здесь все знаю... Дорогое старое море, где я хотел бы жить и умереть... Усадите меня среди камней так, чтобы я мог отдохнуть, не боясь упасть, потому что жизнь сладостна даже без глаз, друзья, и дайте мне побыть немного одному.

– Ты сможешь сидеть здесь как в кресле, – сказал Карри, помогая Эмиасу опуститься на одно из естественных четырехугольных сидений, часто встречающихся в гранитных скалах.

– Хорошо! Теперь поверни меня лицом к Шэттеру. Так. Я смотрю прямо на него?

– Совершенно прямо, – ответил Карри.

– Тогда мне не нужно глаз, чтобы видеть все, что передо мной, – с грустной улыбкой сказал Эмиас. – Я знаю каждый камень, каждый выступ и каждую волну на пространстве гораздо большем, чем может охватить глаз. Теперь уходите и оставьте меня одного.

Они отошли на небольшое расстояние и стали стеречь его. Эмиас несколько минут не шевелился, затем оперся локтями о колени, положил голову на руки и снова замер.

В таком положении он оставался так долго, что его друзья начали беспокоиться и подошли к нему. Он спал и дышал быстро и тяжело.

– Он схватит лихорадку, – сказал Браймблекомб, – если будет еще спать на солнце.

– Мы должны осторожно разбудить его, если мы вообще сможем его разбудить. – И Карри приблизился к спящему. В то же время Эмиас поднял голову и, повернув ее направо и налево, посмотрел вокруг себя невидящими глазами.

– Ты заснул, Эмиас?

– Правда? Значит, сон не вернул мне глаз. Возьмите этот большой ненужный остов и поведите меня домой. Я куплю себе собаку, когда приеду в Бэрурфф, и заставлю ее таскать меня на буксире. Так! Дай руку! Теперь марш!

Его спутники с удивлением слушали веселый голос.

– Слава Богу, что у тебя стало легко на сердце, – сказал добрый Джек. – Я чувствую, как будто и я сразу ожил от этого.

– У меня есть основание стать веселым, Джон. Я сбросил с себя тяжкий груз. Я был диким заносчивым глупцом. Я раздулся от чванства и жестокости. Я думал, что месть – великое и правое дело, и только теперь я наконец понял, что на самом деле я давно уже был слеп и только теперь прозрел.

– Но ты не раскаиваешься, что дрался с испанцами?

– В этом нет, но раскаиваюсь в том, что ненавидел даже самых достойных из них – раскаиваюсь. Слушайте меня, Билл и Джек. Этот человек причинил мне зло, но и я ему причинил не меньше. Но я понял свою вину перед ним, и мы помирились.

– Помирились?

– Да, помирились. Но я устал. Дайте мне посидеть немного – я расскажу вам, как это произошло.

Удивленные, они посадили его на траву. Вокруг жужжали на солнце пчелы. Эмиас нащупал руки своих друзей, соединил их в своей и начал:

– Когда вы оставили меня там, на скале, ребята, я стал смотреть на море, чтобы в последний раз почувствовать дыхание веселого морского ветра, который никогда уж не возьмет меня

с собой. И, уверяю вас, я видел воду и море так же ясно, как всегда, и я стал думать, что зрение вернулось ко мне. Но скоро я понял, что это не так, ибо я увидел больше, чем может увидеть человек. Передо мною открылся весь океан, клянусь жизнью, и все Испанское море. Я видел Барбадос и Гренаду и все острова, мимо которых нам случилось плавать, и Ла-Гвайру на Каракасе, и тот дом, где жила она. И я видел, как он гулял с ней в саду, и тогда он любил ее. И я говорю вам: он все еще любит ее. Потом увидел внизу скалы и утес Гэлль, и Шэттер, и Лэдж. Я видел их, Вильям Карри, и я видел траву на дне веселого голубого моря. И я видел большой старый галеон, Билл; прилив выпрямил его. Он лежит на глубине в девяносто футов, на песке, около самой скалы; и все его матросы лежат вокруг и спят беспробудным сном.

Карри и Джек посмотрели на Эмиаса, а затем друг на друга. Его глаза были ясны и светлы и полны мысли; и все же они знали, что он слеп. Его голос звучал почти как пение. Что это: вдохновение или безумие? И они напряженно слушали, а великан продолжал, устремив глаза в голубую глубь далеко внизу.

– И я увидел, что он сидит в своей каюте; вокруг него сидят все его офицеры и пьют вино; их мечи лежат на столе. А рыбы и креветки и речные раки плавают взад и вперед над их головами. Потом дон Гузман говорил со мной, Билл. Он обратился ко мне прямо через морскую траву и воду: «У нас была славная ссора, сеньор. Теперь время стать снова друзьями. Моя жена и ваш брат простили меня; поэтому ваша честь не пострадает». И я ответил: «Мы – друзья, дон Гузман». Тогда он протянул мне руку, Карри, а я нагнулся, чтобы взять ее, и проснулся. Он кончил. Друзья снова посмотрели на его лицо. Оно было измученное, но ясное и кроткое, как у новорожденного младенца. Постепенно его голова вновь склонилась на грудь. Он был в обмороке или спал, и они с большим трудом доставили его домой. Он проспал сорок восемь часов, затем внезапно поднялся, попросил есть, плотно поел, и, казалось, исключая зрения, прежнее здоровье и силы вернулись к нему.

Глава XXIX

Как Эмиас уронил яблоко

Первое октября. Ясное и спокойное утро. Небо покрыто нежно-серыми осенними облаками. И небо и земля как будто отдыхают после тревожного лета битвы и бури. В полном молчании, словно пристыженная и грустная, «Месь» проскользнула через заграждения, миновала уснувшие песчаные холмы и бросила якорь у Аппельдора. Ее флаг был наполовину спущен, так как на борту находилось тело Сальвейшина Иео. От корабля отошла лодка и направилась к западному берегу. Карри и Браймблекомб помогли выйти из нее Эмиасу Лэю и медленно повели его наверх, к его дому.

Вокруг него столпился народ. Раздавались радостные возгласы и всхлипывания добро-сердечных женщин: весь Аппельдор и Байдфорд знали уже, что с ним случилось.

– Пощадите меня, мои добрые друзья, – сказал Эмиас. – Я высадился здесь, чтобы иметь возможность спокойно дойти до дому, не проходя через город и не становясь предметом общего внимания. Не думайте и не говорите обо мне, добрые люди. Идите за мной и проводите к могиле тело более достойного человека, чем я.

В это время к берегу пристала вторая лодка и в ней покрытые английским флагом останки Сальвейшина Иео.

Народ внял словам Эмиаса. В Бэрурфф послали человека сообщить миссис Лэй, что ее сын прибыл. Когда выгрузили и подняли гроб, Эмиас и его друзья заняли место позади него, во главе погребального шествия; за ними выстроилась команда, а позади двигалась толпа, возрастающая с каждой минутой, так что уже на полпути до Норшэма за гробом шло не менее пятисот человек.

Миссис Лэй оставалась дома. У нее не было сил видеть людей, и хотя ее сердце было полно скорби за сына, все же она была довольна (когда не была она довольна?), что он отдает последний долг своему старому и верному другу. Она сидела в нише окна, и рядом с ней сидела Эйаканора.

– Эйаканора, – сказала миссис Лэй, – они хоронят старого мистера Иео, который любил тебя и искал тебя по всему свету. Разве ты не жалеешь о нем, дитя, что ты так весела сегодня?

Эйаканора покраснела и повесила голову. Бедное дитя, она не думала ни о чем и ни о ком, кроме Эмиаса.

Иео похоронили. Опираясь на руки своих товарищей, Эмиас медленно вышел с церковного двора, прошел деревню и поднялся по тропинке к воротам Бэрурффа. Казалось, он великолепно знал, когда они подошли к воротам. Он сам отворил калитку и храбро пошел вперед по усыпанной гравием дорожке, меж тем как Карри и Браймблекомб, дрожа, следовали за ним. Они ждали бурного взрыва чувств со стороны Эмиаса или его матери, и сердца славных парней трепетали, как девичьи.

Эмиас подошел к двери, как будто видел ее. Нашупав порог, переступил и спокойно позвал: «Мама».

В одно мгновение мать очутилась на его груди. Некоторое время оба молчали. Она внутренне рыдала, но глаза ее были сухи. Он стоял твердо и бодро, обняв ее своими большими руками.

– Мама! – сказал наконец Эмиас. – Я вернулся домой, вы видите, потому что я должен был вернуться. Хотите вы принять меня и смотреть за этим беспомощным остовом? Я не буду причинять вам слишком много хлопот. Или буду? – Он склонил голову, улыбнулся и поцеловал ее в лоб.

Она не ответила ни слова, лишь ласково обняла его талию и повела.

– Береги голову, дорогое дитя, дверь низкая. – И они вместе вошли.

– Билл, Джек! – поворачиваясь во все стороны, звал Эмиас, но оба друга быстро ударили.

– Я рад, что мы ушли, – сказал Карри. – Еще минута, и я превратился бы в младенца, глядя на эту женщину. Как дергалось ее лицо! И как она держала себя в руках!

– Да, – сказал Джек. – Море лишилось славного искателя приключений, не совершившего и четверти того, что он мог бы сделать. Ох, теперь я должен зайти домой повидать моего старика отца, а затем...

– А затем домой ко мне, – сказал Карри. – Ты от меня никуда не уйдешь. Мы слишком долго скитались вместе, Джек, и я не позволю тебе растратить призовые деньги на распутную жизнь. Я должен буду присматривать за тобой на берегу, старый Джек, иначе ты целую неделю станешь угощать в таверне полгорода.

– О Билл! – воскликнул возмущенный Джек.

– Пойдем со мной домой. Давай отравим пастора, и мой отец сделает тебя ректором.

– О Билл! – простонал Джек.

И в тот же день они вместе отправились в Кловелли.

А Эмиас сидел совершенно один. Его мать вышла на несколько минут поговорить с матросами, принесшими багаж Эмиаса. Эмиас сидел в старой нише, где сживал, когда был совсем крошечным мальчуганом, читая «Короля Артура», «Мучеников» Фокса и другие увлекательные книги. Он протянул руку и попробовал их найти. Вот они лежат одна подле другой, точно так же, как лежали двадцать лет тому назад. Окно было отворено, и прохладный ветерок доносил, как встарь, аромат поздних роз, розмарина и осенних левкоев. А на столе блюдо с яблоками, – он знал это по запаху. Такие же самые старые яблоки, какие он собирал, когда был мальчиком. Он протянул руку, взял яблоки и играл ими, и гладил их, как будто вовсе не прошло этих двадцати лет. Но вдруг одно из них выскользнуло из его пальцев и упало на пол. Он нагнулся и хотел поднять его, но не мог найти. Досадно! Он быстро повернулся, чтобы поискать с другой стороны, и больно ударился головой о стол.

Была ли это боль или маленькое разочарование? Или это смешное и ничтожное происшествие напомнило ему о его слепоте и о всех связанных с нею унижениях? Или это была внезапная реакция напряженных нервов, вызванная незначительным раздражением? Или он в самом деле стал ребенком?

Но он сердито затопал ногами, а затем, опомнившись, горько заплакал.

Быстрый шорох – яблоко вернулось на место, и голос Эйаканоры прорыдал:

– Вот! Вот оно! Не плачьте! О, не плачьте! Я этого не вынесу. Я достану все, что вы хотите! Только позвольте мне ухаживать за вами, кормить вас, водить вас. Скажите, что мне можно быть всегда с вами! – И, упав к его ногам, она схватила его руки и стала покрывать их поцелуями. – Да! – кричала она. – Я хочу быть всегда с вами! Я должна быть с вами! Вы не можете помешать мне! Теперь вы не сможете убежать от меня! Вы не можете уйти в море! Вы не можете отвернуться от меня, несчастной! Теперь вы весь мой! Весь!

И она торжествующе сжимала его руки.

– Ах, какая я негодная, что радуюсь этому! Что дразню его его слепотой! О, простите меня! Я только бедная дикарка, дикая индийская девушка... вы знаете... Но... но... – И она разрыдалась.

Великое волнение потрясло тело и душу Эмиаса Лэя. Он минуту молчал, а затем торжественно сказал:

– Так это еще возможно?

Эйаканора вопросительно взглянула вверх на его лицо, но прежде, чем она успела что-либо сказать, он наклонился, схватил ее, прижал к своей груди и покрыл ее лицо поцелуями.

С той минуты дар песен вернулся к Эйаканоре. День за днем, год за годом раздавался ее голос в этом счастливом доме и уносил безмятежные мысли слепого великана в леса далекого Запада вслед за искателями приключений, которые держали курс «Вперед, на запад!».